

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Дагестанский научный центр
Институт социально-экономических исследований

№ 9 (71), 2016

Ежемесячный
научный
журнал

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ

Выходит с 2004 года

Издается по решению Ученого Совета
Института социально-экономических
исследований ДНЦ РАН

Периодичность – ежемесячный. Свободная цена

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ: ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

Петросянец В.З. — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социально-экономических исследований ДНЦ РАН

ЧЛЕНЫ СОВЕТА:

директор Центрального экономико-математического института РАН, д.э.н., профессор, академик РАН

иностраный член РАН, д.т.н., профессор

директор Института проблем рынка РАН, д.э.н., профессор, член-корреспондент РАН

заместитель директора Центрального экономико-математического института РАН,
д.э.н., профессор, член-корреспондент РАН, академик РАЕН

директор Института экономики НАН Республики Армения им М. Котаняна, д.э.н., член-корреспондент НАН

директор Института социально-экономических проблем народонаселения РАН, д.э.н., профессор

руководитель Центра социальной демографии и экономической социологии Института социально-политических исследований РАН, д.э.н., профессор, член-корреспондент РАН

Заместитель Председателя Совета Федерации РФ, к.ф.н.

Начальник Отдела общественных наук РАН – заместитель академика-секретаря ООИ РАН по научно-организационной работе, д.э.н., профессор

директор Института экономики НАН Республики Армения им М. Котаняна, д.э.н., член-корреспондент НАН

Республики Армения

директор Института социально-экономических проблем народонаселения РАН, д.э.н., профессор

директор Института информатики и проблем регионального управления КБНЦ РАН, д.т.н., профессор

заведующая кафедрой «Национальная и региональная экономика», проректор ФГБОУ ВПО «Дагестанский

государственный университет», д.э.н.

генеральный директор Фонда национальной энергетической безопасности (ФНЭБ), заведующий кафедрой

«Прикладная политология», первый проректор ФГБОУ ВПО «Финансовый университет при Правительстве

Российской Федерации», к.полит.наук, доцент

директор Омского института (филиала) ФГБОУ ВПО «Российский экономический университет имени Г.В.

Плеханова», к.ю.н., д.э.н., профессор

декан факультета прикладных коммуникаций, заведующий кафедрой «Теория коммуникации» ФГБОУ ВПО

«Санкт-Петербургский государственный университет», д.полит.наук, д.э.н., профессор

заведующая кафедрой «Государственное и муниципальное управление» филиала ФГАОУ ВПО «Северо-

Кавказский федеральный университет» в г. Пятигорске, д.э.н., профессор

профессор кафедры «Экономика производства и статистика» Северо-Кавказская государственная гуманитарно-

технологическая Академия, д.э.н., профессор

профессор, доктор геогр. наук, Институт Восточных Языков и Цивилизации, Франция, г. Париж

доктор юридических наук, профессор Юридического факультета Токийского университета

д.э.н., профессор

к.э.н.

д.т.н., профессор

д.э.н., профессор

д.э.н., профессор

д.г.н., профессор

д.э.н.

д.э.н.

к.ф.н., доцент

к. ф.-м.н., доцент

к.э.н.

к.э.н.

к.э.н.

к.э.н.

к.э.н.

к.э.н.

ответственный секретарь

тех. редактор

составитель (дизайн-верстка)

Зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору в сфере связи и массовых
коммуникаций Российской Федерации
(Роскомнадзор). ПИ №ФС77-58168
от 29 мая 2014 года

Макаров В.Л.

Акаев А.А.

Цветков В.А.

Клейнер Г.Б.

Римашевская Н.М.

Рязанцев С.В.

Умаханов И.М.-С.

Аносова Л.А.

Арутюнян В.Л.

Локосов В.В.

Иванов П.М.

Магомедова М.М.

Симонов К.В.

Метелев С.Е.

Большаков С.Н.

Киселева Н.Н.

Кубанов А.М.

Жан Радвани

Кимитака Матсузато

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Дохолян С.В.

(главный редактор)

Гимбатов Ш.М.

(зам. главного редактора)

Абдулаев Ш.-С.О.

Ахмедуев А.Ш.

Гасанов М.А.

Мудуев Ш.С.

Бейбалаева Д.К.

Кутаев Ш.К.

Абдулагатов З.М.

Зоидов К.Х.

Багомедов М.А.

Деневизюк Д.А.

Курбанов К.К.

Петросянец Д.В.

Чернышов М.М.

Садыкова А.М.

Гитиномагомедова П.А.

Джамилев А.М.

Материалы журнала отражают точку зрения авторов
и не являются официальной позицией Института.

При использовании материалов ссылка на журнал обязательна

Адрес редакции: 367030, г. Махачкала, ул. М. Ярагского 75

Наш сайт в Интернете: www.rppe.ru

Тел. 62-45-16, 62-66-86, 8-928-800-222-0

© НП «Редакция журнала «Региональные проблемы преобразования экономики»

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Кадиев Р.А. Модель общего поля регулятора как инструмент институционального анализа на примере анализа террористического подполья в Республике Дагестан	4
---	---

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ

Экономика, организация и управление предприятиями, отраслями, комплексами АПК и сельское хозяйство

Вартанова М.Л. Механизм взаимодействия и взаимозависимость приоритетов продовольственного обеспечения и стратегий развития агропромышленного комплекса	16
Дохолян С.В. Ботгаев Ж.Х., Умавов Ю.Д. Анализ теоретических и методологических подходов к устойчивости развития агропромышленных предприятий.....	30
Курбанов К.К., Джабраилов Р.А., Махмудов М.К. Использование ресурсного потенциала регионального АПК при решении задач импортозамещения	43
Буржалиева З.Н. Обоснование организационно-экономического механизма функционирования кластера садоводства в Республике Дагестан	50
Шейхова П.М., Ашурбекова Ф.А. Эффективные механизмы господдержки – ключевой фактор динамичного развития АПК региона в условиях импортозамещения.....	60

Транспорт

Кардашова М.А.-Г., Далгатова И.Д. Перспективы развития транспортной логистики	69
---	----

Сфера услуг

Кияницына Л.Н. Оценка эффективности и прогноз развития институтов медицинского страхования в регионе (на примере ХМАО-Югры)	76
---	----

Региональная экономика

Чернышов М.М. Межрегиональная интеграция в системе управления социально-экономическим развитием макрорегионов	89
Сагидов Ю.Н. Активизация развития аграрно-ориентированных регионов России	102
Рощупкина В.В. Управление потенциалом по налогу на прибыль организаций как фактор обеспечения налоговой безопасности региона	112
Хубиева Ж.К. Анализ методик моделирования социально-экономического развития региона	118

Экономика труда

Рязанцева М.В., Смирнов В.М. Зарубежный опыт социального партнерства на рынке труда и в профессиональном образовании	125
Будзинская О.В., Демидова А.В. Человеческий капитал и инвестиции в образование	135

Экономика народонаселения и демография

Абдулманов П.Г. Мониторинг демографической ситуации в Республике Дагестан	144
---	-----

МАТЕМАТИЧЕСКИЕ И ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЕ МЕТОДЫ ЭКОНОМИКИ

Прокопьев М. Г. Калибровка эластичностей: теоретические предпосылки и практическая реализация	153
---	-----

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Толорая Г.Д., Тригубенко М.Е., Яковлева Л.Н. Перспективы реформирования северокаорейской экономики	165
--	-----

TABLE OF CONTENTS

ECONOMIC THEORY

KADIEV R.A. A MODEL OF THE COMMON GROUND OF A REGULATOR AS A TOOL OF AN INSTITUTIONAL ANALYSIS ON AN EXAMPLE OF TERRORIST UNDERGROUND IN THE REPUBLIC OF DAGESTAN.....	4
---	---

ECONOMICS AND NATIONAL ECONOMY MANAGEMENT

Economics, organization and management of enterprises, branches, complexes
Agribusiness and agriculture

VARTANOVA M.L. MECHANISM OF INTERACTION AND INTERDEPENDENCE OF PRIORITIES OF FOOD PROVISION AND STRATEGIES OF DEVELOPMENT OF THE AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX	16
DOKHOLYAN S.V., BOTTAEV J.KH., UMAVOV YU.D. ANALYSIS OF THEORETICAL AND METHODOLOGICAL APPROACHES TO SUSTAINABILITY OF DEVELOPMENT OF AGRO-INDUSTRIAL ENTERPRISES	30
KOORBANOV K.K., JABRAILOV R.A., MAKHMOODOV M.K. USING THE RESOURCE POTENTIAL OF THE REGIONAL AIC WHEN SOLVING THE TASKS OF IMPORT SUBSTITUTION	43
BOORJALIEVA Z.N. SUBSTANTIATION OF ORGANIZATIONAL-ECONOMIC MECHANISM OF FUNCTIONING OF A CLUSTER OF HORTICULTURE IN THE REPUBLIC OF DAGESTAN	50
SHEIKHOVA P.M., ASHOORBOKOVA F.A. EFFECTIVE MECHANISMS OF STATE SUPPORT ARE THE KEY FACTORS OF A DYNAMIC DEVELOPMENT OF THE AIC OF THE REGION IN THE CONDITIONS OF IMPORT SUBSTITUTION	60

Transport

KARDASHOVA M.A.-G., DALGATOVA I.D. PROSPECTS OF DEVELOPMENT OF TRANSPORT LOGISTICS	69
---	----

Services

KIYANITSINA L.N. EVALUATION OF EFFECTIVENESS AND FORECAST OF DEVELOPMENT OF INSTITUTES OF MEDICAL INSURANCE IN THE REGION (USING THE EXAMPLE OF KHMAD-UGRA).....	76
---	----

Regional economy

CHERNYSHOV M.M. INTERREGIONAL INTEGRATION IN THE MANAGEMENT OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF MACROREGIONS.....	89
SAGIDOV YU.N. ACTIVATION OF DEVELOPMENT OF AGRARIAN-ORIENTED REGIONS OF RUSSIA	102
ROSCHUPKINA V.V. MANAGEMENT OF POTENTIAL IN TAX ON ORGANIZATIONAL PROFITS AS A FACTOR OF PROVIDING FOR TAXATION SECURITY OF THE REGION	112
KHOOBIEVA J.K. ANALYSIS OF METHODS OF MODELLING OF THE SOCIAL-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE REGION.....	118

Labor Economics

RYAZANTSEVA M.V., SMIRNOV V.M. FOREIGN EXPERIENCE OF SOCIAL PARTNERSHIP IN THE LABOR MARKET AND VOCATIONAL EDUCATION AND TRAINING.....	125
BOODZINSKAYA O.V., DEMIDOVA A.V. HUMAN CAPITAL AND INVESTMENTS INTO EDUCATION	135

Economics of population and demography

ABDULMANAPOV P.G. MONITORING OF THE DEMOGRAPHIC SITUATION IN THE REPUBLIC OF DAGESTAN	144
--	-----

MATHEMATICAL AND INSTRUMENTAL METHODS OF ECONOMICS

PROKOPIEV M.G. CALIBRATION OF ELASTICITIES: THEORETICAL PREDISPOSITIONS AND PRACTICAL IMPLEMENTATION	153
---	-----

THE WORLD ECONOMY

TOLORAYA G.D., TRIGOOBENKO M.E., YAKOVLEVA L.N. PROSPECTS OF REFORMING NORTH KOREAN ECONOMY	165
--	-----

УДК

КАДИЕВ РАСУЛ АХМЕДОВИЧ

адвокат, Дагестанская специализированная коллегия адвокатов, e-mail: kadievra@mail.ru

МОДЕЛЬ ОБЩЕГО ПОЛЯ РЕГУЛЯТОРА КАК ИНСТРУМЕНТ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО АНАЛИЗА НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ПОДПОЛЬЯ В РЕСПУБЛИКЕ ДАГЕСТАН

Аннотация. На государственном, региональном и муниципальном уровнях наблюдается постоянный поиск наиболее выгодных правил и юрисдикций индивидуальными и коллективными субъектами социально-экономических отношений. Власти всех уровней стремясь увеличить налогооблагаемую базу и сохранить капитал в рамках своей юрисдикции, заинтересованы в понимании стратегии выбора регулятора субъектами социально-экономических отношений. Проблема усложняется тем, что благодаря техническому прогрессу увеличилась скорость получения информации о конкурентных правилах и упростился переход из одной юрисдикции в другую. Это ставит перед властями всех уровней вопрос о выборе правильной стратегии: свободная конкуренция, ограничения выхода из юрисдикции и т. д. В работе используется модель общего поля регулятора для демонстрации возможных стратегий конкурирующих институтов, а также модели выбора регуляторов субъектами социально-экономических отношений. В качестве демонстрации применения модели общего поля регулятора были взяты сведения об активности террористического подполья на территории Республики Дагестан.

Ключевые слова: институты, институциональная экономика, регулятор, общее поле регулятора, конкуренция, человеческий капитал, рациональные ожидания, модель, миграция, ликвидность регулятора, подчерк регулятора, терроризм.

KADIEV RASOOL AKHMEDOVICH

Attorney, Dagestan Specialized Bar Association, e-mail: kadievra@mail.ru

A MODEL OF THE COMMON GROUND OF A REGULATOR AS A TOOL OF AN INSTITUTIONAL ANALYSIS ON AN EXAMPLE OF TERRORIST UNDERGROUND IN THE REPUBLIC OF DAGESTAN

Abstract. On the state, regional and municipal levels there is a continuous search of the most suitable rules and jurisdictions of individual and group entities of social-economic relations. Authorities of all levels, striving to expand the taxable base and preserve the capital within their jurisdiction are interested in understanding the strategy of choosing the regulator by subjects of social-economic relations. The problem is complicated by the fact that due to technical progress the speed of receiving information about competitive rules has increased, and the transition from one jurisdiction to the other has been simplified. This puts a question for the governments of all levels to respond to about choosing the right strategy: free competition, limitations of exiting the jurisdiction, etc. This paper uses a model of the common ground of a regulator to demonstrate possible strategies of competing institutes, as well as models of choosing regulators by entities of social-economic relations. In order to demonstrate the use of the model of the common ground of the regulator we have taken information about the activity of the terrorist underground on the territory of the Republic of Dagestan.

Keywords: institutes, institutional economy, a regulator, the common ground of the regulator, competition, human capital, rational expectations, a model, migration, liquidity of a regulator, the signature of a regulator, terrorism.

Уточнение понятий. Главными тезисам предложенной нами ранее [5] модели общего поля регулятора являются : выбор и создание регулятора является объективно существующим механизмом экономической деятельности человека; регулятор является ограниченным экономическим ресурсом, так как он зависит от человеческого капитала; субъекты регулятора являются выгодоприобретателями данного ресурса; взаимодействие акторов экономической деятельности создает общее поле регулятора; идеальным поведением актора в общем поле регулятора является модель «это мой закон, потому что он общий». Модель была разработана путем применения выводов работ экономиста Э. Остром об управлении общим имуществом [13], на основе теории трансакционных издержек Р. Коуза [6] и работ о роли институтов Д. Норта [9, 10, 11]. Модель общего поля регулятора строится в рамках и на основе методов институциональной экономики. Использование термина «регулятор» вместо института вызвано стремлением избежать смешения понятий [5, с. 5–6].

Отличие модели общего поля регулятора в субъектном составе. Тамбовцев В.: «Пусть имеется институт I, состоящий из правил I_1 для экономических агентов А и правил I_2 для гарантов института G» [15, с. 26]. В предложенной нами модели общего поля регулятора субъект экономической деятельности одновременно и выгодоприобретатель и гарант.

Предложенный ранее термин «конкуренция юрисдикций» [4, 5] подлежит уточнению в следующей части. Юрисдикция — это фикция (от лат. *ficticius* — искусственный, поддельный, мнимый [2, с. 425]), которая презюмирует (от лат. *praesumptio* — предположение, ожидание, надежда [2, с. 803]) соответствие действий лица нормам регулятора.

В модели общего поля регулятора юрисдикция — это результат использования полномочий, которые содержатся в положениях регулятора, но не сами полномочия (устав акционерного общества, фондовой биржи и т. д.).

Внутри регуляторов могут быть свои юрисдикции. М. Олсон сравнивает группы с юрисдикциями: «Таким образом, мы понимаем, что при прочих равных условиях в малых юрисдикциях на каждого будет приходиться больше коллективных действий, чем в больших» [12, с. 53].

Ложный регулятор. В. Тамбовцев подчеркивает «... Рынок существует в любой экономической системе. ... При этом выбор правил происходит как из множества формальных, так и из множества неформальных институтов, релевантных содержанию намечаемого к выполнению исходного “товарного” действия агентов» [16, с. 31].

Исследователи, занимающиеся изучением взаимодействия шариата, адата и закона, часто сталкиваются с тем, что субъект, провозглашая свои действия соответствующими одному регулятору, действует в рамках другого регулятора. Из постановления по делу об административном правонарушении Кизлярского районного суда Дагестана от 17.05.2016 г.: «Опрошенный в судебном заседании Магомедов М.Ш. свою вину в совершении административного правонарушения, предусмотренного ст. 19.3 ч.1 КоАП РФ, признал частично и показал суду, что выпил бутылку пива и получился скандал со своей женой по шариату по поводу своих детей-инвалидов. Она сообщила о скандале в полицию, и, когда его хотели забрать в отдел полиции, не хотел ехать, пытался убежать. Больше такого не повторится» [21].

Регулятор как ожидание. Субъекты экономической деятельности выбирают и создают регуляторы в целях максимизации своей прибыли, исходя из своих ценностей и ограниченной рациональности. По нашему мнению, регулятор — это модель социально-экономической деятельности, состоящая из фикций и презумпций, создающая ожидание. Поэтому к оценке регулятора можно применить методы теории рациональных ожиданий.

Создатель гипотезы рациональных ожиданий экономист Дж. Мут взял за основу положение, что для прогнозирования субъекты хозяйствования эффективно и полно используют всю имеющуюся у них информацию об экономике и за счет комплексности и полноты этой информации не допускают ошибок в прогнозах своего функционирования, поэтому их прогнозные и текущие ожидания конъюнктуры рынка могут являться рациональными. В последующем данная позиция была существенно откорректирована М. Фридманом, Р. Лукасом, Н. Уоллисом [18].

Возможно также обратить внимание и на методы поведенческой экономики, которая, в отличие от теории рациональных ожиданий, базируется на иррациональности и ограниченности

информации субъектов экономической деятельности [37].

В качестве неудачного примера оценки регулятора можно привести положения Постановления Правительства РФ от 17.12.2012 № 1318 (ред. от 30.06.2016) «О порядке проведения федеральными органами исполнительной власти оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов, проектов поправок к проектам федеральных законов и проектов решений Евразийской экономической комиссии, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» [20], которое не содержит методы экономической оценки проектов нормативных актов, если не считать консультации, которые можно отнести к методам исследования поведенческой экономики.

Информационный подход. Подход к регулятору с точки зрения рациональных или иррациональных ожиданий подчеркивает регулятор как продукт информации и отношения. Нет информации о регуляторе, нет и отношения к регулятору, следовательно, нет рациональных и иррациональных ожиданий по отношению к регулятору.

Иногда группы влияния стремятся к ограничению распространения среди субъектов общего поля регулятора информации о других регуляторах. Но стремление к получению информации сильнее. Например, в Иране за период с 2005–2008 гг. количество пользователей Интернета увеличилось с 1 млн. до 23 млн, активных блоггеров насчитывали 60 тыс. человек [8, с. 85]. Несмотря на жесткую цензуру и клерикальные ограничения, в Саудовской Аравии самое больше число блоггеров по сравнению с другими арабскими странами [8, с. 91].

Ликвидность регулятора. На наш взгляд, большое значение имеет возможная скорость обмена регуляторов (институтов) — ликвидность регулятора.

Технологии позволяют снизить или повысить скорость выбора или изменения регулятора (обмена). Д. Норт: «Во многих случаях при существующем в каждый конкретный момент уровне технологии издержки оценки превышают выигрыш; тогда нет смысла создавать правила и уточнять права собственности. Но со временем сдвиги в технологиях или относительных ценах могут привести к изменению относительной выгоды от создания правил» [9, с. 69].

Миграция. Авторы классического труда «Свобода выбирать: наша позиция» Милтон и Роуз Фридман обратили внимание, что «Свобода означает не только разнообразие, но и мобильность» [19, с. 172].

Одно из проявлений свободы выбора регулятора является миграция, когда человеческий капитал уходит в другую юрисдикцию в рамках одного регулятора (переезжает из одного города в другой) или сменяет целый регулятор, оставаясь сна месте (отказ от использования шариата в пользу закона РФ) или переезжая из одной страны в другую страну.

В некоторых регуляторах есть отдельные положения о миграции. Например, в исламе есть «мухаджирство» — массовое и целенаправленное переселение мусульман в мусульманскую страну из немусульманских стран, где мусульмане являются меньшинством или чаще всего им становятся в результате военных действий (например, аннексия мусульманской территории христианским государством) и не желают мириться с положением религиозного меньшинства [24].

Пример миграции из-за регулятора можно найти у Алексиса Токвиля в работе «Демократия в Америке»: «... Они оставляли там весьма высокое общественное положение, об утрате которого можно было пожалеть, и надежные средства к существованию. ... Пуританизм был не только религиозной доктриной; по своим идеям это религиозное течение во многом смыкалось с самыми смелыми демократическими и республиканскими теориями. Вследствие этого пуритане приобрели себе заклятых и опасных врагов. На родной земле пуритан преследовало правительство, их строгим нравам претила повседневная жизнь того общества, в котором они жили, и пуритане стали искать для себя такую дикую отдалённую землю, где можно было бы жить сообразно собственным принципам и свободно молиться Богу» [17, с. 46].

Курс регулятора. В. Тамбовцев указывает: «Характеристика рынка институтов предполагает введение для него понятий спроса и предложения. Исходя из сделанных замечаний, величиной спроса на определённое правило можно назвать число обращений к нему экономических агентов при осуществлении ими релевантных данному правилу товарных сделок в условиях некоторой «цены» его использования (точнее — принимаемых в расчет издержек и выгод от его использования), а функцией спроса на данное правило — зависимость между вели-

чиной спроса на него и соответствующей ценой» [16, с. 32].

По нашему мнению, рынок регуляторов создает «курс регулятора» — соотношение уровня ожидания регулятора по отношению к другому регулятору. Курс регулятора может быть представлен таблицей данных, собранных с помощью опросов субъектов социально-экономических отношений, в которой могут быть отображены ожидания, выраженные в любой валюте (табл. 1).

Таблица 1

Регулятор	Издержки	Цена
Законодательство Российской Федерации		
Законодательство Европейского союза		
Шариат		
Обычное право (народов Кавказа (адат))		

Человеческий капитал и курс регулятора. Дж. Коулман в работе «Капитал социальный и человеческий» указал: «Социальный же капитал еще менее осязаем, поскольку он существует только во взаимоотношениях индивидов. Так же, как физический и человеческий капиталы, социальный капитал облегчает производственную деятельность. Например, группа, внутри которой существует полная надежность и абсолютное доверие, способна совершить много больше по сравнению с группой, не обладающей данными качествами» [7, с. 126].

Цена человеческого капитала включает в себя цену регулятора, который использует человек. При этом человек может одновременно быть участником отношений в разных и даже конкурирующих регуляторах, тогда цена его капитала может быть выражена следующим образом (табл. 2):

Таблица 2

Начальная цена	Общее поле регулятора	Цена рег-ра	Издержки	Итоговая цена
Здоровье, способности, образование и т. д. X	Законодательство РФ (гражданин России)	Z	I	(X+Z - I)
	Закон-во иностр. гос-ва (трудоустрой мигрант)	Z _i		+ (X+Z _i - I)
	Муниципальные акты (горожанин)	M		+ (X+M - I)
	Обычное право (член сельские общины откуда родом)	T		+ (X+T - I)
	Шариат (член мусульманские уммы городской мечети)	S		+ (X+S - I)
				= P

Под издержками понимается не только принудительные и добровольные налоги и сборы, но и риски, связанные как с падением цены регулятора, так и падением человеческого капитала. Например, риск потерять свободу за какие-либо действия.

Виды курса регулятора. Фиксированный курс регулятора — это поддержание уровня ожидания регулятора через ограничение обмена регулятора. Фиксированный курс регулятора может создать «чёрный» рынок регулятора. Например, правила ограничения проведения валютных операций могут создать регулятор проведения валютных операций вне государственного закона.

Плавающий курс регулятора — это политика постоянной корректировки регулятора в связи с изменением котировок других регуляторов. Корректировка возможна толкованием положений регулятора либо легализацией. Д. Норт приводит такой пример: «В Англии правовые

кодексы, выработанные самими купцами, были в дальнейшем приняты судами общего права, но применялись с соблюдением духа торгового права, т. е. как закон, основанный на обычае» [9, с. 163].

Изменения курса регулятора. Так же как трейдер избавляется от стремительно обесценивающихся ценных бумаг, так же и субъект экономической деятельности может избавляться от падающего в цене регулятора. На политическом уровне это может привести к революциям и даже гражданским вооруженным конфликтам.

Причиной падения цены регулятора может быть ограничение миграции, т. к. это снижает ликвидность регулятора, а следовательно, и курс регулятора. Закрытие от рынка регуляторов также приводит к падению цены регулятора, т. к. он не обновляется. Ограничение обмена может быть вызвано внутренними нормами регулятора, не допускающими их модернизацию, например, религиозные нормы.

На наш взгляд, цена регулятора может неоправданно подниматься по причине ограничения информации о регуляторе либо ложной информации. Это приводит к неоправданно завышенному ожиданию и создает риск быстрого падения цены регулятора, что, как выше указано, может повлечь социально-экономические и политические проблемы.

Большая разница в ожиданиях от регулятора может снизить риск потери имущества, причинения вреда здоровью или смерти настолько, что субъект готов рискнуть этими благами ради своих ожиданий в отношении регулятора. Это может привести к вооруженному конфликту.

Конфликт регуляторов. Субъекты регуляторов, борясь за экономические ресурсы и, прежде всего, за территории, часто переходят от конкуренции регуляторов к конфликту и к его крайней форме — к войне на уничтожение. Во время конфликта регуляторов могут быть использованы следующие методы: ограничение свобод, изъятие субъектов конкурентного регулятора, демографические методы, миграция, война на уничтожение. При этом во время конфликта регуляторов, на наш взгляд, конкуренция регуляторов по качеству продолжается.

Ограничение свобод. Под ограничением свобод понимается любое ограничение, накладываемое на представителей конкурирующего регулятора: ограничение свободы передвижения, ограничение свободы торговли по правилам регулятора, возложение дополнительных обязанностей (отчеты о деятельности) и т. д.

Изъятие субъектов. Например, государство борется с преступностью с помощью арестов и лишения свободы. Целью данной тактики является как наказание, так и перевод человека и его капитала под своей регулятор.

Изъятие используют в настоящий момент террористические группировки на Ближнем Востоке. Специальный представитель Генерального секретаря ООН представила доклад, в котором указывалось: «... в Ираке и в Сирии более 1000 мальчиков и девочек были похищены группировкой ИГИЛ (группировкой, запрещенной в Российской Федерации — *Примеч. авт.*)» [25].

Демография. В конкурентной борьбе и конфликте регуляторов за увеличение и самосохранение человеческого капитала в рамках общего поля регулятора используются демографические инструменты, направленные на увеличение продолжительности жизни, регулирование рождаемости и т. д.

Поиск доминантной стратегии в конфликте регуляторов. Экономический анализ рынка регуляторов, так же как и в институциональной экономике, опирается на методы теории игр, по которым нормы регулятора являются условием игры. В результате моделирования условий создается аналогичная исследуемому объекту демонстративная модель, показывающая свойства и взаимосвязи элементов [3, с.93].

На наш взгляд, столкновение субъектов двух разных регуляторов может быть продемонстрирована в следующем образом (табл. 3):

Регуляторы/ стратегии		А					
		К	ОС	И*	У	М	Д
Б	К	К – К	К – ОС	К – И	К – У	К – М	К – Д
	ОС	ОС – К	ОС – ОС	ОС – И	ОС – У	ОС – М	ОС – Д
	И	И – К	И – ОС	И – ОС	И – У	И – М	И – Д
	У	У – К	У – ОС	У – И	У – У	У – М	У – Д
	М	М – К	М – ОС	М – И	М – У	М – М	М – Д
	Д	Д – К	Д – ОС	Д – И	Д – У	Д – М	Д – Д

*И и Б — конфликтующие регуляторы; К — конкуренция; ОС — ограничение свободы; И — изъятие; У — уничтожение; М — миграция; Д — демография.

Варианты действий каждой из сторон могут быть комбинированными. Государство в борьбе с теневым рынком финансовых услуг может одновременно использовать конкуренцию через снижение доступа к финансам на легальном рынке, ограничивать свободы через запрет заниматься банковской деятельностью, изъятие субъектов путём тюремного заключения, как потребителей, так и «банкиров» теневого финансового рынка, а также уничтожение. Например, после поступивших жалоб зарубежных экономистов членам ЦК КПСС на то, что в Москве всюду донимают валютные спекулянты с просьбой продать валюту, 1 июля 1961 г. был издан Указ Президиума ВС СССР «Об усилении уголовной ответственности за нарушение правил о валютных операциях». В результате был расстрелян один из руководителей московских «валютчиков» [23].

Стратегии могут меняться на каждом новом ходе кооперативной игры. Например, представители одного регулятора под давлением и угрозой уничтожения выбирают стратегию миграции. Через определённое время они возвращаются и выбирают стратегию «уничтожение».

На наш взгляд, наиболее выгодной доминантной стратегией субъектов конфликтующих регуляторов является конкуренция: повышает качество самих регуляторов, соответственно и «цену» субъектов общего поля регулятора, это приводит к отказу от вооружённого конфликта, т. к. при небольшой разнице ожиданий курсов конкурирующих регуляторов идти на риск утраты здоровья и жизни нет смысла.

Большое значение имеет сохранение и даже развитие ликвидности. Например, штаты часто заявляют о намерении выйти из состава США, но не выходят, т. к. это не запрещено Конституцией. Виктор Кременюк, замдиректора Института США и Канады РАН, считает, что угрозами сепаратизма штаты шантажируют Вашингтон, «чтобы тот лучше реагировал на их просьбы...» [22]. Возможно, что Brexit не было бы, если бы были бы снижены издержки выхода из Евросоюза.

Борьба с завышенными ожиданиями регулятора возможна через снижение информационных ограничений, что ни в коем случае не тождественно пропаганде (рекламе) регулятора. На наш взгляд, одной из технической возможностей снижения завышенных ожиданий регулятора может стать виртуальное моделирование общего поля регулятора с наибольшей визуализацией возможных последствий выбора регулятора.

Подчерк общего поля регулятора. На наш взгляд, положения регулятора, образуя институциональную структуру экономической деятельности, создают подчерк общего поля регулятора — одинаковая реакция в определенное время, пространство или обстоятельство. К таким положениям можно отнести религиозные праздники, еженедельные выходные, иные правила.

Институциональный анализ террористического подполья в Республике Дагестан. Для демонстрации применения модели общего поля регулятора, на наш взгляд, подходит террористическое подполье в Дагестане: наличие идеологии, активная деятельность, внутренние юрисдикции, которыми управляют «амиры»; имеется информация, зафиксированная СМИ, чутко реагирующими на «горячие» новости из Дагестана. К сожалению, нет данных об экономическом обороте террористического подполья и ущербе, причинном легальной экономике Дагестана.

Для анализа были взяты данные интернет-издания «Кавказский узел» за период 2009 г. – 8 месяцев 2016 г. [26] и отобраны сообщения, демонстрирующие добровольную активность банд подполья (рис. 1): обстрелы полиции и чиновников, взрывы, минирование, похищения предпринимателей, поджоги вино-водочных магазинов. В отобранный ряд не включены новости о вынужденной реакции боевиков при активности правоохранительных органов: проведение контртеррористических операций, остановка автомобилей для досмотра и т.д.

Рис. 1.

Резкое снижение активности после 2012 г. вызвано миграцией членов дагестанского террористического подполья в Сирию. «Около 900 жителей Дагестана уехали в Сирию воевать на стороне боевиков, — заявил министр МВД республики Абдурашид Магомедов» [27].

Следует учесть активность правоохранительных органов, которые использовали стратегию уничтожения боевиков: в 2011 г. — 173, 2012 — 231, [28], 2013 — 167 [29], в 2014 — 167 [30], в 2015 г. — 96 [31].

В Дагестане с 2010 г. на основании Указа Президента РД от 2.11.2010 г. № 264 в рамках комиссии с одноимённым названием применяется метод адаптации к мирной жизни лиц, решивших прекратить террористическую и экстремистскую деятельность. В настоящее время действует Указ Президента РД от 29.04.2013 г. № 140 «О комиссии при главе Республики Дагестан по примирению и согласию» [20]. По словам председателя комиссии, вице-преьера Рамазана Джафарова «Уже в первом полугодии 2015 г. 74 человека обратились в комиссию с просьбой помочь им вернуться к мирной жизни» [39]. В предлагаемой модели общего поля регулятора задача «комиссии по адаптации» (табл. 4) состоит в предложении увеличить человеческий капитал субъекта террористического поля при возвращении в правовое поле государства, т. е. это — элемент стратегии конкуренции регуляторов.

Таблица 4

Начальная цена	Общее поле регулятора	Цена регулятора	Издержки	Итоговая цена
X	Закон-во РФ	Z	- I*	X + Z - I
	Террор. подполье	T	- I	X + T - I

*I — издержки, под которыми понимается, в т. ч., лишение свободы по приговору суда или риск быть уничтоженным, в случае если субъект останется в террористическом подполье.

При этом риск от присутствия в террористическом поле может быть рассчитан на основе формулы «Ожидаемой полезности от совершения правонарушения» экономиста Г. Беккера [1, с. 294]: $EY = p \cdot U(Y - F) + (1 - p) \cdot U(Y)$, где Y — прибыль от терроризма; p — вероятность быть убитым или пойманным; F — лишение свободы или смерть; U( ) — функция полезности.

Если количество активных действий террористического подполья разбить на месяцы, то «вырисовывается» почерк общего поля террористического подполья Дагестана.

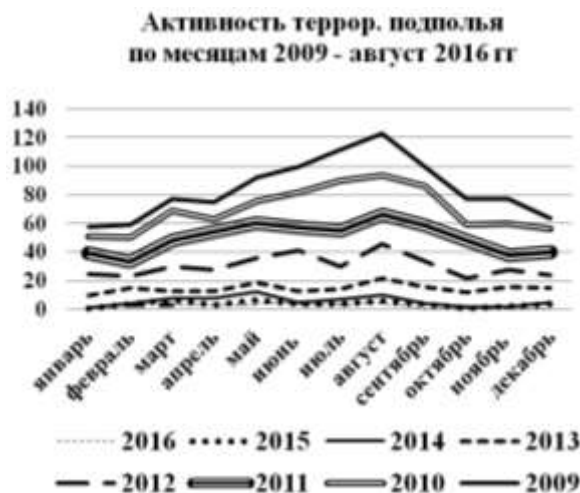

Рис. 2

Как видно из рис. 2, из года в год август — самый активный месяц для субъектов террористического подполья.

Индивидуальный подчёрк террористического подполья в республике подтверждается и при разложении данных по дням недели (рис. 3).

Рис. 3

Область графика «четверг – пятница» является характерным штрихом подчёрка. Объясняется это нормами ислама, в которых пятница выходной день. Активность в четверг можно объяснить желанием «успеть». Нобелевский лауреат по экономике Р. Ауманн: «В Израиле в пятницу, как в остальном западном мире в субботу, большинство офисов закрыто. В Израиле это короткий рабочий день. Но для верующих людей, особенно для домохозяек, это очень активный день. У нас в Центре изучения рациональности есть серия семинаров под названием «Рациональность по пятницам». Моя жена любит повторять, что она могла бы понять рациональность в любой другой день, но не в пятницу» [14, с. 412].

При раскладе данных на взрывы, обнаруженные бомбы (СВУ) и иные методы нападения внутренняя структура в активный период 2009-2012 гг. демонстрирует сохранение подчёрка в области четверг –пятница (рис. 4).

После затишья 2014 и 2015 гг. за 8 месяцев 2016 г. террористическое подполье опять проявило активность с характерным подчёрком в области четверг-пятница (рис. 5).

Рис. 4

Рис. 5

Представитель Национального антитеррористического комитета по итогам 2015 г. заявил: «Несмотря на нейтрализацию 96 бандитов, подполью удавалось всё же восполнять потери, а это значит, что сохраняется пособническая база» [31].

На наш взгляд, новая активность связана с изменением стратегии властей. В конце 2012 и весь 2013 г. террористическое подполье активно стало использовать стратегию миграции путём выезда в Турцию и Сирию [32]. Затем Федеральным законом от 02.11.2013 № 302-ФЗ внесены изменения в ч. 2 ст. 208 Уголовного кодекса РФ, распространив наказание за участие в незаконном вооруженном формировании на лиц, вступивших в НВФ на территории иностранного государства [20]. Власти перекрыли возможность миграции субъектов террористического поля за пределы страны.

При этом власти стали активно использовать введенную еще в 2009 г. стратегию ограничения свободы без уголовного преследования — «профилактический учёт» [33, 34]. В июне 2016 г. вступил в силу Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации, легализовавший эту стратегию. Глава Республики Дагестан в июле 2016 г. сообщил «Сегодня более 10 тысяч человек в Дагестане находятся на учёте как неблагонадежные» [35]. Лица, состоящие на данном учёте, постоянно подвергались ограничениям при передвижении вплоть до запрета выезда из страны, что накладывает ограничения в свободе экономической деятельности [36].

Стратегии субъектов государственного и террористического регуляторов в Дагестане 2009–2016 гг. можно изобразить следующим образом (табл. 5):

Таблица 5

		Т*		
		К	У	М
Г	К	К – К	К – У	К – М
	ОС	ОС – К	ОС – У	ОС – М
	И	И – К	И – У	И – М
	У	У – К	У – У	У – М
	М	М – К	М – У	М – М

*Т — террористическое подполье; Г — государство; К — конкуренция, включая пропаганду обеих сторон и комиссию по адаптации со стороны властей, цель которой предложить лучшие условия, чем в подполье; У — уничтожение; М — миграция, в т. ч. возможное содействие миграции, как на определенной территории, так и за пределы страны; ОС — ограничение свободы, в т. ч. профилактический учет; И — изъятие с помощью уголовного преследования.

Ограничение мобильности 10 тысяч граждан из-за «профучёта» снижает стоимость человеческого капитала и повышает риск обмена жизни и здоровья за желанный регулятор, соответственно, это увеличивает вероятность вооружённого конфликта и перехода в условиях запрета миграции к стратегии уничтожения. Поэтому в 2016 г. по данным Генеральной прокуратуры РФ продолжают расти преступления террористического характера и сохраняется количество субъектов террористического подполья [38] (рис. 6).

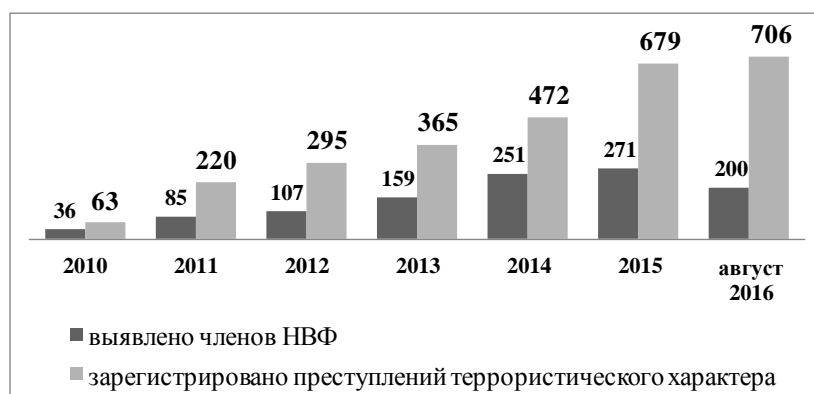

Рис. 6

Выводы. Модель общего поля регулятора может использоваться для институционального анализа не только отдельных регуляторов (институтов), но и конфликта регуляторов. Доминантной стратегией в конфликте регуляторов должна оставаться конкуренция и предоставление возможности наибольших вариантов ненасильственных стратегий. Регулятор (институт) — это модель ожидания. В анализе стратегии выбора регулятора возможно использование оценки ожиданий субъекта от регулятора, выраженного в виде курса регулятора. Человеческий капитал зависит от курса регулятора. На цену регулятора влияет ликвидность регулятора. Для идентификации общего поля регулятора возможно использовать метод выявления почерка регулятора, основанный на институциональном понимании активности субъектов экономической деятельности. Модель общего поля регулятора может быть использована не только для анализа и прогнозирования стратегии индивидуальных субъектов экономической деятельности, но и коллективных. Например, для анализа стратегии выбора юрисдикций субъектами малого предпринимательства и крупного бизнеса.

Литература

1. Беккер, Г. С. *Человеческое поведение : экономический подход / Избранные труды по экономической теории ; пер. с англ. — М. : ГУ ВШЭ, 2003.*
2. Дворецкий, И. Х. *Латинско-русский словарь. — Изд. 2-е. — М., 1976.*
3. Дегтерев, Д. *Теоретико-правовой подход в правовых исследованиях // Право и управление. XXI век.*

2013. № 2(27).
4. Кадиев, Р. Аналитическая справка юриста о правовой ситуации в Дагестане // *Фронтир*. 2010. Март. С. 34–41.
  5. Кадиев, Р. Выбор и создание регулятора и общее поле регулятора как факторы экономического развития // *Региональные проблемы преобразования экономики*. 2015. № 5 (55). С. 4–16.
  6. Коуз, Р. *Фирма, рынок и право* ; пер. с англ. — М. : Новое издательство, 2007.
  7. Коулман, Дж. *Капитал социальный и человеческий* // *Общественные науки и современность*. 2001. № 3. С. 121–139.
  8. Левова, И., Шуклин, Г., Винник, Д. *Права интернет-пользователей : Россия и мир, теория и практика : аналитический доклад*. — М., 2013.
  9. Норт, Д. *Институты, институциональные изменения и функционирование экономики* ; пер. с англ. А.Н. Нестеренко ; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. — М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.
  10. Норт, Д. *Понимание процесса экономических изменений* ; пер. с англ. Мартынова, Н. Эдельмана. — Изд. дом «Гос. ун-т высшей школы экономики», 2010.
  11. Норт, Д., Уоллис, Д., Вайнгаст, Б. *Насилие и социальные порядки : концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества* ; пер. с англ. Д. Узланера, М. Маркова, Д. Раскова, А. Расковой. — М. : Изд. Института Гайдара, 2011.
  12. Олсон, М. *Возвышение и упадок народов : экономический рост, стагфляция и социальный склероз*. — М. : Новое издательство, 2013.
  13. Остром, Э. *Управляя общим : эволюция институтов коллективной деятельности* / Элиноор Остром ; пер. с англ. — М. : ИРИСЭН, Мысль, 2010.
  14. Самуэльсон, П. *О чем думают экономисты : беседы с нобелевскими лауреатами по экономике* ; под ред. П. Самуэльсона и У. Барнетта ; пер. с англ. — М., 2009.
  15. Тамбовцев, В. Л. *Институциональный рынок как механизм институциональных изменений* // *Общественные науки и современность*, 2001. № 5. С. 25–38.
  16. Тамбовцев, В. И. *Роль рынков для институтов в институциональной эволюции* // *Экономический вестник Ростовского государственного университета*. 2005. Т. 3. № 4.
  17. Токвиль, Алексис де. *Демократия в Америке* ; пер. с франц. — М., 1992.
  18. Тюкавкин, Н. М. *Концептуальный анализ «Теории рациональных ожиданий»* // *Международный исследовательский журнал*. 2015. № 8(39).
  19. Фридман, М., Фридман, Р. *Свобода выбирать : наша позиция* ; пер. с англ. — М. : Новое издательство, 2007.
  20. <http://www.consultant.ru/>.
  21. <https://bsr.sudrf.ru/>.
  22. <http://expert.ru/2012/11/14/nadavit-na-vashington/>.
  23. http://itishistory.ru/1i/14_kazni_97.php.
  24. <https://ru.wikipedia.org/wiki/Мухаджирство>.
  25. <http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=24721#V8VBgFf2cW0>
  26. <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/73122/>.
  27. <https://ria.ru/incidents/20151210/1339467067.html>.
  28. <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/218698/>.
  29. http://www.riadagestan.ru/news/security/v_dagestane_za_proshlyy_god_unichtozheno_167_boevikov/.
  30. http://www.riadagestan.ru/news/security/167_boevikov_unichtozheny_v_dagestane_za_2014_god_/.
  31. <https://ria.ru/incidents/20160130/1367469302.html>.
  32. <http://ru.reuters.com/article/topNews/idRUKCN0Y41P7?sp=true>.
  33. <http://president-sovet.ru/presscenter/news/read/3403/>.
  34. <http://president-sovet.ru/projects/herald/archive#herald-widget-1-30-a779>.
  35. <http://www.dagpravda.ru/rubriki/politika/27457555/>.
  36. <http://kommersant.ru/doc/3047649>.
  37. <http://polit.ru/article/2013/11/12/paternalism/>.
  38. http://crimestat.ru/regions_chart_total.
  39. <http://e-dag.ru/novosti/novosti-pravitelstva/po-initsiative-kitajskoj-delegatsii-v-pravitelstve-dagestana-obsudili-voprosy-protivodejstviya-terrorizmu-i-ekstremizmu.html>.

References:

1. Becker, G. S. *Human behavior : economic approach to Selected works on economic theory, translated from English*. — М. : GU VSHE, 2003.
2. Butler, I. H. *Latin-Russian dictionary*. — Ed. 2-E. — М., 1976.
3. Degterev, D. *Theoretical and legal approach to legal research* // *Law and management. Twenty-first century*. 2013. No. 2(27).
4. Kadiev, R. *the Analytical inquiry of a lawyer about the legal situation in Dagestan Frontier*. 2010. March. P. 34-41.
5. Kadiev, R. *the Selection and creation of the regulator and of the regulator as factors of economic development* // *Regional problems of transformation of the economy*. 2015. No. 5 (55). P. 4-16.
6. Coase, R. *the Firm, the market and the law* ; translated from English. — Moscow : Novoe Izdatelstvo, 2007.
7. Coleman, John. *Capital social and human* // *Public Sciences and modernity*. 2001. No. 3. P. 121-139.
8. Levova, I., Shuklin, G., Vinnik, D. *the Rights of Internet users : Russia and the world, theory and practice : analytical report*. — М., 2013.

9. North, D. *Institutions, institutional changes and functioning of economy* ; per. from English. A. N. Nesterenko ; Foreword. and nauch. the editorship of B. Z. Milner. — Moscow: Foundation of economic book "hachala," 1997.
10. North, D. *Understanding the process of economic change* ; per. from English. Martynov, N. Edelman. — Ed. home State. University higher school of Economics," 2010.
11. North, D., Wallis, D., Weingast, B. *Violence and social orders : a conceptual framework for interpreting recorded human history* ; translated from English. D. Uzlaner, M. Markov, D. Raskova, A. Raskova. — M. : Publishing House. Institute Of Gaidar, 2011.
12. Olson, M. *the Rise and decline of Nations : economic growth, stagflation and social sclerosis*. — M. : New publishing house, 2013.
13. Ostrom, E. *Controlling General : the evolution of institutions for collective action* / Elinor Ostrom ; lane. from English. — M. : IRISEN, Thought, 2010.
14. Samuelson, P. *what economists think : conversations with Nobel laureates in Economics* ; under. ed. by P. Samuelson and William Barnett ; translated from English. — M., 2009.
15. Tambovtsev, V. L. *Institutional market as a mechanism of institutional change* // *Social Sciences and modernity*, 2001. No. 5. S. 25-38.
16. Tambovtsev, V. I. *the Role of markets for institutions in the institutional evolution* // *Economic Bulletin of Rostov state University*. 2005. Vol. 3. No. 4.
17. Tocqueville, Alexis de. *Democracy in America* ; translated from the French. — M., 1992.
18. Tyukavkin, N. M. *Conceptual analysis of Rational expectations Theory*"// *international research journal*. 2015. No. 8(39).
19. Friedman, M., Friedman, R. *free to choose : our position* ; per. from English. — Moscow : Novoe Izdatelstvo, 2007.
20. <http://www.consultant.ru/>.
21. <https://bsr.sudrf.ru/>.
22. <http://expert.ru/2012/11/14/nadavit-na-vashington/>.
23. http://itishistory.ru/1i/14_kazni_97.php.
24. <https://ru.wikipedia.org/wiki/Мухаджирство>.
25. <http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=24721#.V8VBgFf2cW0>
26. <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/73122/>.
27. <https://ria.ru/incidents/20151210/1339467067.html>.
28. <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/218698/>.
29. http://www.riadagestan.EN/news/security/v_dagestane_za_proshlyy_god_unichtozheno_167_boevikov/.
30. http://www.riadagestan.EN/news/security/167_boevikov_unichtozheny_v_dagestane_za_2014_god_.
31. <https://ria.ru/incidents/20160130/1367469302.html>.
32. <http://ru.reuters.com/article/topNews/idRUKCN0Y41P7?sp=true>.
33. <http://president-sovet.ru/presscenter/news/read/3403/>.
34. <http://president-sovet.ru/projects/herald/archive#herald-widget-1-30-a779>.
35. <http://www.dagpravda.ru/rubriki/politika/27457555/>.
36. <http://kommersant.ru/doc/3047649>.
37. <http://polit.ru/article/2013/11/12/paternalism/>.
38. http://crimestat.ru/regions_chart_total.
39. <http://e-dag.ru/novosti/novosti-pravitelstva/po-initsiative-kitajskoj-delegatsii-v-pravitelstve-dagestana-obsudili-voprosy-protivodejstviya-terrorizmu-i-ekstremizmu.html>.

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ

Экономика, организация и управление предприятиями, отраслями, комплексами

АПК и сельское хозяйство

ВАРТАНОВА МАРИНА ЛЬВОВНА

к.э.н., доцент, начальник отдела аспирантуры Московского психолого-социального университета, доцент кафедры «Экономика и финансовое право» ФГБОУ ВПО «Российский государственный социальный университет», г. Москва, e-mail: 11marina11@mail.ru

МЕХАНИЗМ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЬ ПРИОРИТЕТОВ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ И СТРАТЕГИЙ РАЗВИТИЯ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА

Предмет работы. Решение проблемы продовольственного самообеспечения каждого отдельного субъекта Федерации должно быть согласовано с целями и задачами социально-экономического развития всего региона, реализуемыми в рамках выбранных приоритетов в области развития продовольственного обеспечения и развития стратегий агропромышленного комплекса. **Метод или методология проведения работы.** Проведен статистический анализ изменений, происшедших в агропромышленном комплексе страны. **Результаты.** Проведенный анализ показывает, что должна быть обоснована миссия и дана оценка как внешней, так и внутренней среды, составляющих важную часть стратегии развития агропромышленного комплекса АПК, государственную агропромышленную политику, которая выделяет основные приоритеты его развития на дальнюю перспективу. Эти приоритеты, прежде всего, должны быть связаны с повышением устойчивости функционирования АПК и устойчивым социально-экономическим развитием сельских территорий, устойчивым продовольственным обеспечением населения региона. **Область применения результатов.** Результаты проведённого исследования могут быть использованы при анализе и прогнозировании структурных изменений в агропромышленном комплексе страны. Предложен вариант, который позволит удвоить производство агропродовольственной продукции в стране на основе максимизации потребления при определённых ресурсных и технологических ограничениях, при соблюдении полной самообеспеченности страны зерном, картофелем, растительным маслом, овощами, молочной продукцией. **Выводы.** Делается вывод, что необходимо приоритетно подходить к развитию сельского хозяйства в каждом регионе, выделяя субсидии с учётом доли вклада аграрного сектора в экономику предприятий агропромышленного комплекса и региона в целом, ведь роль сельского хозяйства в формировании спроса на производимые товары весьма значительна, плюс продовольственная безопасность, воспитательная роль села, пополнение расходов российской армии и т. д. Все это требует обоснованных подходов к решению проблемы оптимизации импорта агропродовольственной продукции, затрагивающего продовольственную безопасность как страны в целом, так и устойчивое продовольственное самообеспечение регионов.

Ключевые слова: агропромышленный комплекс, приоритеты, продовольственная безопасность, продовольственное обеспечение, регионы, стратегии развития.

VARTANOVA MARINA L VOVNA

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Postgraduate Training Program of Moscow Psychological-Social University, Associate Professor of the Department of "Economics and Finance Law" of FSBEI of HPE "Russian State Social University", Moscow, e-mail: 11marina11@mail.ru

MECHANISM OF INTERACTION AND INTERDEPENDENCE OF PRIORITIES
OF FOOD PROVISION AND STRATEGIES OF DEVELOPMENT OF THE
AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX

The subject of the paper. Solving a problem of food self-sufficiency for each separate entity of the Federation has to be agreed upon with the goals and the tasks of the social-economic development of the whole region that are being implemented in the context of chosen priorities in the area of development of food provision and development of strategies of the agro-industrial complex.

The method or methodology of performing work. A statistical analysis has been performed of changes that took place in the agro-industrial complex of the country. *The results.* The analysis performed shows that the mission has to be substantiated, and an evaluation should be given of both the external, and the internal environment that make up an important part of the strategy of development of the agro-industrial complex - a state agro-industrial policy that distinguishes the main priorities of its development for the long-term perspective. These priorities, first and foremost, have to be connected with increasing the sustainability of functioning of the AIC, and a sustainable social-economic development of agricultural territories, sustainable food provision of the population of the region. *The area of application of the results.* The results of the study performed may be used when analyzing and forecasting the structural changes in the agro-industrial complex of the country. An option has been offered that will allow to double the production of agrifood products in the country based on maximization of consumption with certain resource and technological limitations, when fully self-providing the country with grain, potatoes, vegetable oil, vegetables, dairy products. *Conclusions.* A conclusion is made that it is necessary to set up priorities in approaches to the development of agriculture in each region, issuing subsidies taking into account the percentage of contribution of the agrarian sector in the economy of enterprises of the agro-industrial complex and the region on the whole, because the role of agriculture in forming demand on manufactured goods is quite significant, in addition to food security, educational role of the rural area, adding to the expenses of the Russian Army, etc. All of this requires to have substantiated approaches to solving the problem of import optimization of agrifood products that touches upon the food security of the whole country, as well as sustainable food self-provision of regions.

Keywords: organization of production, industry, production potential.

Введение. На протяжении истории человечества обеспечение населения продовольствия является одной из наиболее важных государственных задач.

Продовольственная безопасность страны — неотъемлемая часть её национальной безопасности. Улучшение обеспечения населения качественными продуктами питания представляет собой важную социально-экономическую задачу, решение которой имеет огромное значение для России. Вопрос о продовольственной безопасности в России впервые был официально поставлен в Федеральной целевой программе стабилизации развития агропромышленного производства Российской Федерации на 1996–2000 гг.

Продовольственная безопасность является комплексным понятием, содержащим как минимум два смысла. Первый связан с чисто экономическим процессом продовольственного обеспечения. Второй же вызван важностью продовольственного обеспечения для поддержания национальной безопасности в её внутреннем и внешнем проявлениях.

С теоретико-методологических позиций следует, по нашему мнению, сделать некоторые уточнения в ряд понятий, имеющих принципиальное значение при разработке эффективной агропродовольственной политики при формировании устойчивой системы продовольственной безопасности разных территориальных уровней.

В научной литературе данное понятие «продовольственная безопасность» трактуется по-разному. Так, под продовольственной безопасностью России и её регионов понимается «такой гарантированный уровень количественного и качественного обеспечения доступного всем продовольствия, при котором достигается максимально возможная в современных условиях средняя продолжительность жизни людей» [4].

«Продовольственная безопасность, — считает А.Я. Калинин [12], — это обеспеченная про-

довольственными ресурсами, потенциалом и гарантиями способность государства вне зависимости от внешних и внутренних условий или угроз удовлетворять потребности населения страны в целом и каждого гражданина в отдельности продуктами питания, в объемах, качестве и ассортименте, необходимых и достаточных для физического и социального развития личности, обеспечения здоровья и расширенного воспроизводства народонаселения».

Понятие продовольственной безопасности многие авторы рассматривают так же, как и способность государства гарантировать удовлетворение потребности населения страны в продовольствии на уровне, обеспечивающем его нормальную жизнедеятельность. При этом важное условие продовольственной безопасности страны — удовлетворение основной части потребностей в продуктах питания за счет отечественного производства. Эту жизненную функцию осуществляет агропромышленный комплекс (АПК).

В книге «Безопасность России» автор А. В. Гордеев достаточно полно раскрывает содержание понятия продовольственной безопасности как социально-экономического явления, рассматриваются также вопросы совершенствования различных нормативных актов, стандартизации и сертификации как факторов обеспечения её продовольственной безопасности, как государственного, так и индикативного регулирования.

Кроме того, А. Костяев и Тимофеев дают следующее определение: «Под продовольственной безопасностью региона понимается способность системы производства, хранения, переработки, оптовой и розничной торговли продуктами питания обеспечивать ими стабильно и равномерно в течение года все категории населения соответствующих территорий в размерах потребления, отвечающих научно-обоснованным медицинским нормам».

Продовольственная безопасность регионов базируется «на рациональном разделении труда в сфере аграрного производства, рациональном сочетании в потреблении местной и привозной продукции, отсутствии каких-либо барьеров при межрегиональной торговле продовольствием» [13].

А вот определение Р. Гумерова: «Продовольственная безопасность — это состояние экономики Российской Федерации, при котором обеспечивается продовольственная независимость страны и гарантируется физическая и экономическая доступность продовольствия для всего населения в количестве, необходимом для активной и здоровой жизни».

Весьма обширное определение дано А. Пустуевым: «Продовольственная безопасность региона — это, во-первых, система оптимального взаимодействия всех сфер его АПК на уровень достижения между ними ценовой эквивалентности для осуществления экономически целесообразным образом производства агропродукции, её переработки, хранения и доведения до потребителя с целью непрерывного обеспечения региона качественными продуктами питания по научно-обоснованным нормам с учетом половозрастных групп населения; во-вторых, это совокупность социально-экономических отношений между предпринимательством в АПК, населением и государством на уровне региона, затрагивающих интересы страны, единого аграрного рынка СНГ и стран, входящих в ВТО; в-третьих, это своеобразный организационно-экономический механизм по достижению оптимальных структурных пропорций развития АПК региона на основе введения мониторинга уровня устойчивости системы продовольственной безопасности, обусловленный и необходимостью осуществления рациональной государственной поддержки аграрного сектора с учётом выдвигаемых условий и требований ВТО» [16].

По нашему мнению, следовало бы данное определение изложить в следующей редакции: «Продовольственная безопасность — это такое состояние экономики России, в т. ч. её АПК, при котором население обеспечено соответствующими ресурсами, потенциалом и гарантиями и без уменьшения государственного продовольственного резерва независимо от внешних и внутренних условий удовлетворяются его потребности в продуктах питания в соответствии с физиологическими нормами» [4].

Именно эти внутренние и внешние резервы организационно-экономического, управленческого, структурно-институционального, экологического и социального характера будут подтверждением комплексного подхода к изложению данного определения.

Методы исследования. Надёжность продовольственной безопасности государства обуславливается целым рядом показателей, наиболее важными из которых являются следующие:

уровень сельскохозяйственного производства страны; степень самообеспеченности продовольствием; наличие переходящих запасов; уровень потребления критически важных продуктов и степень доступности продовольствия для наиболее бедной части населения и размер этой группы. По всем этим показателям положение России достаточно серьёзно.

Вероятно, ни у кого не вызывает сомнения, что в целом продовольственная безопасность нашей страны складывается из уровня продовольственного самообеспечения каждого её региона, если подходить к данной проблеме не только с позиций стабильного самообеспечения сельскохозяйственной продукцией, сырьём и продовольствием, но и со стороны занятости сельского населения. Ведь решить проблему агропродовольственной продукции можно за счет её импорта, тем более что первоначально, до полного прекращения отечественного аграрного производства, цены на неё будут ниже цен на производимое в стране продовольствие. Такая ситуация вполне возможна в случае, например, вступления страны в ВТО.

Естественно, такой вариант продовольственного обеспечения страны не приемлем, поскольку он не отвечает интересам её безопасности — не только продовольственной, но и экономической. Однако в связи с этим возникает ряд вопросов, требующих разъяснения:

1. Если система продовольственной безопасности страны складывается из объемов производства сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия в регионах как субъектов Федерации и в совокупности составляющих единое целое — страну, то существует ли проблема продовольственной безопасности отдельно взятого региона (или нескольких регионов), или речь должна идти только о их самообеспечении?

2. При какой доле регионов в стране, не способных себя самообеспечить основными, производимыми в них видами агропродовольственной продукции, можно говорить о следующих проблемах:

– критическом уровне продовольственной безопасности государства в целом или лишь его отдельных регионов;

– продовольственной безопасности регионального уровня;

– продовольственной безопасности и продовольственной независимости страны.

3. Кто конкретно на уровне государства несёт ответственность за соблюдение допустимого уровня продовольственной безопасности отдельного человека в каждом регионе?

4. При какой доле регионов, не способных обеспечить себе продовольственную независимость, то есть не в состоянии довести продовольственное самообеспечение по основным продуктам питания до нормативного уровня, можно утверждать о критическом значении продовольственной зависимости страны в целом?

5. При определении уровня продовольственной независимости страны следует исходить из оптимального значения продовольственной зависимости, с учетом расширения мирохозяйственных связей, в целом страны или из максимального уровня самообеспечения большинства её регионов?

6. Можно ли считать продовольственную безопасность страны достигнутой, если она обеспечивается лишь на короткий промежуток времени, например, на один год, или для этого необходимо учитывать несколько лет?

Разумеется, для одного субъекта Российской Федерации более всего подходит термин «продовольственное самообеспечение» или «продовольственное обеспечение». В первом случае это происходит за счёт внутрирегиональных резервов, во втором – с дополнением в недостающее самообеспечение ввозимой в регион продукции. Причём этот ввоз может осуществляться как из соседних регионов, так и из других стран. Что не равнозначно, поскольку в одном случае в качестве дополняющей используется агропродукция, производимая внутри страны, что способствует развитию отечественного сельского хозяйства, укрепляя её продовольственную безопасность, а в другом — за её пределами, улучшая экономику зарубежных сельхозтоваропроизводителей.

При таком подходе к рассматриваемому термину можно утверждать о приемлемости его употребления в рамках одного региона, в случае когда происходят сбои в продовольственном самообеспечении в других территориях страны и данному региону приходится импортировать продукцию из-за рубежа. Если таких регионов наберется несколько, то в стране возникнет угроза продовольственной зависимости.

Особенно это касается зернопроизводящих территорий, за счет которых создаются запасы зерна в стране, являющиеся, по известным рекомендациям, показателем продовольственной безопасности.

Более объективной оценки требуют и другие термины. Например, «продовольственная независимость» и критерии оценки её перехода в зависимость и продовольственную зависимость на общегосударственном и региональном уровнях, а также «продовольственное самообеспечение».

По утверждению А. Алтухова, продовольственная независимость означает «определенный уровень самообеспечения страны продовольствием, удовлетворение основной части потребностей населения в продуктах питания за счёт внутреннего производства, что является необходимым условием национальной продовольственной безопасности» [1].

В данном определении, по нашему мнению, требуют конкретизации две неопределённости: «определённый уровень самообеспечения» и «основной части потребностей населения». Что конкретно под этим понимается? То есть, при каком конкретно уровне самообеспечения страна ещё сохраняет продовольственную независимость и начиная с какого — утрачивает?

И какая же конкретно основная часть потребностей населения при этом должна быть удовлетворена? При этом приходится ещё учитывать «экономическую и физическую доступность к качественному продовольствию». И можно ли довериться известной величине критерия импортной опасности, когда в страну ежегодный ввоз агропродовольственной продукции составит 30% от общего её потребления? Это, по нашему мнению, излишне усреднённая величина. Её количественное значение будет зависеть от совокупности следующих факторов:

- 1) уровня устойчивости агропроизводства в регионах, определённого отношением их числа к достаточным (допустимым) уровнем устойчивости (N_y) к общему числу субъектов Федерации (N);
- 2) доли наиболее самообеспеченных агропродукцией недотационных регионов;
- 3) рейтинга субъектов Российской Федерации по уровню эффективности сельскохозяйственного производства;
- 4) доли регионов с конкурентоспособными продовольственными рынками в общем их числе;
- 5) соотношения числа дотационных и регионов-доноров;
- 6) принимаемых условий ВТО по сельскому хозяйству.

Прежде чем принять обоснованное заключение относительно запределности распространения тридцатипроцентного уровня импорта к отдельному субъекту РФ, необходимо определиться с понятием «регион».

Рассматривая проблему продовольственной безопасности на уровне страны, необходимо учитывать и положение в регионах и даже в субъектах Федерации как их части, что уже отмечалось нами в данном разделе.

Здесь нам важно установить зависимость продовольственной безопасности страны от возможностей субъекта Федерации, сохраняя достаточный уровень самообеспечения. То есть уровень продовольственного самообеспечения (продовольственной безопасности) всей страны.

В связи с этим возникает необходимость в определении возможностей каждого субъекта РФ обеспечить спрос на сельскохозяйственное сырьё и конечные виды агропродовольственной продукции как внутри региона, так и за его пределами за счет эффективного использования внутрирегиональных ресурсов.

Однако поскольку таких возможностей в самообеспечении и экспорте в большинстве регионов нет, то и возникает необходимость в определении доли вклада каждого из них в обеспечение продовольственной независимости страны.

Попытаемся решить эту проблему, используя информацию о типологии регионов, к которой известны три подхода:

- 1) по уровню социально-экономического развития;
- 2) по уровню дефицита консолидированного бюджета;
- 3) по бюджетной сбалансированности территорий.

Согласно первой типологии, 54 региона РФ были отнесены к депрессивным, 24 — к опор-

ным и 10 — к локомотивам роста. По второй типологии было выделено лишь 6 регионов — «доноров», у которых доходы консолидированного бюджета были выше расходов.

На наш взгляд, первые два подхода к определению «доноров» и «реципиентов» в межбюджетных отношениях имеют существенные ограничения, поскольку учитываются далеко не все средства, которые регион может мобилизовать в виде доходного потенциала, и не берутся в расчёт все государственные расходные полномочия, осуществляемые в конкретном регионе. В связи с этим автор предлагает учесть совокупные доходы и совокупные расходы всех уровней бюджетной системы на территории каждого субъекта Федерации.

Такой подход к типологии регионов, на наш взгляд, более объективен в сравнении с предыдущими. На его основе было выявлено, что число регионов, способных обеспечить собираемыми доходами все расходы бюджетной системы РФ на территории субъекта, составляет 38 из 85 субъектов. То есть только 38 субъектов Федерации (а по предшествующим типологиям только 6–10) могут обеспечить себе социально-экономическое развитие, в т. ч. и в АПК. Это регионы — «доноры». Остальные 47 регионов можно отнести к дотируемым, и возможности развития их АПК в современной макроэкономической ситуации весьма ограничены.

Возникает вопрос: смогут ли 38 субъектов РФ обеспечить содержание 47 дотируемых, одновременно заботясь и о собственном развитии — ответить однозначно невозможно. Ведь для дальнейшего социально-экономического развития у регионов-«доноров» нет средств на расширенное воспроизводство, поскольку значительная доля расходов перечисляется в бюджет РФ, откуда обратно они фактически не возвращаются. Как же в таких условиях можно реализовать региональные программы социально-экономического развития, в т. ч. и развития АПК и сельских территорий?

Так, если взять, например, Приволжский регион, то из 14 входящих в него субъектов РФ девять являются дотируемыми, а пять — бюджетообразующими («доноры с запасом прочности», «стабильные доноры» и «нестабильные»), которые перечисляют ежегодно в бюджет солидные суммы. Так, в формирование доходов федерального бюджета Республика Башкортостан перечисляет 60 млрд руб., Республика Татарстан — 105, Пермский край — 6, Оренбургская область — 66, Самарская — 72 млн руб. [18].

В таких условиях решение проблемы продовольственного самообеспечения каждого субъекта Федерации данного региона согласуются с целями и задачами социально-экономического развития, реализуемыми в рамках выбранных приоритетов. Какое место в них занимает проблема продовольственного самообеспечения — зависит также и от ориентиров агропродовольственной политики конкретного субъекта Российской Федерации.

Если учесть только одну область как субъект Федерации, которых в России насчитывается 85, то вряд ли здесь возникнут сомнения относительно приемлемости как использования непосредственно термина «продовольственная безопасность», так и уровня импортной опасности.

Однако при совокупности субъектов РФ, распределяемых по федеральным округам, дискуссионность вопроса возрастает, поскольку некоторые из них включают по 13–17 территориальных формирований, которые, на наш взгляд, можно отнести к регионам.

Как правило, такие регионы играют существенную роль как в продовольственной безопасности страны, так и в сохранении её продовольственной независимости в случае завышенных (запредельных) объёмов импорта агропродовольственной продукции.

А. Алтухов даёт разъяснение понятию «продовольственное обеспечение», представляя его как «...организационно-экономическую систему, позволяющую на данном временном этапе материализовать потенциал продовольственной безопасности страны на основе организации товаропроизводящей сети, занимающейся продвижением отечественного и импортного продовольствия от производителя к потребителю, а также организационно-экономических отношений, складывающихся между участниками этого процесса» [2].

В данном определении, на наш взгляд, требует уточнения дефиниция «...на данном временном этапе». Очевидно, под ним можно понимать современное состояние законодательно-правовой и институциональной базы, возможности агропродовольственной государственной политики, в целом социально-экономического уровня развития страны. Кроме того, требует уточнения, по нашему мнению, адресность организатора товаропроизводящей сети.

Властным управленческим государственным структурам заниматься организацией распределительного процесса в рыночных условиях, вроде бы, нецелесообразно. Тем более делать это в условиях ещё живучей коррумпированности госчиновников, оказывающих влияние на процесс продовольственного обеспечения, особенно на импорт заграничных продуктов питания по демпинговым ценам. В конечном итоге это отрицательно сказывается на экономике агропредприятий в регионах, снижая их финансовое положение и платёжеспособный спрос на продукцию других сфер АПК.

В связи с вышеизложенным можно было бы дать следующее определение: «Продовольственное обеспечение региона представляет собой процесс устойчивого удовлетворения населения в продуктах питания в рамках научно-обоснованных медицинских норм с учетом его половозрастных групп и платежеспособного спроса на основе более эффективного использования ресурсов продуктового подкомплекса и применения отвечающей его интересам конкурентоспособной продовольственной оптово-розничной системы, способной оптимизировать распределение регионального и импортного продовольствия в крупных городах, промышленных центрах и отдельных территориальных формированиях, а также обеспечить его реализацию по доступным для большинства населения ценам при оптимальной доле импорта».

К понятию «импортное продовольствие» относятся продукты питания, завозимые в регион не только из дальнего и ближнего зарубежья, но и из других областей страны в рамках действующих торговых отношений.

При этом регулирующая роль государства здесь должна проявляться, по нашему мнению, в организации более целенаправленного распределения импортных продовольственных потоков по российским регионам, используя для этого законодательно-правовые рычаги и соответствующий интересам региона мотивационный механизм. Например, в северные территории, где уровень продовольственного самообеспечения низкий, а аграрное производство высокозатратно, продовольствие ввозится из стран дальнего и ближнего зарубежья.

Следует отметить, что занятость сельского населения в таких регионах осуществляется на основе развития диверсификационного агропредпринимательства, а также за счёт производства сельхозпродукции в личных подсобных хозяйствах. Недостающая агропродовольственная продукция в других, несевверных территориальных формированиях завозится из других регионов России.

Остается открытым вопрос, сколько агропродукции производить в регионах и сколько ввозить импортной — серьёзная социально-экономическая проблема. Она затрагивает интересы государства, предпринимательства и населения регионов, связанные с повышением занятости сельского населения на основе развития аграрного производства, сохранением сельского образа жизни и многофункциональной роли сельского хозяйства, с укреплением продовольственной независимости страны.

В имеющихся отечественных литературных источниках предлагается несколько вариантов подхода к определению уровня продовольственной безопасности, имеющей отношение к продовольственному обеспечению и продовольственной независимости.

Так, в одном источнике делается попытка решить задачу на основе математического моделирования, исходя из производства основных видов агропродукции, необходимой для удовлетворения среднестатистических потребностей на уровне потребительской корзины, с учётом таких факторов, как уровень государственной финансовой поддержки сельских хозяйств, объём импортного продовольствия, размеры доходов населения, уровень экологического загрязнения сельхозпродукции [3].

В другом состоянии продовольственной безопасности оценивается по таким показателям, как достаточность минимальных затрат, пенсий и пособий для доступа социально уязвимых групп населения к продуктам питания на уровне установленных норм, минимально потребный объём производства агропродовольственных продуктов, размер переходящих и стратегических запасов продовольствия для двух уровней (достаточный и минимально необходимый), а также реальный объём и качество питания в разрезе этих уровней.

В-третьем, дается «многофакторное влияние на экономическую доступность продовольствия (по 25 показателям) на основе сопоставления душевого дохода населения и розничных

цен» [11].

При этом уровень экономической доступности продовольствия можно определять с учетом объема и структуры приобретения продуктов питания разными категориями населения с дополнением таких показателей, как объемы импортного и экспортного продовольствия, размер государственных продовольственных фондов и резервов, а также объем продуктов питания для общегосударственных нужд.

Попытка комплексного подхода к оценке возможностей продовольственного самообеспечения региона была впервые в стране сделана В. Маслаковым. Однако и в этом методическом подходе нет связи оценки с возможностями развития регионального АПК, и особенно его аграрной сферы, являющейся базой для создания устойчивой региональной системы продовольственного обеспечения. При этом учитывается, что приоритетное развитие аграрной сферы непосредственно состоит из совокупности стратегий и задач каждого сельхозпредприятия региона.

В связи с этим можно было бы предложить следующее определение: «Приоритетное развитие организации (агропредприятия) — это, во-первых, выбор и обоснование её миссии, основной и сопутствующих целей социально-экономического развития; во-вторых, это разработка механизма (алгоритма) решения задач, обеспечивающих выбор оптимального варианта достижения основных и сопутствующих задач при минимальном расходе ресурсов и преодолении различного рода рисков; в-третьих, это механизм достижения конкурентных преимуществ на рынке при условии обеспечения рационального взаимодействия предприятия с окружающей рыночной и экологической средами».

Важным этапом является подбор задач, решение которых в логической последовательности позволит обеспечить процессы оптимизации выбора рационального варианта достижения основной и сопутствующих целей.

Причём оптимальность получаемого варианта развития, получаемая при минимальном расходе ресурсов, должна быть скорректирована на обеспечение минимизации совокупного риска.

Что касается конкретных преимуществ, то механизм их достижения весьма сложен, поскольку приходится учитывать не только соответствующие законодательные акты антимонопольного характера, что связано с рыночной средой, но и нарушение требований, которое может преследоваться в соответствии с законом.

Таким образом, стремление предприятия к достижению конкурентных преимуществ на рынке должно проходить при условии обеспечения гармонизации отношений с предпринимательской средой, населением территорий и государством.

Такой вывод характерен и для АПК в целом. Однако для реализации выбранных приоритетов потребуется и соответствующий механизм управления.

Поскольку выбор приоритетов сориентирован на снижение определённой стратегии, то данный вывод можно отнести и к стратегии развития агропромышленного комплекса (АПК), которое немислимо без стратегического управления им. Оба эти понятия связаны с действующей в стране законодательно оформленной агропромышленной и продовольственной политикой, которая должна быть направлена на реализацию выбранной стратегии.

Агропродовольственная политика (АПП) должна содействовать развитию АПК, в числе основных сфер которого находится сельское хозяйство, которое не может нормально развиваться без государственной поддержки. Если же посмотреть на состояние экономики и других сфер АПК, в частности, перерабатывающей промышленности, то и она в настоящее время без государственной помощи не сможет получить развитие в сложившихся условиях.

Следует также учесть, что общегосударственная АПП будет оказывать определённое влияние на региональную её составляющую (РАПП), а в конечном итоге и на развитие АПК региона. Это, например, может проявляться не только в законодательной базе, но и в размере государственной поддержки, которая зависит ещё и от характера самого региона (дотационный или «донор»). В одном случае поддержка идет из госбюджета в дотационный регион, в другом — из регионального бюджета в государственный.

Получается, что в том и другом случае сельское хозяйство получает мизерную поддержку, поскольку дотационных регионов в стране больше, чем регионов-«доноров».

Однако в некоторых, относительно благополучных территориальных формированиях всё же удаётся выделять из регионального бюджета достаточные средства аграрному сектору, чтобы сдержать процесс банкротства сельскохозяйственных предприятий и инвестировать программы социально-экономического развития как в области в целом, так и её АПК.

Взаимосвязь основных структурных элементов механизма взаимодействия стратегий и приоритетов в системе «Стратегии развития АПК — агропродовольственная политика и управление» структурно представлена следующим образом (рис. 1):

→ - обратная связь (для внесения коррективов в АПП страны от информации регионов)

Рис. 1. Структурно-логическая схема взаимодействия стратегий развития АПК и приоритетов агропродовольственной политики разных уровней

В настоящее время основные направления государственной АПП изложены в приоритетном национальном проекте «Развитие АПК», с учетом которых вносятся соответствующие коррективы и в региональную АПП. При этом к стратегии отнесено устойчивое развитие АПК, а в основных целях аграрной политики выделены следующие:

- 1) развитие и обеспечение стимулов для эффективного и конкурентоспособного производства сельскохозяйственной продукции;
- 2) устойчивое развитие сельских территорий и повышение занятости;
- 3) повышение качества жизни сельского населения;
- 4) поддержание продовольственной безопасности страны при сохранении имеющегося ресурсного потенциала.

В рамках названных стратегий и задач ориентируются и регионы при выборе приоритетов в агропродовольственной политике. Их реализация потребует эффективного управления на всех уровнях: от предприятия до региона и страны в целом. Только при таком условии может быть обеспечена реализация приоритетов развития регионального АПК.

Здесь важно уточнить сущностные стороны приоритетов развития АПК, которые можно сформулировать в следующем определении: «Приоритеты развития регионального АПК — это, во-первых, процесс выбора лучшего варианта достижения устойчивого и гармоничного функционирования всех его сфер, ориентирующих свою деятельность на решение проблемы укрепления продовольственного обеспечения региона при оптимальном соотношении уровней самообеспеченности (продовольственной независимости) и импорта агропродовольственной продукции, а также механизмов обеспечения достаточной конкурентоспособности внутрирегионального продовольственного рынка; во-вторых, это подбор и обоснование стратегических целей развития АПК, обеспечивающих, при оптимальной приоритетности достижение выбранной стратегии при минимальном расходе ресурсов; в-третьих, это реализация механизма преодоления рисков, обеспечивающих большинству основных сфер предприятий адаптацию к изменяющимся условиям внешней и внутренней сферы».

В данном определении взаимосвязь приоритетов и стратегии просматривается в логической последовательности расположения перечисляемых этапов, начиная от достижения гармоничного развития всех сфер АПК, оптимизации импорта агропродовольственной продукции при обеспечении достаточной ее конкурентоспособности, производимой в регионе, до механизма преодоления рисков, реализуемого через эффективное управление. В качестве одного из вариантов — структурная схема, представленная на рис. 1.

Хотя каждая из подсистем, представленных автором, выполняет вполне определённые функции, они находятся во взаимосвязи, что, кстати, прослеживается в логической последовательности их размещения на схеме. Вначале идет подсистема управленческо-кадровая (менеджеры, принимающие стратегические решения).

Далее следует стратегический анализ, включающий обоснование миссии и оценку внешней и внутренней среды, включающих важную составляющую стратегии развития АПК — госу-

дарственную АПП, которая выделяет основные приоритеты его развития на дальнюю перспективу.

Эти приоритеты, прежде всего, должны быть связаны с повышением устойчивости функционирования АПК и устойчивым социально-экономическим развитием сельских территорий, устойчивым продовольственным обеспечением населения региона.

Третья подсистема — стратегический маркетинг в АПК, на базе которого определяются возможности создания эффективных систем маркетинга и менеджмента, а главное — возможности достижения устойчивой конкурентоспособности продукции регионального АПК с учётом совокупности факторов макро-, мезо- и микроэкономического характера.

Главные из них — это риски: финансовые, инвестиционные, инновационные, интеграционные, экологические и т. д. Именно их совокупное воздействие на агропромышленную систему делает её неустойчивой и неконкурентоспособной. Поэтому должен быть эффективный механизм управления рисками.

Особенно это касается сельскохозяйственного производства, где приходится учитывать воздействие фактически неуправляемого погодного риска. Единственная возможность снижения данного риска — это создание стратегических запасов агропродовольственной продукции, особенно зерна и других её нескоропортящихся видов.

В рассматриваемой подсистеме важное значение имеет разработка финансово-экономического, правового и информационного обеспечения всего процесса реализации выбранной стратегии. Если затронуть лишь информационное обеспечение, то здесь без автоматизации и компьютеризации не обойтись. Один из вариантов информационного обеспечения закладывается в компьютеризированную систему оптовых продовольственных рынков (ОПР), являющихся самой совершенной в мировой практике системой обеспечения населения городов скоропортящейся продукцией. Именно на ОПР устанавливается связанная со всеми рынками страны информационная система.

Результаты. Дальнейшая реализация системы управления осуществляется на уровне его функциональной составляющей, включающей традиционные функции (индикативное планирование, организация, контроль, маркетинг, мониторинг, экономико-мотивационное регулирование), выполняемые на уровне каждого предприятия АПК. То есть, они разрабатывают собственные планы стратегического развития, используя для этого все названные функции. Из совокупности этих стратегий составляется и корректируется общая стратегия развития АПК региона.

В законодательно-правовой подсистеме важная роль управленческого звена состоит в участии в разработке законопроектов, касающихся деятельности АПК, и лоббировании их во властных структурах. Лоббирование без участия в разработке законопроектов вряд ли возможно в современных условиях. Особенно это касается разработки и утверждения механизмов исполнения законов как ещё слабого звена в законодательно-правовой базе.

Следующая подсистема — ресурсная база, состояние которой определяет стартовые возможности для развития АПК региона. Причём, по важности своего влияния на результаты производственной деятельности в настоящий период, по нашим исследованиям, приоритетное место занимают трудовые ресурсы, поскольку в АПК автоматизация производства находится на довольно низком уровне, а применение технических средств требует значительных трудовых затрат.

Здесь приходится учитывать ухудшение условий воспроизводства трудовых ресурсов на селе и, с учётом этого, предложить эффективный механизм мотивации трудовых коллективов предприятий АПК на производительный труд. То есть весь арсенал мотивационного потенциала (заработная плата, дивиденды, банковский процент, арендная плата, государственная поддержка предприятий, в т. ч. и для развития на селе социальной инфраструктуры) должен быть ориентирован на решение этой важной для развития АПК проблемы. При этом важной задачей остается обеспечение занятости сельского населения, вызванного сезонностью сельскохозяйственного производства.

На втором месте — земельные ресурсы, особенно их качество по состоянию гумуса. В случае деградации этих ресурсов их восстановление потребует значительных капитальных вложений, что, несомненно, сдержит развитие сельскохозяйственного производства и связанных с

ним сфер деятельности.

Большие инвестиционные ресурсы потребуются и для восстановления фондов, особенно обновление машинно-тракторного парка, уровень износа которого превысил критическую отметку.

Серьезная проблема для индустриальных регионов — высокая техногенная нагрузка на ресурсный потенциал, особенно на земельные ресурсы. Это также сдерживает развитие аграрной сферы АПК, так как производство конкурентоспособной агропродовольственной продукции обуславливает необходимость повышения её качества, что в экологически неблагоприятных регионах крайне затруднено.

Следующая подсистема — инвестиционный стратегический менеджмент, предусматривающий в своём первоначальном действии разработку мотивационного механизма для привлечения инвестиционных ресурсов в развитие АПК. Без инвестиций — нет развития.

Поэтому, прежде всего, потребуются изучение предпринимательского климата как в целом в регионе, так и всего АПК. Данная задача может быть решена на основе рейтинговых оценок уровня устойчивости и конкурентоспособности с применением совокупности факторов. Результаты таких исследований позволят инвестору сориентировать свои действия на более приоритетный вариант вложения инвестиций.

В финансово-кредитной подсистеме важнейшей задачей является формирование конкурентной среды, позволяющей снизить монополистических тенденций на рынке кредита. Это позволит сельхозтоваропроизводителям выбирать более выгодного кредитора, в лице которого может быть государственный, коммерческий или кооперативный банк.

По опыту зарубежных стран весьма выгодным вариантом кредитования являются кооперативные банки, как составная часть фермерской кредитной системы. Такие банки выдают кредиты фермерам под очень низкий процент (на уровне 3–5%). Поскольку крестьянские кооперативные банки пока не получили развитие, то для аграриев остается только один надежный партнёр — государственный банк в лице Агросельхозбанка и его региональных отделений.

Что касается приоритетных сценариев развития АПК России, то большинство учёных-аграрников отстаивают оптимистический вариант, который позволит удвоить производство агропродовольственной продукции в стране на основе максимизации потребления при определённых ресурсных и технологических ограничениях, при соблюдении полной самообеспеченности страны зерном, картофелем, растительным маслом, овощами, молочной продукцией.

Что касается пессимистического варианта, то он «стартует» на базе сложившегося социально-экономического положения в аграрном секторе и в целом в АПК при сохранении объёмов производства животноводческой продукции на прежнем уровне.

Данный вариант разбивается на ряд направлений. В частности, при концентрации финансовых ресурсов у крупных корпоративных структур ориентация развития может пойти по пути сверхинтенсивного использования ресурсов в зонах, благоприятных для ведения аграрного производства, а в менее благоприятных, которых большинство, будут использоваться примитивные технологии.

Это приведёт к дальнейшему сокращению производства и нагнетанию социальной напряжённости на селе. Использование же в основном импортной техники приведёт к свёртыванию отечественного сельхозмашиностроения, что обусловит техническую зависимость страны от зарубежных поставок тракторов, автомобилей, комбайнов и другой техники. Это ещё более усложнит социальную напряжённость.

Оптимистический вариант в современных условиях, по нашему мнению, невозможен по следующим причинам:

- 1) отсутствие у государства достаточных инвестиционных ресурсов даже для восстановления деградированного ресурсного потенциала АПК;
- 2) незаинтересованность частного инвестора во вложении средств в рискованное аграрное производство;
- 3) общая неблагоприятная социально-экономическая ситуация в стране, усугубляющаяся ориентацией на экспорт ресурсов, которых, по оценкам экспертов, может хватить только до 2050 г.;
- 4) невозможность развития АПК на деградированном базисе, включая и социальный, в

условиях вхождения страны в ВТО;

5) недостаточно объективная проработка вариантов (слишком общая по стране); стратегия развития АПК страны должна базироваться на региональных программах, что позволит дать не только объективную оценку состояния дел в его сферах, но и наметит приоритеты дальнейшего более устойчивого функционирования.

Что же касается пессимистического варианта, то он наиболее реален, хотя нам следовало бы более детально обосновать механизм развития АПК, особенно его аграрной сферы, ориентируясь на основные направления (механизмы привлечения инвестиций в отрасль и преодоления рисков, формирования и развития агрокооперации и интеграции, реализации порегионных конкурентных преимуществ на аграрном рынке и др.).

Рис. 2. Программа государственной поддержки роста объёмов производства молока и увеличения поголовья КРС (Источник: Минсельхоз РФ)

Примерно такие же целевые установки были отмечены и в приоритетном национальном проекте «Развитие АПК», в котором прописаны более конкретные меры поддержки его базовой сферы — сельского хозяйства.

Однако выделяемых субсидий, особенно на развитие малого агропредпринимательства и возрождение социальной инфраструктуры сельских территорий, пока ещё явно недостаточно, особенно в установленных регионах (рис. 2).

Выводы. Поэтому необходимо приоритетно подходить к развитию сельского хозяйства в каждом регионе, выделяя субсидии с учётом доли вклада аграрного сектора в экономику предприятий АПК и региона в целом, ведь роль сельского хозяйства в формировании спроса на производимые товары (ГСМ, стройматериалы, техника, продукция химии и пр.) весьма значительна. Плюс продовольственная безопасность, воспитательная роль села, пополнение расходов российской армии и т. д.

Всё это требует обоснованных подходов к решению проблемы оптимизации импорта агропродовольственной продукции, затрагивающего продовольственную безопасность как страны в целом, так и устойчивое продовольственное самообеспечение регионов. А это, в свою очередь, непосредственно связано с устойчивым развитием АПК и на региональном уровне, реализуемого через эффективную аграрную политику.

Литература

1. Алтухов, А. И. Методология и методика определения уровня продовольственной безопасности страны // АПК : экономика, управление. 2006. № 8. С. 2–6.

2. Алтухов, А. И. Вступление России в ВТО и проблемы развития её сельского хозяйства // *Агропродовольственная политика и вступление России в ВТО : сб/ статей / Никоновские чтения.* — М. : РАСХН, 2003. С. 30–31.
3. Беспяхотный, Г. В. *Методология и критерии продовольственной безопасности / Тез. докл. на 1-й междунар. конф. «Продовольственная безопасность России», 12–14 марта 2002 г. // Пищевая промышленность.* 2002. № 2.
4. Вартанова, М. Л. *Продовольственная безопасность страны и пути выхода из мирового продовольственного кризиса : монография / Вартанова М.Л.* — М. : Библио-Глобус, 2016.
5. Вартанова, М. Л. *Необходимость обеспечения прогнозирования безопасности емкости регионально-продовольственного рынка в новых экономических условиях // Региональные проблемы преобразования экономики.* 2016. № 7.
6. Гранберг, А. Г., Данилов-Данильян, В. И., Циконов, М. М. и др. *Стратегия и проблемы устойчивого развития России в XXI в.* — М. : Экономика, 2004.
7. Гришианов, А., Маруев, А. *Современные проблемы продовольственной безопасности России // Вестник экономики.* 2003. № 16. С. 70–71.
8. Дохолян, С. В. *Конкурентоспособность региона : вопросы теории и методологии.* — М. : Перо, 2013.
9. Дохолян, С. В., Вартанова, М. Л. *Обеспечение эффективности функционирования продовольственного рынка региона в условиях конкурентной среды // Российское предпринимательство.* 2016. Том 17. № 17. С. 2153–2178.
10. Дохолян, С. В. *Повышение конкурентоспособности экономики региона на основе новых подходов к формированию отраслевой структуры промышленности / Дохолян С.В. // Российское предпринимательство.* 2008. № 8–2. С. 130–134.
11. Езерский, Е. Н., Павлова, С. Н., Дрокин, В. В., Пустуев, А. Л. *Формирование региональной системы продовольственной безопасности.* — Екатеринбург : УрГСХА, 2004.
12. Калинин, А. Я. *Продовольственная безопасность России — проблема XXI в. // Пищевая промышленность.* 2001. № 7.
13. Костяев, А. И., Тимофеев, М. У. *Национальная и региональная продовольственная безопасность // Сб. научных трудов Международной юбилейной конференции.* — М. : РАСХН, ВНИЭТУСХ, 2000. С. 500–517.
14. Липина, С. А. *Стратегические приоритеты социально-экономического развития республик Северного Кавказа : монография / Липина С.А.* — М. : URSS, 2010.
15. Петросяни, В. З., Дохолян, С. В. *Региональное развитие и факторы экономического роста // Региональная экономика : теория и практика.* 2007. № 18. С. 10–17.
16. Пустуев, А. Л. *Обеспечение продовольственной безопасности индустриальных регионов : сб. науч. тр.* — Екатеринбург, 1998.
17. *Регионы России. Социально-экономическое положение Северо-Кавказского федерального округа : стат. сборник.* — М., 2016.
18. Сигова, С. В. *Типология субъектов федерации на основе анализа доходов и расходов бюджетной системы РФ // Финансы.* 2007. № 8.

References:

1. Altukhov, A. I. *Methodology and methods of determining the level of food security // APK : economy, management.* 2006. No. 8. P. 2–6.
2. Altukhov, A. I. *Russia's Accession to the WTO and problems of development of agriculture // Agri-food policy and Russia's accession to the WTO : Collection of articles / Nikon reading.* — M. : Russian Academy of agricultural sciences, 2003. P. 30–31.
3. Bespakhotniy, G. V. *Methodology and criteria for food security // Reports on the 1st Intern. Conf. «Food security of Russia», March 12–14, 2002 // Food industry.* 2002. No. 2.
4. Vartanova, M. L. *The country's food security and ways out of the global food crisis : monograph / Vartanova M. L.* — M. : Biblio-Globus, 2016.
5. Vartanova, M. L. *The Need to ensure forecasting the security capacity of regional food market in the new economic environment // Regional problems of transforming the economy.* 2016. № 7.
6. Granberg, A. G., Danilov-Danilyan, V. I., Tikhonov, M. M. and others. *Strategy and problems of sustainable development of Russia in XXI century.* — M. : Economics, 2004.
7. Grishanov, A., Marui, A. *Modern problems of food security in Russia // Bulletin of the economy.* 2003. No. 16. P. 70–71.
8. Dokholyan, S. V. *Competitiveness of the region : issues of theory and methodology.* — M. : Pen, 2013.
9. Dokholyan, S. V., Vartanova, M. L. *The maintenance of efficiency of functioning of the food market of region in the conditions of competitive environment // Journal of Russian entrepreneurship.* 2016. Vol.17. No. 17. P. 2153–2178.
10. Dokholyan, S. V. *Increase of competitiveness of economy of region on the basis of new approaches to the formation of the sectoral structure of industry / Dokholyan S. V. // Journal of Russian entrepreneurship.* 2008. No. 8–2. P. 130–134.
11. Ezersky, E. N., Pavlova, S. N., Drokin, V. V., Pustuev, A. L. *the Formation of a regional food security system.* Ekaterinburg : Ural State. 2004.
12. Kalinin, A. Y. *Food security of Russia — a problem of XXI century // Food industry.* 2001. No. 7.
13. Kostyaev, A. I., Timofeyev, M. U. *National and regional food security / In sat. scientific papers : International jubilee conference.* — M. : RAAS, UNITECH, 2000. P. 500–517.
14. Lipina, S. A. *Strategic priorities of socio-economic development of the North Caucasus republics mono-*

graph / Lipina S. A. — M. : URSS, 2010.

15. *Petrosyants, V. Z., Dokholyan, S. V. Regional development and factors of economic growth // Regional economy : theory and practice. 2007. No. 18. P. 10–17.*

16. *Pustuev, A. L. Food security of industrial regions : Sat. scientific. tr. — Ekaterinburg, 1998.*

17. *The Regions of Russia. Socio-economic situation of the North Caucasus Federal district : Statistical collection. — M., 2016.*

18. *Sigova, S. V. Typology of subjects of Federation on the basis of analysis of incomes and expenses of budgetary system of the Russian Federation // The Finance. 2007. No. 8.*

ДОХОЛЯН СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

д.э.н., профессор, директор ФГБУН «Институт социально-экономических исследований
ДНЦ РАН», e-mail: sergsvd@mail.ru

БОТТАЕВ ЖАМАЛ ХИЗЫРОВИЧ

к.э.н., глава крестьянско-фермерского хозяйства «Ай-РаяН», e-mail: zemmago@mail.ru,

УМАВОВ ЮСУП ДЖАНБЕКОВИЧ

к.э.н., заведующий кафедрой «Коммерция и маркетинг» ФГБОУ ВО
«Дагестанский государственный университет», e-mail: dagtop@mail.ru

**АНАЛИЗ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ
К УСТОЙЧИВОСТИ РАЗВИТИЯ АГРОПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ***

Цель работы. Целью настоящей работы является исследование теоретических, методологических и практических вопросов устойчивости развития агропромышленных предприятий. **Метод или методология проведения работы.** Основой исследования являются фундаментальные труды отечественных и зарубежных учёных в области устойчивого развития, институционального анализа, государственного и рыночного регулирования отрасли, конкуренции. Устойчивость развития агропромышленных предприятий рассматривается с позиции статистической теории устойчивости сельскохозяйственного производства. **Результаты.** Рассмотрены и определены основные факторы и источники устойчивого развития агропромышленных предприятий, под которым понимается способность обеспечить технико-технологические, организационные, экологические, социально-экономические показатели в рамках определенной зоны устойчивости, на которую воздействуют силы внешней и внутренней среды. В настоящее время, для того чтобы выйти на устойчивое развитие агропромышленных предприятий, необходимо мобилизовать его внутренние ресурсы, повысить эффективность производства и соответствующий уровень развития сырьевой базы. Следует иметь в виду, что выживаемость, максимизация прибыли, удержание рынка и обеспечение устойчивости субъекта экономики по своим целям неравнозначны. Если первые из них — это тактические цели, то обеспечение устойчивого развития — это стратегические. **Область применения результатов.** Результаты проведённого исследования могут быть использованы в процессе разработки конкретных предложений, связанных с научным обоснованием формирования и реализации конкурентного потенциала устойчивого развития агропромышленных предприятий. **Выводы.** Делается вывод, что формирование конкурентного потенциала агропромышленных предприятий и реализация их конкурентных преимуществ — это основные факторы устойчивого развития агропромышленного комплекса, сбалансированности продовольственного рынка и повышения уровня самообеспечения.

Ключевые слова: АПК, агропромышленные предприятия, устойчивое развитие, устойчивость, сбалансированность, агропромышленное производство, факторы, источники.

DOKHOLYAN SERGEY VLADIMIROVICH

Doctor of Economic Sciences, Professor, Director of FSBIS “Institute of Social-Economic Studies of DSC
of the RAS”, e-mail: sergsvd@mail.ru

BOTTAEV JAMAL KHIZYIROVICH

Candidate of Economic Sciences, Head of “Ay-Rayan” Homestead Farm, e-mail: zemmago@mail.ru

UMAVOV YUSUP JANIBEKOVICH

Candidate of Economic Sciences, Head of the Department of “Commerce and Marketing”
of FSBEI of HE “Dagestan State University”, e-mail: dagtop@mail.ru

ANALYSIS OF THEORETICAL AND METHODOLOGICAL APPROACHES
TO SUSTAINABILITY OF DEVELOPMENT OF AGRO-INDUSTRIAL ENTERPRISES

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 16-02-00374а)

The goal of the paper. The goal of the present paper is a study of theoretical, methodological and practical issues of sustainability of development of agro-industrial enterprises. *The method or methodology of work.* The basis of the study are fundamental studies of domestic and foreign scientists in the area of sustainable development, institutional analysis, state and market regulation of the industry, competition. Sustainability of development of agro-industrial enterprises is discussed from the points of view of the statistical theory of sustainability of agricultural production.

The results. We have discussed and defined the main factors and sources of sustainable development of agro-industrial enterprises that we define as an ability to provide for technical and technological, organizational, environmental, social-economic indicators within the context of a certain zone of sustainability that is impacted by forces of external and internal environment. At the present moment in order to take the path of sustainable development of agro-industrial enterprises it is necessary to mobilize its internal resources, increase the effectiveness of production and the corresponding level of development of the resource base. It should be assumed that *survivability, maximization of profits, holding the market in one's hands, and ensuring sustainability of an entity of economics* are not equal in their goals. If the first ones of them are tactical goals, then ensuring sustainable development are strategic goals. *The area of application of the results.* The results of the research performed may be used in the process of development of specific suggestions related to the scientific substantiation of forming and implementation of competitive potential of sustainable development of agro-industrial enterprises. *Conclusions.* A conclusion is made that forming a competitive potential of agro-industrial enterprises and implementation of their competitive advantages are the main factors of sustainable development of the agro-industrial complex, balancing the food market and improving the level of self-provision.

Keywords: the AIC, agro-industrial enterprises, sustainable development, balancing, agro-industrial production, factors, sources.

Введение. Стратегической целью устойчивого развития агропромышленных предприятий является обеспечение продовольственной безопасности путём повышения уровня самообеспеченности продовольственными ресурсами высокого качества преимущественно за счет инвестиционно-инновационных факторов развития агропромышленных предприятий и эффективного развития отечественной сырьевой базы.

В настоящее время, для того чтобы выйти на устойчивое развитие агропромышленных предприятий, необходимо мобилизовать его внутренние ресурсы, повысить эффективность производства и соответствующий уровень развития сырьевой базы. Необходимо учесть, что выживаемость, максимизация прибыли, удержание рынка и обеспечение устойчивости субъекта экономики по своим целям неравнозначны. Если первые из них — это тактические цели, то обеспечение устойчивого развития — это стратегические.

Методы исследования. В основе стратегии устойчивого развития предприятий АПК России лежит комплексное исследование теоретических и общеметодологических основ, связанных с устойчивым развитием субъектов экономики в различных экономических системах.

Классические и новейшие разработки показали, что термин «устойчивость» экономические науки позаимствовали из естественных наук. Так, например, в механике существуют понятия «устойчивости движения», «устойчивости равновесия», «устойчивости упругих систем». Однако вышеперечисленные термины понятия «устойчивость» не дают исчерпывающего определения его содержания.

Возникновение понятия «устойчивости хозяйствования», исходя из теории политической экономии, произошло в период развития индустриального общества в XIX в. и привлекло интерес экономистов к тому, чтобы изучить факторы устойчивости хозяйствования. Одновременно в Европе возникает теория «устойчивости крестьянского хозяйства». Н.Д. Кондратьевым была выдвинута идея тесной связи и равновесия аграрного и индустриального секторов экономики. Он утверждал, что эффективный аграрный сектор поднимет всю экономику, станет гарантом устойчивости всего народного хозяйства. Н.Д. Кондратьев считал, что в первую очередь необходимо оказать помощь тем хозяйствам, которые приближаются к фермерскому типу и способны быстро наращивать производство товарного хлеба. Его программа была направлена на то, чтобы поддержать крепкие семейные трудовые хозяйства, способные быть

основой экономического подъема в стране.

Сегодня вопросы, связанные с экономической устойчивостью, актуальны и имеют большую значимость. Устойчивость и сбалансированность развития как понятие встречается в теориях предложения, рационального ожидания, индустриального общества, экономического равновесия, сбалансированности и пропорциональности народного хозяйства, кроме того, оно рассматривается в теории экономического роста и размещения производства. Следовательно, через призму экономической устойчивости рассматриваются самые разные стороны экономической деятельности предприятий, состоящие в конкурентоспособности, эффективности функционирования, содействии социальному развитию и НТП, нагрузке на окружающую среду, методах антикризисного управления. Необходимо отметить, что для стран, у которых развитая рыночная экономика, экономическая устойчивость субъектов экономики и связанные с ней вопросы являются предметом широкого обсуждения. Рассмотрение экономической устойчивости агропромышленных предприятий происходит, в первую очередь, в её взаимосвязи с конкурентоспособностью предприятий АПК и возможностью их избежать банкротства [2, 26].

Давая определение понятию «устойчивость», многие учёные отталкивались от статистической теории динамических рядов. Согласно этой теории, в статистическом показателе содержатся элементы необходимого и случайного. Здесь необходимое — это устойчивая тенденция, характеризующая процесс эволюции, а случайность — колебания ряда относительно тенденции [3, 7, 11, 12, 27]. Учитывая это, к основным требованиям устойчивости можно отнести: во-первых, минимальные колебания уровней временного ряда; во-вторых, необходимые для общества тенденции изменения.

В этом же направлении экономисты И.Б. Загайтов и П.Д. Половинкин исследовали устойчивость сельскохозяйственного производства. Они определяли её как «способность непрерывно поддерживать оптимальную пропорциональность в развитии воспроизводства в масштабах страны с учетом места сельского хозяйства в едином народнохозяйственном комплексе» [14]. Следует отметить, что устойчивость включает в себя не консервацию достигнутых уровней производства продуктов питания, а их увеличение по мере того, как растут потребности населения. Аналогичная позиция и у В.Н. Афанасьева и М.М. Юзбашева, которые связывают устойчивость с наличием «необходимой тенденции изменения исследуемого объекта с минимальным влиянием на него неблагоприятных условий» [4].

Признавая вклад вышеназванных учёных в развитие теории устойчивости агропромышленного производства, всё же нужно иметь в виду, что в последние годы специфика преобразований в сфере продовольствия проявилась в регионализации экономики и ориентации на самообеспечение. К тому же, если устойчивость развития агропромышленных предприятий оценивать, только учитывая колеблемость динамических рядов, то оценка не будет полной, так как надо иметь в виду, что устойчивости агропромышленных предприятий можно достичь не только, удовлетворив спрос за счет текущего производства. Устойчивость является категорией воспроизводства, и потому устойчивым вариантом развития можно считать только тот, который даже при колебаниях объёмов производства в отдельные годы полностью компенсирует периодически возникающие дефициты за счет резервов и запасов, созданных заблаговременно.

Наряду со статистическим подходом существует ряд подходов к определению устойчивости, которые абсолютизируют значение прибыли в процессе рассмотрения устойчивости предприятия с позиции его финансового положения. Сторонники этого подхода полагают, что устойчиво то предприятие, которое достигает высокой доли на рынке, при этом обеспечивая себе намеченный (целевой) уровень прибыли. Следовательно, экономически устойчивое предприятие АПК имеет такое соотношение активов и обязательств, что его выручки от продажи или использования активов достаточно, для того чтобы покрыть все обязательства [6, 5, 10, 17, 22, 25].

Существуют все основания полагать, что финансовая устойчивость предприятия при всей её значимости — это лишь часть экономической устойчивости. Помимо этого, финансовая устойчивость не позволяет дать полный и комплексный учет социальных и экологических последствий и руководящих принципов развития агропромышленных предприятий.

Поскольку в литературе понятие «устойчивое развитие» трактуется по-разному, необходи-

мо разграничить устойчивость в широком и в узком смысле. Устойчивое развитие в узком смысле включает в себя лишь один аспект устойчивости (финансовый или экологический), а в широком смысле — предполагает все виды устойчивости, среди которых: экологическая, экономическая, техногенная, демографическая, социальная [20]. Следовательно, термин «устойчивое развитие» следует трактовать как стратегию перехода к состоянию природы и общества, которое мы можем охарактеризовать термином «коэволюция»¹.

Можно учесть и мнения ученых, которые развивали идею В.И. Вернадского о становлении сферы разума (ноосферы) и придавали ноосферную направленность концепции перехода к устойчивому развитию, и предлагали на этой основе концепцию цивилизационного развития. Ноосферная интерпретация перехода к постиндустриальному «устойчивому обществу» заключается в единстве человечества, равновесном течении его различных форм деятельности, сбалансированном взаимодействии с природой и появлением ряда новых качественных ступеней развития.

Такие специалисты, как В.А. Динеса, В.М. Ларина, Р.Ю. Лоскутова и Н.С. Яшина определяют экономическую устойчивость как состояние деятельности хозяйствующих субъектов, социально-экономические параметры которых, при любых нарушениях внешней и внутренней среды, сохраняя при этом первоначальный баланс, находятся в зоне экономической устойчивости. Границы этой зоны являются нормативными на данный период времени [9].

Не отрицая обоснованность данного подхода, необходимо его логическое продолжение. Мы считаем, что устойчивость развития агропромышленных предприятий как субъекта экономики заключается в способности обеспечить необходимую динамику изменений технико-технологических, организационных, экологических, социально-экономических показателей в рамках определенной зоны устойчивости, на которую влияют силы внешней и внутренней среды. Сегодня, для того чтобы выйти на устойчивое развитие, агропромышленным предприятиям необходимо мобилизовать внутренние ресурсы, повысить эффективность производства и соответствующий уровень развития сырьевой базы.

Мы считаем, что устойчивость агропромышленных предприятий проявляется в том, что под влиянием экзогенных и эндогенных факторов социально-экономические показатели деятельности предприятий варьируются в определённой области экономической устойчивости. В зависимости от направления и границ этих изменений при определённом воздействии внешней среды (возмущении) следует проводить различие между устойчивым² и неустойчивым³ состоянием агропромышленных предприятий. Устойчивое состояние, в свою очередь, состоит из абсолютно устойчивого⁴, устойчивого в некоторой области⁵ и безразлично устойчивого⁶ [19].

Следует отметить, что данная схема построена, основываясь на классическом определении устойчивости, и в ней содержится качественная классификация возможных состояний устойчивости. Устойчивость в данном смысле — это естественное расширение понятия устойчивости по А.М. Ляпунову, который считает, что устойчивость заключается в том, что система способна вернуться в состояние равновесия при возмущающих воздействиях внешней среды.

Возможно дать более точную количественную интерпретацию устойчивости развития агропромышленных предприятий как субъекта экономики при рассмотрении устойчивости: первое, как динамической и, второе, как вероятностной характеристики. В этом смысле следует отметить концепцию устойчивости, изложенную экономистами Н.В. Зубановым В.Н. и Пестриковым С.В. В соответствии с этой концепцией устойчивость функционирования организации описывает способность любой организации достигать поставленных целей функционирования [15].

Следует иметь в виду, что выживаемость, максимизация прибыли, удержание рынка и

¹ Коэволюция — соразвитие общества и биосферы при их взаимном сохранении.

² В зависимости от интенсивности воздействия значения параметров субъекта экономики варьируются в пределах некоторой зоны экономической устойчивости.

³ Субъект экономики существует в этом состоянии бесконечно долго, не меняя параметры и внутреннюю структуру, но при малейшем возмущении выходит из этого состояния.

⁴ Допускает любые возмущения внешней среды, не изменяя параметров субъекта.

⁵ Возможны определенные возмущения внешней среды без изменения параметров субъекта. При выходе возмущений за пределы некоторой области происходят качественные изменения.

⁶ После воздействия на субъект сохраняется состояние, вызванное возмущением.

обеспечение устойчивости субъекта экономики по своим целям неравнозначны. Если первые из них — это тактические цели, то обеспечение устойчивого развития — это стратегические. Выживание — это необходимое условие устойчивого развития, прибыль (при том, что она является движущей силой экономики) — это средство устойчивого развития агропромышленных предприятий.

Анализируя различные точки зрения на устойчивость развития субъектов экономики, напрашивается вывод о том, что проявление экономической устойчивости может быть разным, и это зависит от специфики субъекта экономики, от уровня развития экономики, от параметров экономической системы. Следует учесть и взаимосвязь между экономикой и социальной средой, которая складывается и меняется под влиянием множества факторов, которые определяют и определяются поведением хозяйствующих субъектов. Поскольку эти взаимосвязи обладают достаточной подвижностью, правильно будет говорить не о законах, а о принципах и тенденциях, которые лежат в основе развития той или иной экономической системы [16].

Для достижения устойчивого развития агропромышленных предприятий следует обеспечить сбалансированность всех его аспектов (техничко-технологического, экологического, социального, организационного, экологического) через государственное управление, адаптацию к изменениям внешней среды, реализацию конкурентного потенциала предприятий АПК.

Необходимо согласиться с мнением тех исследователей, которые считают, что экономическая устойчивость предприятия и его конкурентоспособность находятся в органическом единстве [9]. Это связано с тем, что: 1) один и тот же результат достигается, если повышается экономическая устойчивость предприятия или повышается его конкурентоспособность, что улучшает экономический и социальный климат на предприятии, в развитии предприятия; 2) одни и те же факторы изменяют экономическую устойчивость предприятия и его конкурентоспособность.

Следует отметить, что, не обеспечив конкурентоспособность российского АПК, нельзя достичь его устойчивого развития в долгосрочной перспективе. Следовательно, обеспечение конкурентоспособности агропромышленных предприятий является непременным условием повышения устойчивости ее развития. В свою очередь, высокий уровень экономической устойчивости объекта исследования повысит его конкурентоспособность и послужит качественному развитию конкурентного потенциала.

Полагаем, что устойчивое развитие агропромышленных предприятий не может быть достигнуто без рассмотрения критериев и факторов устойчивости, включающих три взаимосвязанные составляющие: обеспечение экономического роста, социального развития и охраны окружающей среды.

Анализ теоретических и практических основ развития субъектов экономики показал, что устойчивое развитие АПК России требует сбалансированности её ресурсов, факторов производства, всех структурных элементов, а также потребностей населения в продовольствии. Переход к производству, построенному на принципах устойчивого развития, требует чёткого опре-

⁷ Ускорение НТП, повышение квалификации работников, улучшение использования основных и оборотных фондов, повышение эффективности хозяйственной деятельности за счёт лучшей её организации.

⁸ Увеличение объёма инвестиций при сохранении существующей технологической структуры, увеличение числа занятых работников, рост объёмов потребляемого сырья, материалов, топлива и других элементов оборотного капитала.

⁹ Действуют в рамках отдельных предприятий (внедрение новой техники, новых технологических процессов, отдельных видов продукции).

¹⁰ Имеют региональную или отраслевую принадлежность (внедрение ресурсосберегающих технологий, опережающее развитие отдельных производств).

¹¹ Определяются структурой экономики, внешнеэкономическими процессами (изменение технологической структуры мировой экономики).

¹² Характеризуются физическим воплощением (здания, оборудование, сырьё).

¹³ Не имеют материальной формы (объекты интеллектуальной собственности, ноу-хау, предпринимательская активность).

¹⁴ Относятся непосредственно к субъекту экономики (уровень технико-технологического развития, уровень организации производства и структура управления субъекта экономики, состояние портфеля заказов, качество работ, стратегия развития).

¹⁵ Относятся к окружению, в котором действует субъект экономики (экономические, демографические, социальные, культурные, политические, экологические, научно-технические, внешнеэкономические факторы).

¹⁶ Связаны с генеральным курсом субъекта экономики по достижению им стратегических целей, зависят от вида стратегии (стратегия достижения конкурентных преимуществ, стратегия ресурсосбережения, стратегия социального развития коллектива стратегия устойчивого развития и др.).

деления его критериев и факторов.

Полагаем, что источники устойчивого развития агропромышленных предприятий России — совокупность, включающая социально-экономические, технико-технологические, организационные, экологические факторы, формирующие заданный уровень его устойчивости. У факторов, определяющих устойчивость развития агропромышленных предприятий как субъекта экономики, разное содержание, состоящее из природно-климатических, трудовых, капитальных ресурсов, предпринимательской активности, научно-технического прогресса. Традиционно факторы можно отнести к внешним или внутренним (например, капитал), к интенсивным⁷ или экстенсивным⁸.

Все факторы, определяющие устойчивость развития предприятий АПК как субъекта экономики, можно классифицировать по следующим признакам:

- 1) по уровню воздействия: микроуровневые⁹, мезоуровневые¹⁰, макроуровневые¹¹;
- 2) по форме воплощения: материальные¹², нематериальные¹³;
- 3) по отношению к субъекту экономики: внутренние¹⁴, внешние¹⁵;
- 4) по механизму воздействия: стратегические¹⁶, тактические¹⁷;
- 5) по способу использования ресурсов: экстенсивные¹⁸, интенсивные¹⁹;
- 6) по степени влияния на субъект: прямого влияния²⁰, косвенного влияния²¹;
- 7) по функциональной принадлежности: технологические²², технические²³, социальные²⁴, организационные²⁵, экологические²⁶.

Устойчивое развитие агропромышленных предприятий как субъекта экономики обеспечивается разными источниками, а именно: целенаправленным государственным управлением; адаптацией субъекта к изменениям внешней среды; реализацией внутреннего потенциала (запаса прочности).

Когда не существует противоречия между всеми составляющими элементами, значение результирующего показателя экономической устойчивости объекта исследования достигает максимума [19].

К внутренним факторам устойчивого развития относятся совершенство внутренней структуры предприятия АПК, согласование интересов собственников (внутренних и внешних) и наемных работников, эффективность организации и управления производством, наличие квалифицированных менеджеров. Существенное значение имеет технико-технологический уровень производства, ассортимент, качество и конкурентоспособность выпускаемой продукции. Устойчивость развития проявляется и в повышении производительности труда. При этом необходимо отметить, что современному уровню организации и оплаты труда требуется соблюдение основного экономического закона — опережающий рост производительности труда

¹⁷ Относятся к совокупности методов и средств по выполнению целей и задач субъекта экономики в краткосрочный период (повышение качества продукции, рациональное использование производственных мощностей, обеспечение заданного уровня прибыльности, доли рынка и т. д.).

¹⁸ Проявляются в увеличении объёма инвестиций при сохранении существующей технологической структуры, увеличении числа занятых работников, росте объёмов потребляемого сырья, материалов, топлива и других элементов оборотного капитала.

¹⁹ Связаны с ускорением НТП, повышением квалификации работников, улучшением использования основных и оборотных фондов, повышением эффективности хозяйственной деятельности за счёт лучшей её организации.

²⁰ Непосредственно и немедленно влияют на деятельность предприятия (ресурсные, информационные, правовые, рыночные факторы).

²¹ Влияют на деятельность предприятия опосредованно, что может проявляться в течение некоторого промежутка времени (политические, социально-культурные факторы, состояние экономики и мирового рынка).

²² Связаны с применением малоотходных и безотходных технологий, постоянным обновлением продукции на основе улучшающих технологий, совершенствовани-ем технологической структуры субъекта экономики.

²³ Действуют за счёт качественных изменений орудий и предметов труда в новых технологиях, создания условий для комплексной механизации и автоматизации, применения индустриальных технологий хранения, перевозки и комплексной обработки продуктов, обеспечивающих полную сохранность питательных и вкусовых качеств продукции.

²⁴ Проявляются в обновлении производственной и социальной инфраструктуры, социальном оздоровлении; повышении профессионального уровня кадров, росте фондов общественного потребления, расширении перечня социальных гарантий.

²⁵ Связаны с изменением форм организации труда, повышением уровня специализации и разделения труда, улучшением условий труда, контролем производственного процесса, минимизацией отклонений от требований технологической дисциплины, повышением конкурентоспособности продукции.

²⁶ Действуют посредством снижения нагрузки на окружающую среду, эффективного и комплексного использования ресурсов.

²⁷ Технико-технологический уровень, качество трудовых ресурсов и состояние рынка труда (в регионе, городе).

²⁸ Банков, частных инвесторов, инвестиционных компаний, лизинговых компаний и т. д.

по отношению к темпам роста заработной платы. Для России выполнить данное соотношение весьма проблематично, так как не существует закона о минимальной заработной плате и прожиточном минимуме. Для того чтобы соблюсти данную пропорцию, следует установить минимальный размер заработной платы, который должен быть не ниже уровня прожиточного минимума, и создавать условия для того, чтобы мотивировать работников для достижения высокой производительности труда. Это соотношение особо контролируется во всех развитых странах. Финансовыми источниками экономического развития предприятия АПК является рациональное использование финансовых ресурсов: амортизации, прибыли, оборотных средств.

Главным же при этом остается знание своего бизнеса (производства). Его внутренних возможностей развития²⁷, наличия собственных инвестиционных ресурсов и условий заимствования инвестиций извне²⁸.

Устойчивое развитие АПК России находится в прямой зависимости от конъюнктуры мирового продовольственного рынка. Поэтому следует учитывать одну из основных особенностей мирового агропромышленного производства, состоящую в развитии большинством стран собственного производства. Этим, главным образом, объясняются исключительно широкие масштабы государственного регулирования работы производства агропромышленных предприятий.

Анализ факторов, определяющих устойчивое развитие, позволил сделать вывод, что устойчивость развития агропромышленных предприятий может обеспечиваться разными источниками: 1) целенаправленное государственное управление; 2) адаптация самой системы к изменениям внешней среды; 3) внутренний потенциал (запас прочности) системы.

В случае непротиворечия всех элементов друг другу значение результирующего показателя экономической устойчивости объекта исследования достигает максимума.

Источники устойчивости, которые являются защитным механизмом системы, делятся на две группы: спонтанные и индуцированные [18]. Спонтанные источники устойчивости состоят из: инерционности системы, т. е. определённой задержки в реакции при возможных возмущениях, сохранении устойчивого положения при слишком резких (или даже неоправданных) изменениях; самоорганизации системы путём реализации её внутреннего потенциала; консервативной адаптации системы к возмущениям, которые проявляются в случае, когда изменения не являются радикальными.

Для адаптации в экстремальных условиях необходимы сознательные акции общества, его государственных институтов. В этом проявление функций индуцированных источников экономической устойчивости — создаются и поддерживаются самим обществом механизмы для защиты от всевозможных потрясений. Это ограничивает действия любого из участников социального процесса, нарушает баланс системы и ущемляет права других участников²⁹.

Любое изменение функции, которое производит среда, приводит к смене механизма функционирования системы, что, в свою очередь, меняет устойчивость системы, её структуру и связи, что может иметь направленность, как в сторону прогресса, так и в сторону регресса [13].

Комбинация источников, необходимых для того, чтобы обеспечить экономическую устойчивость объекта исследования, определяется его функциями. С возрастающей сложностью функции в пределах старой структуры происходит дифференциация, что может привести к обособлению новой части [21], т. е. развитию системы. То есть то, что функцией определяется структура, функционирование, возможности развития и свойства системы, позволяет говорить, что функция является главным системообразующим фактором.

Для того чтобы дать более детальный анализ источников устойчивого экономического развития агропромышленных предприятий, необходимо рассмотреть опыт международного бизнеса. На долгосрочную перспективу стратегической целью социально-экономической политики выбрано новое качество развития экономики как по составу ориентиров и факторов роста, так и по динамике итогов деятельности. В соответствии с этим эксперты ООН условно сгруппировали шесть основных задач, которые стоят перед предпринимательскими кругами с це-

²⁹ Практика ограничения монополий и государственной поддержки малого бизнеса, экологические ограничения, налагаемые на крупных производителей, поддержка слабозащищённых слоёв населения.

люю достижения устойчивого развития: снизить материалоемкость продукции; снизить энергоёмкость производства; ограничить оборот токсичных и вредных веществ; рационально использовать природные ресурсы; увеличить срок хранения продукции; расширить сервисные услуги.

Наиболее распространенное выражение этой целевой установки заключается в достижении прироста эффективности производства и повышении устойчивости его функционирования путем использования ресурсосберегающих технологий. Наиболее рациональным и эффективным использованием всей совокупности ресурсов производственного и непромышленного назначения, реализуя целевые установки экономического развития, является ресурсосбережение. В широком смысле ресурсосбережение тождественно интенсификации воспроизводственных процессов, а в узком смысле оно интерпретируется как рост эффективности использования традиционных (первичных) природных, сырьевых и энергетических ресурсов [20].

В настоящее время России, для того чтобы обеспечить экономическую и, прежде всего, продовольственную безопасность, необходимо не только сохранить государственность, но и физическое выживание её населения. Обеспечить продовольственную безопасность — это главная цель стратегии устойчивого развития агропромышленных предприятий и основа устойчивого роста экономики в целом.

Для каждой страны продовольственная безопасность определяется по-разному — в зависимости от уровня экономического развития, а также климатических и географических условий. Первый и самый главный результат осуществления программы продовольственной безопасности, предусматриваемый концепцией создания сбалансированного сельхозпроизводства, рекомендованной Продовольственно-сельскохозяйственной корпорацией ООН (ФАО) ещё в 1992 г., — безопасность питания. За счёт правильного питания обеспечивается нормальный рост и развитие, достигается повышение работоспособности, снижение заболеваемости, продление жизни людей и создаются условия для успешной адаптации людей к окружающей среде в условиях ухудшающейся экологической ситуации. Реализация целей устойчивого социально-экономического развития во многом достигается решением проблем правильного питания. В соответствии с формулировкой ФАО, «продовольственная безопасность — это ситуация, при которой все люди всегда имеют физический и экономический доступ к безопасному и питательному продовольствию, в достаточном количестве для удовлетворения своих потребностей и предпочтений в еде, в объёмах, необходимых для активной здоровой жизни»³⁰.

В отличие от концепции ФАО соответствующий закон РФ определяет продовольственную безопасность как одно из «из основных направлений, обеспечивающих национальную безопасность страны в среднесрочной перспективе, фактор сохранения её государственности и суверенитета, важнейшую составляющую демографической политики, необходимое условие реализации стратегического национального приоритета — повышение качества жизни российских граждан путем гарантирования высоких стандартов жизнеобеспечения» [1].

Массовый, слабо контролируемый импорт продовольствия усиливает опасность поступления на отечественный рынок невостребованных в самих странах-импортерах, как правило, недоброкачественных, фальсифицированных, а нередко и вредных для здоровья продуктов питания. Поэтому особенно остро в последние годы стоит проблема безопасности продуктов питания для потребителей. Мы считаем, что сложившаяся ситуация может быть существенной угрозой здоровью нации.

Поэтому мы полагаем, что самообеспечение — это необходимое условие продовольственной безопасности страны, т. е. продовольственная независимость, заключающаяся в снабжении населения продуктами питания за счет отечественного производства. Продовольственная независимость является условием, которое обеспечивает продовольственную безопасность и при котором, если будут прекращены поставки продуктов питания из-за рубежа, не возникает чрезвычайная продовольственная ситуация.

Приведённые выше факты свидетельствуют в пользу комплексного изучения перспектив развития АПК России и выработки направлений агропродовольственной политики. Полагаем, что повышение уровня самообеспечения продовольствием будет способствовать устойчивому

³⁰ Римская Декларация по всемирной продовольственной безопасности (одобрена Комитетом по всемирной продовольственной безопасности при завершении его 22-й сессии 31 октября 1996 г. и на всемирной встрече на высшем уровне по проблемам продовольствия 13 ноября 1996 г. в Риме).

социально-экономическому развитию. Следовательно, показатель уровня самообеспечения возможно использовать как критерий устойчивости развития АПК и России.

Анализ теоретических и методологических подходов к устойчивости развития агропромышленных предприятий как субъекта экономики, а также практического опыта зарубежных стран по проведению стабилизационной политики показывает, что вряд ли возможно эффективно осуществлять стабилизацию работы агропромышленных предприятий без их структурной перестройки. Именно структурные сдвиги внутриотраслевого, межотраслевого, технико-технологического уровней совместно с реструктуризацией ресурсно-промышленного потенциала агропромышленных предприятий — это важные факторы, повышающие устойчивость их социально-экономического развития.

Следует отметить, что современный уровень ресурсообеспеченности агропромышленных предприятий не позволяет значительно повысить устойчивость их развития. Решение этой сложной задачи требует активной государственной поддержки, структурной перестройки с более глубокой интеграцией между поставщиками сырья и пищевыми предприятиями и новых подходов в решении вопросов привлечения инвестиций. Считаем, что она может быть решена в течение многих лет целенаправленной работы в рамках единой программы технического перевооружения, сбалансированной с программой развития сырьевой зоны.

Исходя из того, что продукция агропромышленных предприятий имеет тесную связь только с потребительским рынком, а объём и цены оказывают влияние на стоимость потребительской (продуктовой) корзины и, соответственно, оказывают влияние на прожиточный минимум, уровень развития агропромышленных предприятий можно отнести к одному из социальных индикаторов, характеризующих эффективность реформирования экономики региона.

Регионализация экономики и ориентация регионов на самообеспечение повысили роль и ответственность региональных органов управления за обеспечение комплексного социально-экономического развития региона.

Поэтому для исследования региональных аспектов развития и регулирования агропромышленных предприятий достаточным является административно-территориальный уровень регионального значения. Поскольку уже здесь идет осуществление полных циклов воспроизводства, связанных с трудовыми ресурсами, основными и оборотными фондами, частью национального богатства, денежным обращением, отношениями по поводу производства, распределения, обмена и потребления продукции, и уже на этом уровне в полной мере прослеживаются изменения всех экономических процессов, происходящих в отраслях продовольственного комплекса. При этом необходимо учитывать, что предприятия АПК на протяжении всего периода времени в большей степени выполняли роль, отводимую им рамками субъектов Федерации. Именно здесь происходит взаимодействие органов территориально-административного образования со структурами управления предприятий АПК.

Сложившаяся отраслевая структура агропромышленных предприятий региона и её изменение в перспективе затрагивает многие аспекты, требует комплексного подхода в целом и индивидуального к каждой отдельной отрасли, учёта системы факторов: природных, производственных, общеэкономических, социальных, демографических, институциональных преобразований и т. д.

Российскими учёными отмечается, что устойчивое развитие возможно, только если сконцентрировать имеющиеся ресурсы на прорывных направлениях формирования нового технологического уклада, декриминализовать рыночную среду и обеспечить добросовестную конкуренцию, многократно повысить инновационную и инвестиционную активность, кардинально улучшить качество государственного регулирования, стимулировать трудовую, творческую и предпринимательскую энергии людей [8]. Таким образом, источники экономического роста лежат в макроэкономической среде предприятий АПК, в совершенствовании государственной политики, в первую очередь агропромышленной и конкурентной, а также во внутренней среде самого предприятия.

Условия и предпосылки экономического роста в современных условиях заключаются [23]: в оптимальной отраслевой и региональной структуре; в смене технологических укладов; в инновационном предпринимательстве; в макроэкономической стабильности; в эффективности институциональной среды; в преодолении слабости рыночного механизма; в оптимальном

сочетании экспортно-ориентированных и ориентированных на внутренний рынок отраслей; в отлаженном механизме преодоления региональных диспропорций, который включает в себя программу освоения новых регионов, индустриализацию слаборазвитых регионов, развитие депрессивных регионов и густонаселённых регионов, характеризующихся высокой концентрацией; в рациональном размещении инвестиций, инноваций и повышении их эффективности; в эффективности антиинфляционной политики; в снижении степени искажения рынка; в согласованности развития отдельных рынков; в гибкости институциональных структур; в размерах государства и его эффективности; в структуре бюджетных расходов; в развитости финансовой системы; в преодолении институционального вакуума.

Исследование развития агропромышленных предприятий показало, что в условиях современности институциональные факторы экономического развития имеют важное значение, и, если параметры институциональных изменений будут соответствовать темпам рыночных преобразований, формирование экономических институтов в России может оказать положительное влияние на экономическое развитие. Институты принимают участие в формировании моделей поведения экономических субъектов, мультиплицируя положительные и отрицательные ожидания экономической конъюнктуры. В конечном счёте, положительные ожидания институциональных изменений способствуют формированию основы устойчивого развития.

Следует отметить и несогласованность институциональных реформ в России. Это относится, например, к необоснованному завышению роли конкурентной государственной политики, которая направлена на то, чтобы создавать и поддерживать условия конкуренции, в отличие от агропромышленной политики. Такая комбинация не имеет соответствия с современным этапом развития экономической науки и практики. На сегодняшний день мировое сообщество придерживается аргументированной позиции о взаимодополняемости конкурентной и агропромышленной политики, особенно в отношении обеспечения экономического роста на базе инноваций [24].

Государственное невмешательство следует применять только при системе полных и совершенных рынков. Российская действительность характеризуется многочисленными дефектами рынка (монополиями, монополиями, барьерами входа-выхода и т. д.) Поэтому государственное вмешательство в тактических целях в российских условиях — это способ реструктуризации имеющихся ограничений развития рынка. Государственные инвестиции в инфраструктуру — это важное и эффективное направление госрасходов.

Устойчивое социально-экономическое развитие во многом определяется условиями для роста малого бизнеса. Однако в процессе проведения глубокого анализа выяснилось, что невыгодно становление малого предпринимательства для этих институтов, и нет соответствующего желания ему способствовать. Результатом стал уход малого предпринимательства, лишённого предсказуемых рамочных условий, в своей значительной части в тень. Главная причина, которая способствовала тому, что малое предпринимательство выбрало нелегальные формы ведения деятельности, заключается в административных барьерах. Эти факторы привели к возникновению в России весьма специфичной структуры транзакционных издержек. Появились их новые формы, которые налаживают особые взаимоотношения с властными структурами. Транзакционные издержки такого рода имеют тенденцию быстро возрастать в отраслях малого предпринимательства.

Несмотря на то что были приложены усилия институционального характера, условия для того, чтобы малое предпринимательство устойчиво развивалось, не сформировались. Это связано с тем, что трансформация социально-экономической системы ещё не завершена. Для того чтобы малое предпринимательство могло выполнять свои функции, необходимо преодоление институционального противоречия между государственностью и малым предпринимательством. Таким образом, основные институциональные факторы экономического развития отрасли состоят из создания эффективных собственников, обеспечения приоритетного развития малого бизнеса, государственного стимулирования его развития, создания равных условий конкуренции.

Напрямую связаны с государственной политикой и социальные факторы в части увеличения доходов населения, роста занятости. Средний (основной) класс так и не сформировался. Численность населения, которая находится за чертой бедности, достаточно высока, резко диф-

ференцирована по регионам России.

Повышение уровня жизни населения должно стать приоритетом государственной экономической политики на федеральном и региональном уровнях, поскольку это сформирует стабильную категорию потребителей и позволит агропромышленным предприятиям добиться более высоких темпов экономического роста.

Считаем, что главным источником устойчивого развития является его инновационно-инвестиционная составляющая. Российские предприятия АПК слабо мотивированы к инновационному развитию, что не всегда связано с недостатком инвестиций. Уход государства из экономики привёл большую часть агропромышленных предприятий к банкротству, уничтожив целые отрасли, либо к выживанию, поскольку за последние 15 лет не было государственного инвестирования, а собственные ресурсы обладали ограниченными возможностями для инновационного развития.

В этих условиях предприятия могли рассчитывать только на собственные инвестиционные ресурсы и заемные средства, а также смело сливаться с крупными фирмами, которые были бы способны реконструировать предприятие и дать ему возможность развиваться по восходящей спирали.

Необходимо активизировать инвестиционную политику государства, включая восстановление бюджета развития и института государственных гарантий, для того чтобы привлечь кредиты для финансирования приоритетных инвестиционных проектов, возложив функции его исполнения на Банк развития. На микроуровне, кредитуя такие проекты и социально значимые виды деятельности, можно расширить конкурентоспособные и перспективные производства.

Результаты. Исследованием выявлено, что в течение последних лет сформированы внутренние источники и механизмы развития агропромышленных предприятий, которые связаны с относительной макроэкономической стабильностью и расширением внутреннего конечного спроса. С учетом того, что совокупное воздействие этих источников является незначительным, становится всё более актуальным переход от экстенсивной модели к интенсивной модели развития экономики, а далее — и к инновационной, что приведёт к резкому увеличению роли инновационных и инвестиционных факторов в обеспечении динамичного развития экономики. Традиционно долгосрочными факторами экономической динамики являются первичные ресурсы, труд, капитал и технологический прогресс. Таким образом, следует ориентироваться больше на фундаментальные факторы развития, чем на конъюнктурные факторы.

Выводы. В длительной перспективе невозможно добиться устойчивого развития российских промышленных предприятий, без того чтобы обеспечить высокий уровень их конкурентоспособности. Как следствие этого, благодаря высокому уровню экономической устойчивости агропромышленных предприятий будет обеспечиваться качественное развитие конкурентного потенциала предприятий агропромышленного комплекса. Согласно исследованиям, источниками устойчивого развития агропромышленных предприятий России являются социально-экономические, технико-технологические, организационные, экологические факторы в тесном единстве, способствующие формированию заданного уровня устойчивости. И если каждая из этих составляющих не противоречит другой, то показатель устойчивости отрасли достигнет своего максимального значения.

Литература

1. Указ Президента РФ от 30 января 2010 г. № 120 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» // *Российская газета*. № 5100 (21) от 3 февраля 2010 г.
2. Анохин, С. Н. *Основы экономической устойчивости промышленных предприятий в рыночной экономике*. — Саратов : СГТУ, 2000. С. 7.
3. Афанасьев, В. Н. *Статистическое обеспечение проблемы устойчивости сельскохозяйственного производства*. — М. : Финансы и статистика, 1996.
4. Афанасьев, В. Н., Юзбашев, М. М. *Анализ временных рядов и прогнозирование*. — М. : Финансы и статистика, 2001. С.134.
5. Балабанов, И. Т. *Анализ и планирование деятельности хозяйствующего субъекта*. — М. : Финансы и статистика, 1994. С.16.
6. *Большой экономический словарь* ; под ред. А.Н. Азрилияна. — М. : Фонд «Правовая культура», 1994. С. 439.
7. Гасанов, М. А. *Материально-техническая база как основа устойчивого развития агропроизводства в регионе* / Гасанов М.А., Курбанов К.К. // *Региональные проблемы преобразования экономики*. 2013. № 2.

- С. 187–193.
8. Глазьев, С. О стратегии экономического развития России // Вопросы экономики. 2007. № 5. С. 20–51.
  9. Динес, В. А., Ларин, В. М., Лоскутов, Р. Ю., Яшин, Н. С. Конкурентоспособность и экономическая устойчивость промышленного предприятия. — Саратов : СГСЭУ, 1999. С. 160.
  10. Дохолян, С. В. Системный подход к организации и управлению производством на предприятиях в условиях рынка / С.В. Дохолян, Э.А. Дадашева // Региональные проблемы преобразования экономики. 2008. № 1. С. 76–86.
  11. Дохолян, С. В. Стратегические направления устойчивого высокоэффективного аграрного производства / С.В. Дохолян, Д.Г. Эмиргамзаев // Региональные проблемы преобразования экономики. 2012. № 3. С. 168–185.
  12. Дохолян, С. В. Экономическая устойчивость агропромышленного предприятия: сущность и факторы / С.В. Дохолян, М.Э. Магомедова // Региональные проблемы преобразования экономики. 2011. № 3. С. 169–191.
  13. Ерохина, Е. Л. Развитие национальной экономики : системно-самоорганизационный подход. — Томск : Изд-во Томского ун-та, 1999. С. 19.
  14. Загайтов, И. Б., Половинкин, П. Д. Экономические проблемы повышения устойчивости сельскохозяйственного производства. — М. : Экономика, 1984. С. 7.
  15. Зубанов, Н. В., Пестриков, С. В. Анализ устойчивости функционирования экономических систем относительно поставленных целей. — Самара: Изд-во Самарского гос. технического ун-та, 1999.
  16. Иванов, С. А. Системное управление факторами внешней среды как основа устойчивого развития малого предпринимательства. — СПб., 2000. С. 26.
  17. Ковалёв, В. В. Финансовый анализ ; Управление капиталом ; Выбор инвестиций ; Анализ отчётности. — М. : Финансы и статистика, 2000.
  18. Кузьмин, С. Сдвиги и проблемы в социально-экономическом развитии России // Экономист. 2002. № 7. С. 34–35.
  19. Пруцак, О. В. Устойчивое развитие продовольственного комплекса региона : теория, проблемы, методы. — Саратов : СГСЭУ, 2003. С. 58–59.
  20. Путь в XXI век : стратегические проблемы и перспективы российской экономики. — М. : ОАО «Издательство «Экономика», 1999. С. 168.
  21. Режабек, Е. Я. Становление понятия организации. — Ростов н/Д, 1991. С. 8.
  22. Родионова, В. М., Федотова, М. А. Финансовая устойчивость предприятия в условиях инфляции. — М. : Перспектива, 1995. С. 8.
  23. Слуцкер, В. И. Факторы эффективного экономического роста. — Саратов : Изд-во СГСЭУ, 2005.
  24. Узяков, М. Н. Трансформация российской экономики, возможности экономического роста. — М. : ИСЭПН, 2001.
  25. Управленческий учет ; под ред. А.Д. Шеремета. — М. : ИД ФБК-ПРЕСС, 2000. С. 160–173.
  26. Эминова, Э. М. Формирование системы разработки стратегических решений по повышению конкурентоспособности предприятий АПК / С.В. Дохолян, Э.М. Эминова // Экономика и предпринимательство. 2015. № 2. С. 857–864.
  27. Юзбашев, М. М., Манелля, А. И. Статистический анализ тенденций и колеблемости. — М. : Финансы и статистика, 1983.

References:

1. The presidential decree of January 30, 2010 № 120 On approval of the Doc-doctrine of food security of the Russian Federation // Rossiyskaya Gazeta. No. 5100 (21) of February 3, 2010
2. Anokhin, S. N. Foundations of economic sustainability of industrial enterprises in a market economy. — Saratov : SSTU, 2000. P. 7.
3. Afanasiev, V. N. Statistical support for issues of sustainable agricultural production. — M. : Finance and statistics, 1996.
4. Afanas'ev, V. N., Yuzbashev, M. time series Analysis and forecasting. — M. : finances and statistics, 2001. P. 134.
5. Balabanov, I. T. Analysis and planning activities of the business entity. — M. : Finance and statistics, 1994. С. 16.
6. Big economic dictionary ; ed. Apriliana. — M. : Fund Legal culture," 1994. S. 439.
7. Hasanov, M. A. the Material and technical base as the basis for sustainable development of agricultural production in the region / Gasanov M. A., Kurbanov K. K. // Regional problems of transformation of the economy. 2013. No. 2. P. 187-193.
8. Glazyev S. the strategy Of economic development of Russia // economy Questions. 2007. No. 5. S. 20-51.
9. Dines, V. A., Larin, V. M. Loskutov, R. Yu., Yashin, N. C. Competitiveness and economic sustainability of industrial enterprises. — Saratov : SGSEU, 1999. P.160.
10. The dokholyan, S. V. System approach to the organization and management of production enterprises in market conditions / S. V. Dokholyan, E. A. Dadashov // Regional problems of transformation of the economy. 2008. No. 1. P. 76-86.
11. The dokholyan, S. V. Strategic directions of sustainable high-efficient agricultural production / S. V. Dokholyan, D. G. Amurgushev // Regional problems of transformation of the economy. 2012. No. 3. S. 168-185.
12. The dokholyan, S. V. Economic sustainability of agricultural enterprises: the essence and factors / Dokholyan S. V., Magomedova M. E. // Regional problems of transformation of the economy. 2011. No. 3. P. 169–191.
13. Erokhina, E. L. Development of the national economy : systematic self-organization approach. — Tomsk :

Publishing house of Tomsk University, 1999. C. 19.

14. Zagaitov, I. B., Polovkin, P. D. *Economic problems of increase of stability of agricultural production.* — M. : Economics, 1984. P.7.

15. Zubanov, N. V., Pestrikov S. V. *Analysis of stability of functioning of economic systems relative to goals.* — Samara: publishing house of Samara state technical University, 1999.

16. Ivanov, S. A. *Systematic management of environmental factors as a basis for sustainable development of small business.* — SPb., 2000. S. 26.

17. Kovalev, V. V. *Financial analysis ; Managing capital ; Choosing investments ; Analysis reporting.* — M. : finances and statistics, 2000.

18. Kuzmin, S. *Developments and challenges in the socio-economic development of Russia // the Economist.* 2002. No. 7. S. 34-35.

19. Prusak, O. V. *Sustainable development of food complex of the region : theory, problems, methods.* — Saratov : SGSEU, 2003. P. 58-59.

20. *The way to XXI century : strategic problems and perspectives of the Russian economy.* — M. : JSC Publishing house Economy, 1999. P.168.

21. Rezabek, E. J. *the Development of the concept of organization.* — Rostov n/D, 1991. P.8.

22. Rodionova V. M., Fedotova M. A. *Financial stability of the enterprise in terms of inflation.* — M. : Perspective, 1995. P. 8.

23. Slutsker, V. I. *the effective Factors of economic growth.* — Saratov : Publishing house SGSEU, 2005.

24. Uzyakov, M. N. *Transformation of the Russian economy, the opportunities for economic growth.* — M. : isepn, 2001.

25. *Management accounting ; under the editorship of A. D. Sheremet.* — M. : publishing house FBK-PRESS, 2000. S. 160–173.

26. Eminova, E. M. *the development system, strategic decisions to improve the competitiveness of agricultural enterprises / S. V. Dokholyan, E. M. Eminova // Economics and entrepreneurship.* 2015. No. 2. P. 857-864.

27. Yuzbashev, M. M., Manella, A. I. *a Statistical analysis of trends and variability.* — M. : Finance and statistics, 1983.

УДК: 338.43

КУРБАНОВ КАЗБЕК КЕРИМОВИЧ

к.э.н., заведующий отделом ФГБУН «Институт социально-экономических исследований»
ДНЦ РАН, e-mail: kkurbanov@mail.ru

ДЖАБРАИЛОВ РОМАН АЛЕСКЕРОВИЧ

к.э.н., заведующий кафедрой «Гуманитарные дисциплины»
Дербентского филиала ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный педагогический университет», e-mail: romana994@mail.ru

МАХМУДОВ МУРАД КЕРИМОВИЧ

старший преподаватель Дербентского филиала ФГБОУ ВО
«Дагестанский государственный университет», e-mail: romana994@mail.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕСУРСНОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНАЛЬНОГО АПК ПРИ РЕШЕНИИ ЗАДАЧ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ¹

Цель работы. Определить приоритеты в развитии АПК и сельского хозяйства региона в условиях обострения проблемы продовольственной безопасности, международных санкций и необходимости импортозамещения. **Метод проведения работы.** Проведен анализ тенденций развития агропродовольственного комплекса страны начиная с 1990-х годов. Проведен статистический анализ изменений, происшедших в сельском хозяйстве, пищевой и перерабатывающей промышленности Республики Дагестан. **Результаты работы.** Изложены основные проблемы, сдерживающие эффективное развитие АПК региона, и обозначены основные мероприятия, предусмотренные приоритетным проектом развития Республики Дагестан «Эффективный АПК», которые позволят существенно увеличить объемы и улучшить качество производимой сельскохозяйственной продукции, обеспечить ее хранение и переработку, снизить напряженность с занятостью населения. Это в свою очередь поможет укрепить продовольственную безопасность региона и позволит успешнее решить проблему импортозамещения в условиях антиросийских санкций США и Евросоюза. **Область применения результатов.** Результаты проведенного исследования могут быть использованы органами региональной власти в целях существенного повышения эффективности управления агропроизводственной сферой в тесной связи с промышленной политикой, а также учреждения фонда содействия государственно-частного партнерства для формирования и развития научно-производственных, инновационных агропромышленных кластеров в регионе. **Выводы.** Повышение требований к качеству конечного продукта АПК выдвигают в раздел первостепенных — взаимоотношения между сельским хозяйством и отраслями, в которых осуществляется его промышленная переработка и сбыт. Допущены значительные перекосы в структурной и инвестиционной политике, что привело к серьезным нарушениям пропорциональности и сбалансированности между сферами и отраслями АПК региона. Недостаточное развитие перерабатывающих отраслей, производственной инфраструктуры комплекса и системы реализации приводят к огромным потерям продукции сельского хозяйства. Именно здесь следует искать немало нерешенных проблем и реальные резервы увеличения продовольственных ресурсов в условиях импортозамещения.

Ключевые слова: АПК, регион, импортозамещение, структурная и инвестиционная политика.

KURBANOV KAZBEK KERIMOVICH

Candidate of Economic Sciences, Head of Division of FSBIS "Institute of Social-Economic Studies"
of DSC of the RAS, e-mail: kkurbanov@mail.ru

JABRAILOV ROMAN ALESKEROVICH

Candidate of Economic Sciences, Head of the Department of "Humanitarian Disciplines" of Dербент Branch of FSBEI of HE "Dagestan State Pedagogical University",
e-mail: romana994@mail.ru

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 16-02-00374а).

MAKHMODOV MOORAD KERIMOVICH
Senior Lecturer of Derbent Branch of FSBEI of HE "Dagestan State University",
e-mail: romana994@mail.ru

USING THE RESOURCE POTENTIAL OF THE REGIONAL AIC WHEN SOLVING THE TASKS OF IMPORT SUBSTITUTION

The goal of the paper. Determine priorities in the development of the AIC and the agriculture of the region in the conditions of aggravating the problem of food security, international sanctions and the need for import substitution. *The method of performing the work.* An analysis has been performed of tendencies of development of the agrofood complex of the country starting from the 1990s. A statistical analysis has been performed of changes that took place in the agriculture, food and processing industry of the Republic of Dagestan. *The results of the work performed.* The main problems have been described explaining the limitations for the effective development of the AIC, and the main arrangements have been specified that are provided for by the priority project of development of the Republic of Dagestan "Effective AIC" that will allow to significantly increase the volumes and improve the quality of the produced agricultural products, provide for their storage and processing, decrease the difficulties related to the employment of the population. This, in turn, will assist in strengthening the food security of the region, and will allow to be more successful in resolving the problem of import substitution in the conditions of anti-Russian sanctions of the USA and the European Union. *The area of application of the results.* The results of the study performed may be used by the authorities of the regional government in order to significantly increase the effectiveness of management of the agro-industrial sphere in the close connection with the industrial policy, as well as for establishment of a fund of assistance of state-private partnership to form and develop research and industrial, innovative, agro-industrial clusters in the region. *Conclusions.* Increase of requirements for the quality of the final product of the AIC is put forward as the most important - the relationship between agriculture and industries where its industrial processing and selling are performed. Significant imbalances in the structural and investment policy have been made which led to serious violations of the proportion and balance between the spheres and industries of the AIC of the region. Inadequate development of processing industries, the manufacturing infrastructure of the complex and the system of selling lead to large losses of agricultural products. That is exactly where there are quite a few unresolved problems and real reserves of increasing food resources in the conditions of import substitution.

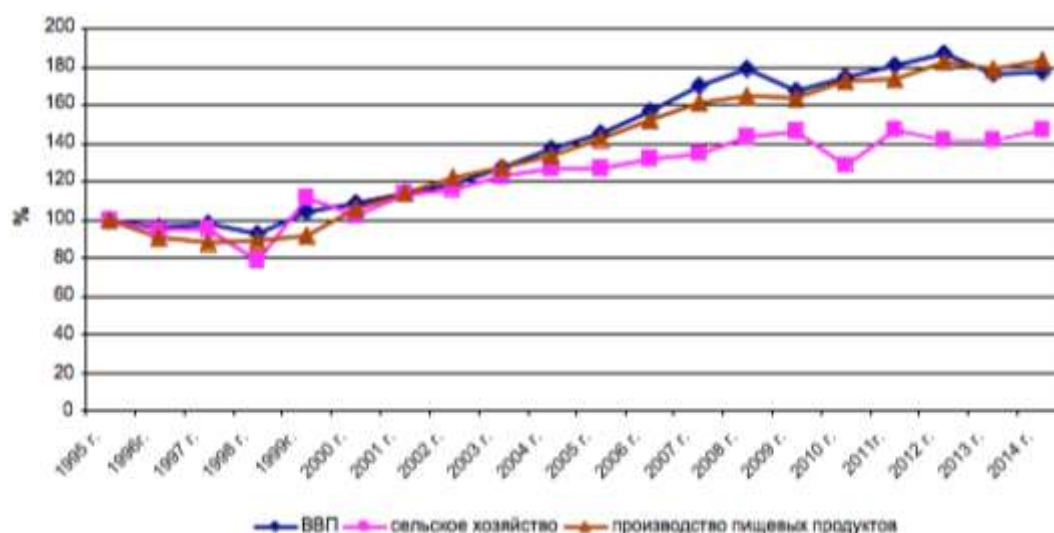
Keywords: the AIC, a region, import substitution, a structural and investment policy.

Введение. Развитие современного агропродовольственного комплекса России на всех уровнях управления экономикой сегодня рассматривается в контексте импортозамещения в связи с введением санкций относительно России и ответных мер российского Правительства в виде запрета на ввоз сельскохозяйственного сырья и ряда продовольственных товаров на территорию России. В настоящее время на всех уровнях управления агропродовольственным комплексом обсуждается проблема импортозамещения. Новый этап в развитии агропродовольственного комплекса связан с усилением мер государственной поддержки: на правительственном уровне принят ряд законодательных актов, свидетельствующих о возрождении внимания к аграрному сектору и проблемам продовольственного обеспечения.

Методы исследования. Проведенный анализ тенденций развития агропродовольственного комплекса страны начиная с 1990-х годов свидетельствует о том, что «восстановительный» этап продовольственной системы начался только после 1998 года, когда под влиянием мирового финансового кризиса и обвала рубля импортозамещение в определенной мере дало толчок развитию пищевой промышленности России и, соответственно, сельского хозяйства. Именно в этот период (1998–2008 годы) наблюдались сравнительно высокие темпы роста валовой продукции сельского хозяйства, но в последующие годы они стали снижаться (рис. 1.).

Таким образом, в результате дефолта 1998 года российские товаропроизводители получили ценовые конкурентные преимущества по сравнению с импортерами. Потребительский спрос переключился на отечественные продукты, что послужило толчком к дальнейшему развитию. По итогам 2008 года по многим видам продуктов питания объемы производства приблизились к уровню эталонного 1990 года, когда были достигнуты наилучшие показатели в развитии отечественного АПК.

Рис. 1. Темпы роста ВВП, пищевой промышленности и сельского хозяйства России, % к 1995 году [6].

Однако после 2008 года динамика сельскохозяйственного производства в целом стала приобретать неустойчивый характер, а уровень самообеспечения по основным продовольственным товарам свидетельствует о значительном снижении и увеличении доли импорта. В этой связи проблема продовольственной независимости впервые была зафиксирована на правительственном уровне, и в 2010 году была принята Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации, предусматривающая пороговые значения уровня самообеспечения, не соблюдение которых требует принятия соответствующих правительственных мер.

Одной из проблем решения негативных тенденций на продовольственном рынке страны является отставание темпов роста производства сельскохозяйственного сырья от темпов роста пищевой промышленности. Следствием слабости сырьевой базы стало усиление зависимости продовольственной системы от конъюнктуры мирового рынка и проводимой таможенно-тарифной политики. Особенно значим этот фактор для мясной и молочной промышленности России. Темпы прироста пищевой продукции в основном удовлетворяли платежеспособный спрос населения, однако в значительной мере они поддерживались за счет ее производства из импортного сырья.

В результате стабильность рынка обеспечивалась преимущественно благодаря высокой доле на нем импорта основных видов продовольствия — мяса и мясопродуктов, молочных продуктов, а также овощей и плодов, сахара, растительного масла и некоторых других. Причем по отдельным продуктам продовольственная независимость нарушена в значительно большей мере (говядина, масло животное, сыры, сухое молоко и сливки) (см. табл. 1).

Таблица 1

Доля импорта в ресурсах продовольственных товаров России, %* [6].

Наименование продуктов	2008 год	2010 год	2014 год
Говядина	59,4	61,8	59,7
Свинина	56,4	37,8	17,4
Мясо птицы	33,3	17,8	10,0
Масло животное	34,1	30,6	35,9
Сыры	44,1	47,5	40,7
Молоко и сливки сухие	30,0	59,9	47,3
Растительные масла	31,2	23,3	14,7

* Рассчитано по данным: Статистические бюллетени «Балансы товарных ресурсов отдельных товаров (видов продукции)» за соответствующие годы. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1264687799516.

Возрастающие объемы переработки сельскохозяйственного сырья, повышение требований к качеству конечного продукта выдвигают в раздел первостепенных — взаимоотношения между сельским хозяйством и отраслями, в которых осуществляется его промышленная переработка и сбыт.

В прошлые годы в стране и ее регионах были допущены значительные перекосы в структурной и инвестиционной политике, что привело к серьезным нарушениям пропорциональности и сбалансированности между сферами и отраслями АПК. Недостаточное развитие перерабатывающих отраслей, производственной инфраструктуры комплекса и системы реализации приводят к огромным потерям продукции сельского хозяйства. Именно здесь следует искать немало нерешенных проблем и реальные резервы увеличения продовольственных ресурсов.

Во многих регионах не хватает мощностей по переработке и хранению сельскохозяйственной продукции, они нерационально размещены по территории, их технический уровень не всегда соответствует современным требованиям, не до конца отработаны вопросы сбыта сельскохозяйственной продукции. В результате населению в переработанном виде реализуется менее 50 % произведенной сельскохозяйственной продукции, в то время как в странах Европы этот показатель достигает 90 %. Причем в этих странах из одного и того же количества сельскохозяйственного сырья получают в 3 раза больше конечной продукции.

Выпуск качественной продукции, удовлетворяющей запросам потребителей по структуре и цене, снижение объемов импорта на деле должны стать важными задачами экономического развития современной России. Следует всерьез задействовать имеющиеся в стране и в ее регионах потенциальные ресурсы импортозамещения.

Импортозамещение представляет собой такой тип экономической стратегии и агропромышленной политики государства, который направлен на защиту внутреннего производителя путем замещения импортируемого продовольствия и сельскохозяйственного сырья товарами собственного внутреннего производства.

К решению задачи импортозамещения следует подходить комплексно, учитывая все факторы и особенности страны, а также современные тенденции международного разделения труда. Необходима продуманная, научно обоснованная программа по замещению импортного продовольствия, в которой должен доминировать экономический, а не политический аспект. Сегодня, к сожалению, чаще наблюдается обратная ситуация.

Вместе с тем определенные достижения в развитии собственного производства имеются. По целому ряду продуктов питания Россия сейчас полностью обеспечена внутренним производством — это мука, макаронные изделия, сахар. Мясо птицы уже несколько лет почти не завозится благодаря развитию собственного птицеводства. По некоторым позициям еще есть возможности для импортозамещения, но в целом внутреннее производство уже обеспечивает потребности страны практически на 85 % по растительному маслу, мясным консервам, кондитерским изделиям.

Регионы России в силу своих природных и других потенциальных возможностей должны занять свое место в решении продовольственной проблемы по объемным, качественным и ценовым показателям. Особая роль отводится Южному и Северо-Кавказскому федеральным округам страны. Сегодня Республика Дагестан как один из крупнейших регионов Северного Кавказа с развитым сельским хозяйством и перерабатывающей промышленностью занимает особое место в обеспечении продовольственной безопасности страны.

Агропромышленный комплекс Дагестана занимает особое место в жизнеобеспечении республики и по ряду других условий. В сельской местности республики проживает 55 % населения (в целом по России 27 %), оно фактически является системообразующим, определяющим в значительной степени состояние всего народного хозяйства и социально-экономический уровень подавляющей части населения. По данным Минсельхозпрода РД, объем валовой продукции сельского хозяйства республики составил в 2014 году 86,5 млрд руб. В республике производится около 1300 тыс. тонн овощей, более 137 тыс. тонн винограда (это около 36 % винограда от общего производства по России), около 360 тыс. тонн картофеля. По численности поголовья овец республика, по данным за 2015 год, занимает 1-е место (более 5,1 млн голов), КРС — 3-е место (около 1,0 млн голов) в Российской Федерации [1]. Несмотря на хорошие макроэкономические показатели, в агропромышленном комплексе республики остается

много проблем и неиспользованных резервов.

Катастрофически снизился потенциал плодородия земель Дагестана: развитие деградационных процессов, среди которых доминирует водная эрозия (14 % пашни), засоление почв (58,7 % пахотных земель), опустынивание (1,5 млн га сельхозугодий Черных земель и Кизлярских пастбищ), ухудшение агрохимического состояния почв (объемы применения минеральных удобрений в расчете на 1 га сократилось в 8 раз). Все это вызывает серьезную озабоченность.

Неразвитость рынка средств производства препятствует эффективному, сбалансированному развитию всего АПК. Техническая оснащенность сельскохозяйственного производства в 8–10 раз отстает от ведущих аграрных регионов страны. Потребность в оборудовании для отраслей промышленности, перерабатывающих сельскохозяйственное сырье, удовлетворяется лишь наполовину, степень износа оборудования достигает критических значений в 70 % и выше.

Низка эффективность использования земель сельскохозяйственного назначения, далеко не все участки используются по своему прямому назначению, велики объемы «брошенных земель».

Исходя из этого необходимо создать и привести в действие весь арсенал методов нормативно-правового регулирования эффективного и целевого использования земель в предприятиях различных форм хозяйствования, требуется выявление сдерживающих факторов и разработка мер по их преодолению [2].

Так, для дальнейшего развития отрасли растениеводства в Республике Дагестан в условиях импортозамещения следует: организовать на высоком уровне семеноводство и селекцию с созданием страхового фонда элитных семян; увеличить посевную площадь многолетних трав для улучшения плодородия почв и получения полноценных кормов; развивать систему страхования урожая; повысить эффективность использования орошаемых земель при государственной поддержке мелиоративных мероприятий; расширить сети МТС за счет средств республиканского бюджета, направляемых на лизинговые цели.

Для эффективного развития животноводства в регионе необходимо: восстановить работу селекционно-племенного центра искусственного осеменения с целью обеспечения сельскохозяйственных предприятий необходимыми племенными ресурсами; наладить в районах работу заготовительных организаций по забою и переработке; уделить внимание повышению кормоёмкости естественных кормовых угодий, создавать устойчивую кормовую и комбикормовую базу для развития высокоэффективного животноводства; обеспечить строгий контроль за соблюдением землепользователями сроков содержания овцепоголовья на зимних пастбищах.

Большое значение в республике придается развитию таких исторически традиционных и приоритетных отраслей сельского хозяйства, как садоводство и виноградарство. В Дагестане 2015 год был объявлен годом садоводства. Главными задачами для развития этих отраслей являются:

– разработка и внедрение стандартов на новые промышленные технологии производства винограда, плодов и ягод с учетом направления использования сырья, микрорайонирования в условиях индустриализации отрасли;

– внедрение научно-обоснованной системы ведения питомниководства плодовых, ягодных культур и винограда. Оказание прямой государственной поддержки в виде целевого финансирования для реализации проекта по созданию научных центров, питомников по производству сертифицированного посадочного материала;

– создание проектов закладки садов и насаждений винограда с учетом тщательного подбора адаптивного сортифта, способного эффективно использовать существующий экологический потенциал территории республики.

За последние годы пищевая и перерабатывающая промышленность начала наращивать темпы роста объемов производства основных видов продуктов питания. Такая динамика наблюдается в таблице 2.

Динамика развития пищевой и перерабатывающей промышленности Республики Дагестан* [1].

Показатели	2010	2011	2012	2013	2014	2014 год в % к 2010 году
Мясо (вкл. субпр-ты I кат.), тыс. тонн	2,7	5,2	4,7	5,2	5,6	207,4
Колбасные изделия, тонн	888,7	839,3	839,3	1169,0	1272,0	143,1
Консервы (пресервы) рыбные, туб	55,0	35,0	30,0	22,9	7,35	13,4
Флодоовощные консервы, муб	33,4	33,4	50,4	57,9	68,3	204,5
Цельномолочная продукция, тыс. тонн	23,9	24,1	19,8	20,1	21,04	88,0
Мука, тыс. тонн	8,7	9,6	2,2	1,7	1,2	13,8
Хлеб и хлебобулочные изделия, тыс. тонн	206,8	208,4	208,0	208,1	208,8	100,1
Кондитерские изделия, тыс. тонн	11,1	15,2	15,3	15,9	17,0	153,1
Безалкогольные напитки, тыс. дкл	6973,0	6727,5	9829,3	10221	12375	177,5
Воды минеральные, тыс. полудит.	85600	84800	94300	106900	107800	125,9
Спирт этиловый, тыс. дкл	5,7	-	-	-	-	-
Водка и ликероводочные изделия, тыс. дкл	42,8	55,3	29,1	56,0	51,5	120,3
Коньяки, тыс. дкл	1830	1647,7	1649,7	1532,0	1250,5	68,3
Вина виноградные, тыс. дкл	361,8	134,6	221,7	185,0	257,5	71,2
Вина шампанские и игристые, тыс. дкл	2649,4	2641,8	2277,6	2300,0	2235,7	84,4

* Рассчитано по данным Минсельхозпрода РД. Буклет «Показатели финансово-хозяйственной деятельности сельскохозяйственных предприятий за 2014 год». Махачкала. 2015 год.

Результаты. Для дальнейшего развития пищевой и перерабатывающей промышленности необходимо: создание условий для широкого привлечения частных инвестиций на региональном уровне; формирование интегрированных агропромышленных структур; обеспечение технического перевооружения и модернизации предприятий АПК.

Выводы. Современные темпы развития сельского хозяйства в регионе и осуществление мероприятий, предусмотренных приоритетным проектом развития Республики Дагестан «Эффективный АПК», наряду с вовлечением в сельскохозяйственный оборот неиспользуемых земель позволит существенно увеличить объемы и улучшить качество производимой сельскохозяйственной продукции, обеспечить ее хранение и переработку, снизить напряженность с занятостью населения. Это в свою очередь укрепит продовольственную безопасность региона и позволит более успешно решить проблему импортозамещения в условиях антироссийских санкций США и Евросоюза.

Литература

1. Буклет «Показатели финансово-хозяйственной деятельности сельскохозяйственных предприятий за 2014 год». Министерство сельского хозяйства и продовольствия РД. Махачкала. — 2015 г.
2. Велибекова Л. А. Основные направления повышения эффективности функционирования агропромышленного комплекса Республики Дагестан // Экономика и управление: анализ тенденций и перспектив развития. — № 17. 2014.
3. Гасанов М. А., Курбанов К. К. Материально-техническая база как основа устойчивого развития агропроизводства в регионе // Региональные проблемы преобразования экономики. — 2013. — № 2 (36). — С. 187–193.
4. Дохолян С. В., Петросянц В. З., Садыкова А. М. Оптимизация структурных сдвигов в экономике с использованием логистики // Региональные проблемы преобразования экономики. — 2008. — № 2. — С. 9–18.
5. Дохолян С. В., Умавов Ю. Д. Развитие ресурсного потенциала агропромышленного комплекса в системе регионального воспроизводства // Региональные проблемы преобразования экономики. — 2011. — № 4. — С. 135–159.
6. Киреева Н., Сухорукова А. Импортозамещение как стратегия достижения продовольственной безопасности России: проблемы, пути решения // Международный сельскохозяйственный журнал. — №

4. — 2015.
7. Косенко С. Г., Поличкина Е. Н. Проблемы импортозамещения: региональный аспект // *Фундаментальные исследования*. — 2015. — № 2–8. — С. 1744–1750.
8. Курбанов К. К. Агротаркетинг и рационализация структуры производства сельскохозяйственного предприятия // *Вопросы структуризации экономики*. — 2008. — Т. 1. — № 3. — С. 28–29.
9. Курбанов К. К. Агропроизводство Республики Дагестан // *Экономика сельского хозяйства России*. — 2007. № 10. — С. 39.
10. Курбанов К. К. Отраслевая структура и специализация АПК Дагестана // *Экономика сельского хозяйства России*. — 2008. — № 6. — С. 76–80.
11. Курбанов К. К., Петросянц В. З. Диспропорции в АПК Северо-Кавказского федерального округа и их влияние на экономику сельских территорий // *Региональные проблемы преобразования экономики*. — 2014. — № 8 (46). — С. 107–112.
12. Курбанов К. К., Юнусов М. А. Территориально-отраслевая структура и формирование трудового потенциала села // *Апробация*. — 2014. — № 7. — С. 69–70.
13. Петросянц В. З., Баширова А. А., Кидирниязова А. Д. Инновационный аспект развития АПК проблемного региона // *Региональные проблемы преобразования экономики*. — 2014. — № 6 (44). — С. 97–101.
14. Петросянц В. З., Дохолян С. В. Прогностические оценки и сценарные варианты регионального развития // *Региональная экономика: теория и практика*. — 2011. — № 27. — С. 2–10.
15. Петросянц В. З., Курбанов К. К., Абдуллаева И. М. Системная организация эффективной деятельности регионального АПК // *Региональные проблемы преобразования экономики*. — 2007. — № 1. — С. 51–55.
16. *Россия в цифрах. 2014: краткий статистический сборник / Росстат*. М., 2015. 558 с.
17. Юнусова П. С., Дохолян С. В., Ибаев Р. К., Исхаков Ф. Р. Продовольственный рынок региона: теория и практика. — Махачкала: ИСЭИ ДНЦ РАН, 2010.
18. Reimund D. A. *Farming and agribusiness activities of large multi-unit firms*. USDA. Washington. 1975.
19. Robert E. Brenson, Douglas G. Norwell. *Agricultural Marketing*. Iowa University Press, 1991.
20. Telberg Val G. *Russian-English Glossary of Economic and Trade Terms*. By V. G. Telberg, 2-d edition. New York: Telberg Book Corp., 1965.

References:

1. Leaflet «Indicators of financial and economic activities of agricultural enterprises in 2014». Ministry of Agriculture and Food RD. Makhachkala. 2015
2. Velibekova L. A. Basic directions of increase of efficiency of functioning of agriculture of the Republic of Dagestan // *Economy and Management: analysis of trends and prospects for development*. No. 17. 2014.
3. Hasanov M. A. Kurbanov K.K. Material and technical base as a basis for sustainable development of agricultural production in the region // *Regional problems of economic transformation*. 2013. No. 2 (36). S. 187–193.
4. Dokholyan S. V., Petrosyants V. Z., Sadykov A. M. Optimization of structural shifts in the economy with the use of logistics // *Regional problems of economic transformation*. 2008. No. 2. S. 9–18.
5. Dokholyan S. V. Umavov Y. D. The development of the resource potential of the agro-industrial complex in the system of regional reproduction // *Regional problems of economic transformation*. 2011. No. 4. S. 135–159.
6. Kireev A. N., Sukhorukov A. Import substitution as a strategy to achieve food security of Russia: problems and solutions // *Journal of International Agriculture*. No. 4. 2015.
7. Kosenko S. G., Polichkina E. N. Issues of import substitution: the regional dimension // *Basic Research*. 2015. No. 2–8. S. 1744–1750.
8. Kurbanov K. K. Agromarketing and rationalization of the production structure of agricultural enterprises // *Questions structuring of the economy*. 2008. T. 1. No. 3. S. 28–29.
9. Kurbanov K. K. Agricultural production of the Republic of Dagestan // *Economics of Agriculture of Russia*. 2007. No. 10. S. 39.
10. Kurbanov K. K. Sectoral structure and agribusiness specialization Dagestan // *Economics of Agriculture of Russia*. 6 number 2008. S. 76–80.
11. Kurbanov K. K., Petrosyants V. Z. Imbalances in agro-industrial complex of the North Caucasus Federal District and their impact on the economy of rural areas // *Regional problems of economic transformation*. No. 2014. 8 (46). S. 107–112.
12. Kurbanov K. K., Yunusov M. A. Territorially-branch structure and the formation of labor potential of vilage // *Testing*. 2014. No. 7. S. 69–70.
13. Petrosyants V. Z., Bashirov A. A., Kidirniyazova A. D. The innovative aspect of agricultural development of problem region // *Regional problems of economic transformation*. 2014. No. 6 (44). P. 97–101.
14. Petrosyants V. Z., Dokholyan S. V. The forward-looking estimates and scenarios for regional development // *Regional economy: theory and practice*. 2011. № 27. S. 2–10.
15. Petrosyants V. Z., Kurbanov K. K., Abdullayev I. M. System organization of effective activity of regional agriculture // *Regional problems of economic transformation*. 2007. No. 1. S. 51–55.
16. *Russia by the Numbers. 2014: a brief statistical digest / Rosstat*. М., 2015. 558 p.
17. Yunusov P. S., Dokholyan S. V., Ibaev R. K., Iskhakov F. R. Prodo-food-market in the region: theory and practice. Makhachkala: ISEI Dagestan Scientific Center, Russian Academy of Sciences, 2010.
18. Reimund D. A. *Farming and agribusiness activities of large multi-unit firms*. USDA. Washington. 1975.
19. Robert E. Brenson, Douglas G. Norwell. *Agricultural Marketing*. Iowa University Press, 1991.
20. Telberg Val G. *Russian-English Glossary of Economic and Trade Terms*. By V. G. Telberg, 2-d edition. New York: Telberg Book Corp., 1965.

БУРЖАЛИЕВА ЗАРЕМА НАДИРОВНА
соискатель ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный аграрный университет
им. М.М. Джамбулатова», e-mail: zarema_z86@mail.ru

ОБОСНОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО МЕХАНИЗМА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КЛАСТЕРА САДОВОДСТВА В РЕСПУБЛИКЕ ДАГЕСТАН

Предмет. В статье рассмотрены вопросы создания интегрированных структур, обеспечивающих устойчивое развитие плодово-ягодного подкомплекса в республике. **Метод проведения работы.** Анализ полученных данных и их теоретического обобщение. В работе приведены расчёт экономической эффективности деятельности кластера и мероприятия, которые направлены на формирование и развитие интегрированных структур конгломератного типа с соответствующей единой системой управления, взаимовыгодным экономическим механизмом взаимоотношений между элементами интеграции. **Результат.** Предложена концептуальная модель устойчивого производства плодов, а также организационная структура кластера садоводства в Республике Дагестан, предусматривающая эффективную деятельность технологически взаимосвязанных предприятий и включающая в качестве основных элементов: оценку ресурсного потенциала земель; породно-сортовое районирование с использованием новейших методологических подходов; закладку и эксплуатацию соответствующих насаждений на основе оригинальных технологических решений; хранение плодов; результативную деятельность маркетинговых служб, осуществляющих подготовку плодов к реализации, способных изучать возможности обеспечения перерабатывающего предприятия сырьём, оборудованием и материалами в увязке со сбытом их продукции. **Область применения результатов.** Предложен механизм регулирования экономических связей между участниками, который строится с учётом паритетности отношений, иначе говоря, обеспечивает равную рентабельность на стадиях производства, переработки и реализации продукции. **Выводы.** Выявлено, что основные проблемы создания интеграционной экономики садоводства: создание формирований кооперативного типа, объединяющих хозяйства населения, крестьянские (фермерские) хозяйства и сельскохозяйственные организации по производству, заготовке, переработке и реализации плодов и плодовой продукции; межхозяйственное вертикальное кооперирование предприятий по всем технологическим стадиям: производство, переработка и реализация продукции на базе организации-интегратора; формирование кластерной формы интеграции садоводческих предприятий по территориальному признаку.

Ключевые слова: многоярусное культивационное сооружение, технический прогресс, энергоэффективность, экология, сельское хозяйство, инновации.

BOORJALIEVA ZAREMA NADIROVNA
External Doctorate Student of FSBEI of HE "Dagestan State Agrarian
University named after M.M. Jambulatov", e-mail: zarema_z86@mail.ru

SUBSTANTIATION OF ORGANIZATIONAL-ECONOMIC THE MECHANISM OF THE CLUSTER OF HORTICULTURE IN THE REPUBLIC OF DAGESTAN

Object. In the article the questions of creation of integrated structures for the sustainable development of fruit-berry subcomplex in the country. **The method of carrying out the work.** Analysis of the data and their theoretically, the determination of cal generalization. The paper presents the calculation of the economic efficiency of the cluster activities and events aimed at formation and development of the integrated structures of the conglomerate type with the appropriate uniform system of management, mutually beneficial economic mechanism of relations between elements of integration. **Result.** The proposed conceptual model for sustainable fruit production, as well as the organizational structure of the cluster green thumb-tion in the Republic of Dagestan, providing for efficient operation of technologically interrelated enterprises and includes as main elements: assessment of the resource potential of the land; the rock-varietal zoning using the latest methodo-

logical approaches; the laying and operation of appropriate plantings based on the original technological solutions; storage of fruits; performance marketing services, providing training of the fruit to implementation, able to explore possibilities for providing processing enterprises with raw materials, equipment, and materials in conjunction with the sale of their products. *The scope of the results.* The proposed mechanism of regulation of economic relations between the parties, which takes into account the parity relations, in other words, provide equal profitability at the stages of production, processing and sales. *Conclusions.* It is revealed that the main problems of establishing the integration of the economy of gardening: creating groups cooperative type, combining households, peasant (farmer) farms and agricultural organizations for the production, procurement, processing and sale of fruits and fruit products; vertical intereconomic cooperation of the enterprises of all technological stages: production, processing and sale of products on the basis of the integrator; the formation of cluster forms of integration of the horticultural enterprises on a territorial basis.

Keywords: agro-industrial integration, government regulation, marketing research, innovative businesses, canning industry, the horticultural cluster.

В мировой практике есть много примеров создания и эффективного функционирования кластеров, и их объединяет главное — синергетический эффект производительности, как в самом кластере, так и смежных секторов экономики. Одним из перспективных вариантов такого рода интеграции в России стране является агропромышленный кластер. Его можно определить, как территориальное сочетание субъектов рынка, которых объединяет производственно-сбытовая деятельность на конкурентных началах для повышения конкурентоспособности продукции и формирования привлекательности в качестве объекта инвестирования.

Экономическая целесообразность развития агропромышленных кластеров связана для сельскохозяйственных производителей с большей технической отсталостью сельскохозяйственного производства по сравнению с промышленностью, спецификой сельскохозяйственного производства, его социальной значимостью, необходимостью повышения конкурентоспособности продукции и другими факторами.

Процессы кластеризации в агропромышленном комплексе, как и в экономике в целом, активизируются, но, как показывает практика, объединение предпринимательских структур и функционирование региональных агропромышленных кластеров ещё мало эффективны, что приводит к необходимости трансформации состава участников, разрушению или распаду кластерных структур. Поэтому мы считаем, что в настоящее время возникает необходимость исследования факторов, влияющих на эффективность процессов кластеризации хозяйствующих субъектов в рамках региональных экономических систем [1].

Формирования кластеров как инструмента инновационного развития отечественного АПК в долгосрочной перспективе уже рассматривается во многих законодательных актах на уровне Правительства и Министерства сельского хозяйства РФ, в частности в проекте «Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельхозпродукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 гг.».

Научные обоснования и практика функционирования агропромышленных формирований, различных организационно-правовых форм доказывают эффективность и целесообразность агропромышленной интеграции. Однако современные исследования интеграции в АПК Российской Федерации не раскрывают проблемы повышения конкурентоспособности в интегрированных структурах, развитие входящих в них предприятий в инновационном направлении, отсутствует единый подход к оценке их деятельности.

Кластер определяется как индустриальный комплекс, сформированный на базе территориальной концентрации сетей специализированных поставщиков, основных производителей и потребителей, связанных технологической цепочкой и выступающих альтернативой секторальному подходу. Особенность кластерного подхода заключается в том, что они способны концентрировать вокруг себя — финансовый, технологический, инновационный и трудовые ресурсы различных сельскохозяйственных товаропроизводителей с целью общего эффективного производства.

Концентрация производства сельхозпродукции, ее переработки, выпуска готовой продук-

ции, реализации, получение доходов, достаточных для расширенного воспроизводства в границах крупного интегрированного рыночного субъекта (кластера), даёт возможность регулировать конъюнктуру рынка на региональном уровне полностью использовать конкурентные преимущества. За счёт интеграции субъектов вокруг динамично развивающегося перерабатывающего предприятия. Сельхозтоваропроизводители для своего самосохранения переходят в подчинение к такому предприятию [12, 13].

Формирование интегрированного инновационно-агропромышленного комплекса должно осуществляться по следующим направлениям: совершенствование инновационной инфраструктуры республиканского АПК; формирование крупных интегрированных научно-производственно-финансовых и учебно-производственно-финансовых групп; становление и развитие малого и среднего инновационного предпринимательства в республиканском АПК [9].

Наиболее распространёнными моделями экономических взаимоотношений между интегрированными структурами является создание потребительских кооперативов, агрохолдингов, агрофирм, агрокомбинатов, агрокластеров, аграрных финансово-промышленных групп и др. [14].

Территориальная концентрация (специализация), сочетание кооперации и конкуренции обеспечивают предприятиям кластеров суммарные конкурентные преимущества по сравнению с отдельными (внекластерными) предприятиями, что повышает их экономические возможности [3].

Региональный отраслевой кластер представляет собой сконцентрированную на ограниченной территории группу взаимосвязанных и взаимодополняющих компаний и организаций, которая включает в себя: производителей конечных или промежуточных товаров и услуг; поставщиков комплектующих и специализированных услуг; поставщиков производственного и иного оборудования; поставщиков и элементы инфраструктуры; научно-исследовательские институты; средние и высшие профессиональные образовательные учреждения и другие организации [2].

Кластер относится к разновидности сетевых структур и отличается наличием инновационной составляющей, позволяющей приспосабливаться к изменениям в конкурентной сфере. В экономике кластер-группа, агломерация предприятий, объединённых географически, а вместе с тем экономическими интересами, общей целью которых является повышение конкурентоспособности производимых товаров и услуг совместными усилиями, а также их активное развитие и расширение рынков.

В условиях Республики Дагестан создание агрокластеров должно основываться на следующих принципах: создание условий для технического перевооружения отрасли и привлечение инвестиций на основе реально действующих коммерческих механизмов; очень активное применение инноваций, как в технологиях, так и при управлении, что обязательно обеспечит устойчивое развитие субъектов кластера и их конкурентоспособность на региональном и национальном уровнях. В регионе должен быть благоприятный климат для ведения бизнеса — отсутствие коррумпированности, экономической преступности, заинтересованность властей в легальном ведении бизнеса без использования «теневых» схем. Кроме того, местные органы власти должны поддерживать агрокластер или своим государственным регулированием, или своим прямым участием в кластере (государственно-частное партнерство).

Поскольку кластер является сложной системой, наиболее доступным для её изучения, с учётом возможностей электронно-вычислительной техники, является имитационный способ анализа. Практическое применение имитационной модели кластера заключается в наблюдении за результатами многовариантных расчетов при различных задаваемых значениях параметров процессов кластерного взаимодействия, что позволяет сделать выводы об эффективности функционирования проектируемой системы. С этой позиции были проведены предварительные модельные расчёты результатов деятельности участников системы, способствующие разработке организационной структуры и схемы финансовых потоков кластера [10, 11].

Основными направлениями аграрной политики в области формирования многоукладной экономики предусматривается развитие рыночной инфраструктуры на основе расширения базы розничной торговли, создание системы торгово-закупочных фирм с формированием опто-

вых продовольственных рынков, товарных бирж, обеспечением товаропроизводителям беспрепятственного выхода на рынок, созданием и применением автоматизированных информационных систем и др. [4].

Согласно Концепции развития садоводства Российской Федерации до 2025 г. формирование территориально-производственных кластеров, реализующих конкурентный потенциал территорий, создание инновационных высокотехнологичных кластеров предусматривается Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации (распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 г. № 1662-р). Российские ученые расходятся во мнениях, употребляя понятие «кластер» [5].

Как известно, в современных условиях радикально изменились каналы сбыта плодоовощной продукции: если в дореформенный период главным заказчиком плодоовощной продукции являлось государство в лице заготовительных организаций, то в настоящее время основная часть продукции реализуется на свободном рынке. Таким образом, новые условия хозяйствования изменили не только форму собственности и конечные цели аграрных предприятий, но и всю структуру продвижения продукции. Развитие агромаркетинга в АПК предполагает возрастание роли заготовки как одного из первых партнеров производителя. Более того, заготовительные организации могут стать центрами маркетинговой кооперации производителей [15].

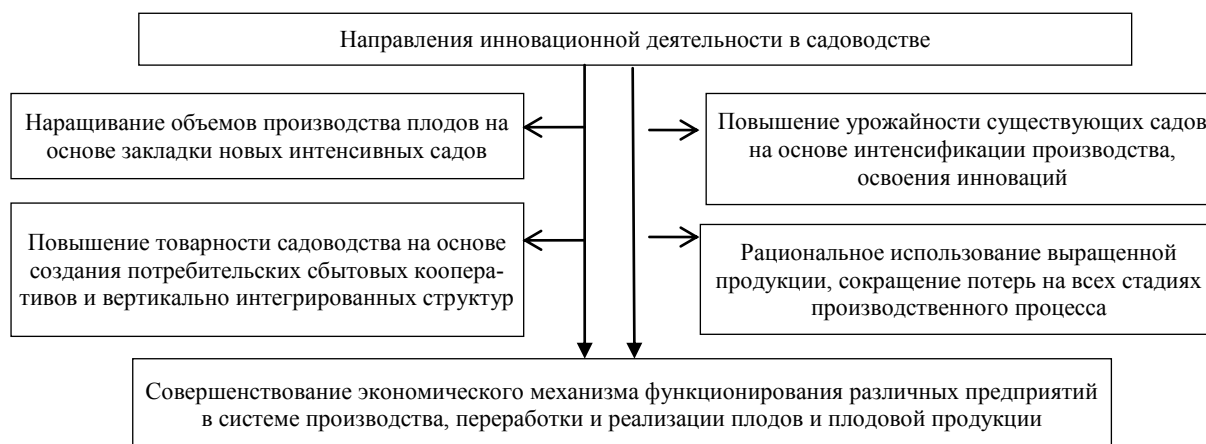
В Польше одной из причин низкого экспорта свежих фруктов является плохая организация и недостаточная логистика в торговле десертными фруктами. Учитывая, что в настоящее время около 600–700 тыс. тонн десертных яблок годится к длительному хранению, то в имеющихся холодильниках с регулировкой газовой среды можно хранить 16–17% яблок. В странах с хорошо развитым производством и торговлей яблоками этот показатель превышает 70–80%. Торговые предприятия со смешанным капиталом будут иметь самые большие шансы на сбыт фруктов по выгодным ценам, особенно тогда, когда на европейском рынке фруктов увеличится конкуренция [16].

В современных условиях для стабилизации производства продукции садоводства и повышения её эффективности целесообразно создавать интегрированные структуры различных форм (ассоциации, финансово-промышленные группы, агрофирмы и т. д.), объединённые общими принципами работы на конечный результат. Эти формирования должны взять на себя весь комплекс функций, связанных с производством, закупкой плодов и ягод, их переработкой и реализацией [6].

Механизм регулирования производственно-экономических связей между участниками интеграции должен формироваться на основе равной рентабельности на стадиях производства, переработки и реализации продукции. Экономическая заинтересованность садоводческих и других предприятий в создании интеграционных структур должна основываться на доходах, дополнительно получаемых от улучшения ассортимента, качества и выгодного сбыта готовой продукции, а также от повышения эффективности производства на всех стадиях [7].

Реализация инновационных подходов в отрасли садоводства должна иметь комплексный характер. Основные направления инновационного развития садоводческих организаций показаны на рис. 1.

Очевидно, что только системный подход к осуществлению комплекса инновационных мероприятий обеспечит дальнейшее значительное увеличение производства плодово-ягодной продукции, рациональной переработки и устойчивого сбыта, рост товарности и более высокой экономической эффективности садоводства. В конечном счете, потребитель получит продукт высокого качества по адекватной цене. В крупных садоводческих предприятиях могут быть созданы внутрихозяйственные кооперативы по производству продукции, её реализации, переработке и хранению, материально-техническому обеспечению, кредитованию и страхованию имущества [8].

Рис. 1. Направления инновационной деятельности в садоводстве

Развитие перерабатывающих предприятий сдерживается низкой обеспеченностью техническими средствами. Неэффективное использование издержек на производство продукции. Это, в свою очередь, влияет на себестоимость продукции, делая её неконкурентоспособной по сравнению с импортной, снижает уровень рентабельности. Необходимо на уровне региона разрабатывать механизм защиты местного рынка от внешнего завоза, а также ограничить ввоз в регион импортных продуктов, которые могут в достаточном количестве производиться на месте. Рекомендуемый кластер дает возможность весьма эффективно осуществлять мероприятия, связанные с планированием, заготовкой, транспортировкой, промышленной переработкой и реализацией продукции, то есть решать важные финансово-экономические проблемы на уровне республиканского агропромкомплекса, торговых фирм, а также в большей степени в хозяйствах и предприятиях плодоконсервной промышленности.

В результате многолетних исследований, анализа полученных данных и их теоретического обобщения предложена концептуальная модель устойчивого производства плодов в Республике Дагестан, предусматривающая эффективную деятельность технологически взаимосвязанных предприятий и включающая в качестве основных элементов: оценку ресурсного потенциала земель; породно-сортовое районирование с использованием новейших методологических подходов; закладку и эксплуатацию соответствующих насаждений на основе оригинальных технологических решений; хранение плодов; результативную деятельность маркетинговых служб, осуществляющих подготовку плодов к реализации, способных изучать возможности обеспечения перерабатывающего предприятия сырьем, оборудованием и материалами в увязке со сбытом их продукции (рис. 2).

В процессе разработки программы нами определены следующие задачи: условия и предпосылки для развития партнёрских отношений, формирования необходимой и достаточной торгово-посреднической инфраструктурной базы, а также механизмов саморегулирования взаимодействия участников кластера; формирование единой системы регулирования процессов взаимодействия субъектов, способствующих развитию форм и методов координации и контроля совместной деятельности; регулирование каналов реализации, внедрение инновационных методов организации логистики и торговли; развития инфраструктуры кластера, включая маркетинговую деятельность, информационное обеспечение и предприятий-производителей потребителей, создание системы мониторинга среды функционирования.

Выбор предприятий для кластера обусловлен совокупностью следующих факторов:

1. Региональная специализация (природно-экономические зоны).
2. Предприятия садоводства, которые реализуют значительную часть продукции, часть продукции перерабатывают и оставляют на хранение для устойчивого развития кластера.
3. Предприятия, входящие в кластер, занимают выгодное географическое положение в республике, что снижает транспортные расходы на доставку материалов и оборудования, и перемещение продукции на внешний по отношению к кластеру рынок сбыта, в т. ч. на рынок РФ.
4. Республика характеризуется благоприятными природно-климатическими условиями, что положительно сказывается на развитии кластера.

Рис. 2. Модель устойчивого производства садоводческой продукции в Республике Дагестан

Цель создания данного кластера — формирование устойчивого сообщества географически сконцентрированных производителей, предприятий промышленности, торгово-посреднических организаций и потребителей, имеющих активные каналы трансакций, коммуникаций и взаимоотношений, общую специализированную инфраструктуру (единый рынок трудовых, финансовых, материальных, инновационных и иных ресурсов, товаров и услуг), а также единые проблемы и возможности. Основная задача кластерной структуры — содействие интенсивной конкуренции одновременно с сотрудничеством, что в итоге должно способствовать увеличению регионального экономического роста.

Установлено, что преимущества предложенного нами подхода к интеграции предприятий кластера заключаются в том, что кластерная политика способствует: формированию инновационной ориентированности предприятий кластера, кооперации в снабжении ресурсами, производстве и сбыте продукции в результате внедрения инновационных методов и технологий хозяйствования — от производства до реализации; развитию эффективной системы делегирования полномочий от органов государственного управления, суть, которой, согласно кластерному подходу, заключается не в поддержке отдельных предприятий и отраслей, а в развитии системы взаимоотношений между поставщиками, производителями, потребителями и государственными структурами управления в целях усиления роли экономических факторов; переориентации предприятий кластера от краткосрочных целей к формированию долгосрочных стратегий; повышению конкурентных преимуществ предприятий кластера над конкурентами за счёт широкого доступа к большому количеству профильных поставщиков и специализированных услуг, а также к информационным, трудовым, материальным и прочим ресурсам, адаптированным к требованиям участников кластерного объединения.

Тем не менее ещё существуют ряд проблем: во-первых, низкий уровень информационного обеспечения как потребителей, так и производителей. Отсутствует мониторинг развития рыночной конъюнктуры и целостная система. В данной связи целесообразно создание единой

информационной базы о промежуточных и конечных потребителях, объемах и структуре поставок, о сезонных колебаниях спроса и составе потребительских сегментов.

Во-вторых, сбытовая политика развивается стихийно, без учета рыночного спроса и необходимости налаживания долгосрочных партнерских отношений. Таким образом, последовательность скоординированной системы мероприятий функционирования в рамках развития структуры кластерного типа на территории целесообразно осуществить в четыре этапа (табл. 1).

Первый этап: необходимо проводить маркетинговые исследования с целью выявления потенциальных партнеров в сфере производства, переработки, хранения, торгово-сбытовой деятельности; формирование мотивационных механизмов взаимодействия. Второй этап: осуществляется анализ возможностей формирования в кластер и выявление заинтересованных в этом организаций.

Необходимо разработать стратегию развития в процессе функционирования кластерной структуры, а именно: выявляются реальные и потенциальные участники и партнеры в сфере производства, переработки, хранения и торговли, которые заинтересованы в процессе интеграции; разрабатываются принципы функционирования в структуре кластера; осуществляется разработка положений и правил обеспечения деятельности (решаются вопросы о совместной деятельности, разграничиваются сферы самостоятельного и коллегиального принятия решений и пр.); определяются правила взаимодействия участников; оговариваются условия включения предприятий в кластер и выхода из него.

Таблица 1

Этапы и механизмы системы мероприятий, направленных на создание кластера

Этапы	Механизмы
I этап Анализ и диагностика условий формирования кластера	1. Маркетинговые исследования 2. Мотивация потенциальных участников 3. Анализ состояния капитала и ресурсов участников 4. Оценка перспектив развития
II этап Стратегия функционирования кластера	1. Выявление участников, заинтересованных в процессе интеграции 2. Определение принципов функционирования 3. Разработка норм и правил, на основе которых осуществляется работа кластера 4. Разработка положений о взаимосвязи и взаимозависимости участников кластера 5. Выявление кадрового потенциала участников кластера
III этап Формирование организационной структуры	1. Организация структуры управления (создание координационного совета, распределение задач, полномочий и ответственности между участниками кластера) 2. Организация хозяйственной структуры (состав функциональных обязанностей участников) 3. Определения уровня форсированности кадрового состава предприятий кластера
IV этап Оценка потенциала кластера	1. Определение эффективности деятельности кластера (экономический эффект, рост уровня конкурентоспособности предприятий и продукции кластера) 2. Проверка соответствия результата поставленным целям

На третьем этапе предложено создать в регионе садоводческий кластер (рис. 3), специализирующийся на производстве продуктов садоводства. Такое объединение должно иметь четыре основных направления деятельности (производство, переработка, хранение и реализация продукции) и выполнять следующие задачи: формирование единой стратегии кластера по стимулированию инноваций и совершенствованию производства, переработки, хранения и сбыта продукции; привлечение и совместное использование капиталов, трудовых, материальных и других ресурсов, а также проведение согласованной инвестиционной политики; укрепление рыночных позиций за счет роста удовлетворенности потребителей и снижения конечной цены

в результате сокращения издержек.

Однако вместе с тем на результат деятельности влияют многие факторы, которые не позволяют аналогичным образом использовать достижения других субъектов, то есть в каждом конкретном случае необходимо проводить комплексный анализ на целесообразность внедрения инноваций. С другой стороны, наряду со структурой затрат в себестоимости переработки важно учитывать рыночный спрос, который непосредственно оказывает влияние на объём продаж и прибыли. В этой связи предприятиям района следует концентрировать свои материальные, трудовые, финансовые и прочие ресурсы. Таким образом, установлено, что для предприятий, которые войдут в состав садоводческого кластера, существует значительный резерв для повышения эффективности их деятельности за счет кооперации в рамках объединения. В целом, возможно, увеличить рентабельность до 30%.

Вместе с тем для активизации процессов кластеризации в регионе и выявления потенциала предлагается: установить масштабы совместной деятельности (сельскохозяйственные и перерабатывающие предприятия, торгово-сбытовые организации); сформировать нормы и правила взаимодействия между участниками кластера (разработка конкретных показателей: объёмы поставок, сроки и размеры платежей) и возможности их изменения; провести оценку кадрового обеспечения предприятий фирменной торговли.

Рис. 3. Организационная структура кластера садоводства в Республике Дагестан

На заключительном IV этапе предлагается провести анализ эффективности деятельности системы с позиций её конкурентоспособности и соответствия экономических результатов поставленным целям, а также стратегических перспектив её дальнейшего развития в кластерной структуре (табл. 2).

**Расчёт экономической эффективности деятельности кластера
 в ряде садоводческих предприятий Республики Дагестан**

Специализированные предприятия	Организационно-экономические отношения	Прибыль от реализации продукции, тыс. руб.	Рентабельность реализованной продукции, %
МУП «Маджалиское», Кайтагский район	Вне кластера	1054	17,7
	В кластере	1282	28,9
	Прирост	228	11,2
СПК «Маммаульский», Сергокалинский район	Вне кластера	260	7,7
	В кластере	314	18,8
	Прирост	54	11,1
СПК «Дружба», Кизилюртовский район	Вне кластера	735	10,8
	В кластере	925	24,7
	Прирост	190	13,9
СПК «Аялизимахинский», Сергокалинский район	Вне кластера	286	12,3
	В кластере	355	15,3
	Прирост	69	3,0
ГУП «Красный Октябрь» Сергокалинский район	Вне кластера	161	13,8
	В кластере	204	17,5
	Прирост	43	3,7
СПК «Гранит и К» Магарамкентский район	Вне кластера	1353	83,6
	В кластере	1686	96,7
	Прирост	333	13,1
ФГБНУ «Дагестанская СОПК», Буйнакский район	Вне кластера	672	42,5
	В кластере	834	52,7
	Прирост	162	10,2

Таким образом, стратегия развития в кластере заключается в создании условий для эффективного производства, переработки, хранения и сбыта продукции, производимой предприятиями-участниками. Рекомендуемый кластер дает возможность весьма эффективно осуществлять мероприятия, связанные с планированием, заготовкой, транспортировкой, промышленной переработкой и реализацией продукции, то есть решать важные финансово-экономические проблемы на уровне республиканского агропромкомплеса, торговых фирм, а также в большей степени в хозяйствах и предприятиях плодощервной промышленности.

Литература

1. Ахметов, Р. Совершенствование структуры управления регионального АПК // АПК : экономика, управление. 2003. № 2. С. 12–19.
2. Глотко, А. А. Устойчивое развитие садоводства на основе инновационно-кластерного подхода // Известия Алтайского госуниверситета. 2010. № 2/2. С. 263–266.
3. Глотко А. В. Формирование и развитие кластера садоводства в региональном АПК (теория, методология, практика) : автореферат дис. ... д-ра экон. наук. —Новосибирск. 2010.
4. Медведев, С. М. Концепция управления плодово-ягодным подкомплексом. — М. : Спутник, 2009.
5. Медведев, С. М. Методология инновационного развития плодово-ягодного подкомплекса в условиях интеграционных преобразований. — М. : ВСТИСП, 2008.
6. Минаков, И. А. Проблемы повышения эффективности садоводства в новых экономических условиях // Садоводство и виноградарство. 2001. № 1. С. 4–5.
7. Минаков, И. А. Организационно-экономический механизм развития садоводства в условиях формирования рыночных отношений // Труды ученых Мичуринского государственного аграрного университета : сб. научных трудов. — Воронеж : Кварта, 2005. С. 123–128.

8. Мирзоев, Н. К., Фейзуллаев, Ф. С., Загирова, З. Н. Организационно-экономический механизм развития садоводства региона // *Проблемы развития АПК региона*. 2012. № 2(10). С. 148–156.
9. Ремиханова, Д. А., Алибаева, Л. И. Основные направления государственной поддержки инновационного развития сельского хозяйства Республики Дагестан // *Проблемы развития АПК региона*. 2011. № 3(7). С. 88–93.
10. Халалмагомедов, М. А. Организационно-экономические проблемы развития виноградарско-винодельческого подкомплекса АПК Республики Дагестан // *Региональные проблемы преобразования экономики*. 2010. № 2(24). С. 99–104.
11. Халалмагомедов, М. А. Формирование и функционирование интеграционных структур в виноградарско-винодельческом подкомплексе АПК Республики Дагестан // *Проблемы развития АПК региона*. 2011. № 2(6). С. 95–101.
12. Ханмагомедов, С. Г. Особенности использования потенциала аграрной экономики Дагестана // *Проблемы развития АПК региона*. 2010. № 3(3). С. 32–40.
13. Ханмагомедов, С. Г., Алиева, О. Ю. Модернизация региональной экономики и создание новых брендов // *Проблемы развития АПК региона*. 2010. № 2(2). С. 17–23.
14. Ханмагомедов, С. Г., Алиева, О. Ю. Формирование модели агропромышленных интегрированных формирований в регионе // *Проблемы развития АПК региона*. 2014. № 1(17). С. 108–111.
15. Шейхов, М. А., Камиллов, М.-К. К. Проблемы и перспективы развития садоводства и овощеводства в Республике Дагестан // *Проблемы развития АПК региона*. 2012. № 1. С. 195–202.
16. Эберхард Макош. Польское садоводство с экономической точки зрения. — Lublin : Wydawnictwo Akademii Rolniczej, 2004.

References:

1. Akhmetov, R. the governance structure of regional agriculture // *AIC : Economics, management*. 2003. No. 2. Pp. 12-19.
2. Glotko, A. A. Sustainable development of horticulture on the basis of innovation-the cluster approach // *news of Altai state University*. 2010. No. 2/2. S. 263-266.
3. Glotko A.V. the Formation and development of cluster of horticulture in the regional agroindustrial complex (theory, methodology, practice) : the author's abstract dis. ... d-RA Ekon. Sciences. —Novosibirsk. 2010.
4. Medvedev, S. M. the concept of managing the fruit-berry subcomplex. — M. : Satellite 2009.
5. Medvedev, S. M. Methodology of innovative development of the fruit-berry subcomplex in the context of integration transformations. — M. : VSTISP, 2008.
6. Minakov, I. A. Problems of improving the efficiency of horticulture in the new economic conditions // *horticulture and viticulture*. 2001. No. 1. Pp. 4-5.
7. Minakov, A. I. Organizational and economic mechanism of development of gardening in the conditions of formation of market relations // *Proceedings of scientists of the Michurinsk state agrarian University : collection of scientific works*. — Voronezh : Kvarta, 2005. P. 123-128.
8. Mirzoev, N. C., Feyzullayev, F. S., Zagirov, Z. N. Organizational-economic mechanism of development of horticulture in the region // *problems of development of agribusiness in the region*. 2012. No. 2(10). P. 148-156.
9. Rumyanova, D. A., Alibaeva, L. I. the Main directions of state support of innovative development of agriculture of the Republic of Dagestan problems of development of agribusiness in the region. 2011. No. 3(7). S. 88-93.
10. Hallmarked, M. A. Organizational and economic problems of development of viticulture and wine-making subcomplex of the Republic of Dagestan // *Regional problems of transformation of the economy*. 2010. No. 2(24). S. 99-104.
11. Hallmarked, M. A. the Formation and functioning of integration structures in the grape and wine-growing subcomplex of the Republic of Dagestan problems of development of agribusiness in the region. 2011. No. 2(6). S. 95-101.
12. Hanmagomedov, S. G. Peculiarities of using the potential of the agrarian economy of Dagestan problems of development of agribusiness in the region. 2010. No. 3(3). S. 32-40.
13. Hanmagomedov, S. G., Aliyev, A. Y. Modernization of the regional economy and the creation of new brands // *problems of development of agribusiness in the region*. 2010. No. 2(2). S. 17-23.
14. Hanmagomedov, S. G., Aliev, O. Y. the Formation model of the integrated agro-industrial groups in the region // *problems of development of agribusiness in the region*. 2014. No. 1(17). S. 108-111.
15. Sheikhs, M. A., Kamilov, M.-K. Problems and prospects of development of horticulture in the Republic of Dagestan problems of development of agribusiness in the region. 2012. No. 1. P. 195-202.
16. Eberhard Makosh. Polish gardening from an economic point of view. — Lublin : Wydawnictwo Akademii Rolniczej, 2004.

УДК: 338.43

ШЕЙХОВА ПАТИМАТ МАГОМЕДОВНА

к.э.н., доцент кафедры «Экономическая теория и менеджмент» ФГБОУ ВО
«Дагестанский государственный аграрный университет им. М.М. Джембулатова»,
e-mail: sheykhova.patya@mail.ru

АШУРБЕКОВА ФИРУЗА АЛИМИРЗАЕВНА

старший преподаватель кафедры «Экономическая теория и менеджмент»
ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный аграрный университет им. М.М. Джембулатова»,
e-mail: fira-an2002@mail.ru

ЭФФЕКТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ГОСПОДДЕРЖКИ — КЛЮЧЕВОЙ ФАКТОР ДИНАМИЧНОГО РАЗВИТИЯ АПК РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ

Цель работы. Рассмотреть вопросы перехода предприятий АПК на импортозамещение. Исследовать механизмы государственной поддержки сельского хозяйства, объемов и направления поддержки аграрного сектора Республики Дагестан и предложить меры по их совершенствованию. **Метод проведения работы.** Проведен анализ производства основных видов продукции сельского хозяйства, а также показателей рентабельности сельскохозяйственных предприятий Республики Дагестан. **Результаты работы.** Государственная поддержка предприятий, занимающихся производством и переработкой сельскохозяйственной продукции, осуществляется в основном в форме предоставления различных видов субсидий. Установлено, что наиболее распространенной формой финансирования для отечественных предприятий на закупку нового оборудования и другой сельскохозяйственной техники является банковский кредит и лизинг. **Область применения результатов.** Результаты проведенного исследования могут быть использованы органами региональной власти в целях защиты внутреннего товаропроизводителя путем замещения импортируемых товаров и технологий в АПК продуктами национального производства, за счет стимулирования модернизации производства, роста его эффективности и освоения новых видов продукции и развития эффективных механизмов государственной поддержки АПК. **Выводы.** Низкий уровень оборачиваемости капитала, низкая инвестиционная привлекательность и высокие показатели трудоемкости наряду с финансовой неустойчивостью субъектов хозяйствования в АПК региона привели к необходимости изменения подходов к государственному регулированию аграрного сектора экономики. Эффективность форм хозяйствования в сельском хозяйстве находится в зависимости и от финансово-кредитной политики, которая осуществляется в регионах РФ. Внутренних ресурсов для ускоренного замещения импорта предприятия АПК пока не имеют. Для этого требуются дополнительные инвестиции в повышение качества продукции, обновление парка техники отечественного лизинга, освоение новых технологий. **Ключевые слова:** государственное регулирование, кредит, лизинг, импортозамещение, предприятия АПК, субсидии.

SHEIKHOVA PATIMAT MAGOMEDOVNA

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of "Economic Theory and Management" FSBEI of HE "Dagestan State Agrarian University named after M.M. Jambulatov",
e-mail: sheykhova.patya@mail.ru

ASHURBEKOVA FIROOZA ALIMIRZAEVNA

Senior Lecturer of the Department of "Economic Theory and Management" of FSBEI of HE
"Dagestan State Agrarian University named after M.M. Jambulatov",
e-mail: fira-an2002@mail.ru

EFFECTIVE MECHANISMS OF STATE SUPPORT ARE THE KEY FACTORS
OF A DYNAMIC DEVELOPMENT OF THE AIC OF THE REGION IN
THE CONDITIONS OF IMPORT SUBSTITUTION

The goal of the paper. Discuss the issues of transitioning enterprises of the AIC towards import substitution. Studying mechanisms of state support of agriculture, volumes and areas of focus of support of the agrarian sector of the Republic of Dagestan, and offering measures to improve them. *The method of performing work.* An analysis of production of the main types of products of agriculture, as well as of indicators of profitability of agricultural enterprises of the Republic of Dagestan has been performed. *The results of the work.* The state support of enterprises that are involved in production and processing of agricultural products is mostly performed in the form of providing different types of subsidies. It has been established that the most widespread form of financing for domestic enterprises for purchasing new equipment and other agricultural technology is a bank credit and leasing. *The area of application of the results.* The results of the study performed may be used by the regional authorities in order to protect the domestic producer through substituting imported products and technologies in the AIC with the products of the national production, from stimulating modernization of production, growth of its effectiveness and developing new types of products and effective mechanisms of governmental support of the AIC. *Conclusions.* The low level of capital turnover, low investment attractiveness and high indicators of labor intensity, together with the financial instability of economic entities in the AIC of the region led to the need to change the approaches to the state regulation of the agrarian sector of the economy. The effectiveness of economic forms in the agriculture is also dependent on the financial-credit policy that is taking place in the regions of the RF. Enterprises of the AIC do not possess internal resources for an accelerated import substitution as of this moment. To be able to do that, it is necessary to have additional investments in improving the quality of products, renewing the equipment that is available for domestic leases, learning new technologies. *Keywords.* State regulation, credit, leasing, import substitution, enterprises of the AIC, subsidies.

Введение. Снижение цен на сырьевые ресурсы, падение курса рубля по отношению к иностранным валютам в 2014 году поставило отечественную экономику в ситуацию, когда актуальным встал вопрос о необходимости мобилизации имеющихся внутренних возможностей поддержки экономики и проведения политики импортозамещения.

Импортозамещение в России рассматривается как тип экономической стратегии, направленной на защиту внутреннего производителя путем замещения импортируемых товаров и технологий продуктами национального производства, которая реализуется с целью повышения конкурентоспособности отечественной продукции за счет стимулирования модернизации производства, роста его эффективности и освоения новых видов продукции. Наряду с этим импортозамещение характеризуется как целостная реиндустриализация экономики, способствующая созданию крупных инновационных производств, интеграции промышленности и науки и созданию тысяч новых рабочих мест [17].

С точки зрения экономической теории, это уменьшение или прекращение импортных поставок товаров посредством роста отечественного производства данной продукции или ее аналогов. В целом ожидается сокращение импорта из третьих стран, в частности, мясной продукции, картофеля и продуктов его переработки в 2 раза, молочной продукции — на 45 %, сахара — на 36 %. В основе организации бюджетной поддержки развития отрасли должна лежать финансовая самодостаточность АПК.

Методы исследования. Проведенный анализ тенденций развития показал, что Республики Дагестан располагает значительным аграрным потенциалом. У нас сосредоточено 20,49 % российского поголовья овец и коз (1-е место), 4,96 % поголовья КРС (3-е место), 7,6 % овощей (1-е место), около трети производимого в стране винограда (2-е место), 4,11 % плодов (5-е место), 25,7 % шерсти (1-е место). Дагестан поставляет в регионы России более 500 тыс. тонн овощей, около 15 тыс. тонн плодов, более 30 тыс. тонн столового винограда.

Агропромышленный комплекс вносит большой вклад в формирование налоговых доходов республики, причем суммы налоговых поступлений из года в год заметно растут. Если в 2012 году во все уровни бюджетов от АПК поступило 2 млрд 937 млн руб., то в 2014 году — уже 4 млрд 279 млн руб.

Низкий уровень оборачиваемости капитала, низкая инвестиционная привлекательность и высокие показатели трудоемкости наряду с финансовой неустойчивостью субъектов хозяй-

ствования в агропромышленном комплексе РФ привели к необходимости изменения подходов к государственному регулированию аграрного сектора экономики. Эффективность форм хозяйствования в сельском хозяйстве находится в зависимости и от финансово-кредитной политики, которая осуществляется в регионах РФ.

Из-за высокой кредитной задолженности сельхозпредприятий, высоких инфраструктурных издержек, ограниченной доступности кредитов многие предприятия снижают инвестирование и создание новых производств, направляя ресурсы на модернизацию и повышение эффективности имеющихся активов. Внутренних ресурсов для ускоренного замещения импорта предприятия АПК пока не имеют. Для этого требуются дополнительные инвестиции в повышение качества продукции, обновление парка техники отечественного лизинга, освоение новых технологий. Требуются денежные средства для вложения в долгосрочные инвестиционные проекты. Факторами, препятствующими внедрению инноваций и реализации инновационного потенциала предприятий в условиях импортозамещения, являются:

- высокий инвестиционный риск,
- неразвитость кооперационных связей и инновационной инфраструктуры;
- отсутствие информации о рынках сбыта;
- низкий технологический уровень и морально устаревшие производственные фонды;
- зависимость от сложной технологической продукции и импортного оборудования;
- высокая стоимость нововведений;
- недостаток собственных денежных средств.

Направлениями совершенствования инновационной деятельности российских предприятий, реализующих инновационные проекты импортозамещения, являются: оценка риска перехода отрасли на импортозамещение при реализации инновационных проектов с учетом наиболее значимых факторов, влияющих на инновационную деятельность предприятия; создание региональной информационной базы данных о возможностях и потребностях местных предприятий в расширении кооперационных связей с формированием открытого реестра выпускаемой продукции; разработка и реализация региональной программы поддержки местных товаропроизводителей на основе внедрения инновационной импортозамещающей продукции; развитие инфраструктуры посредством создания фирменной торговой сети, комбинированной с сервисом интернет-заказа.

Приоритетное направление развития АПК — это ускорение оснащения сельскохозяйственных товаропроизводителей техникой, оборудованием, а также приобретение животных в кредит или лизинг. Рынок лизинговых услуг получает большее распространение в сравнении с кредитом. Лизинг представляет собой экономико-правовые отношения по приобретению в собственность имущества и последующей сдаче его в аренду [14].

Необходимо ввести государственный заказ на закупку КРС, производство тракторов и основных видов сельскохозяйственной техники, грузовых автомобилей, технологического оборудования для животноводства, которые реализовывались бы на основе лизинга, льготного кредитования, бюджетных ссуд.

Преимущество лизинга проявляется в возможности уменьшения налога на прибыль, т. к. лизинговые платежи относятся на себестоимость продукции, что позволит налогоплательщику снизить отчисления на уплату налога на прибыль. Особенностью лизинга является страховка от приобретения оборудования у недобросовестных поставщиков, так как покупает оборудование не лизингополучатель, а лизинговая компания, передающая затем его лизингополучателю в пользование. Лизинговая компания берет на себя анализ надежности поставщиков и проведения с ними переговоров, экспертизу и заключение договоров. При лизинге деньги лизингополучатель начинает выплачивать после поставки оборудования. Поощрение лизинговых сделок станет средством стимулирования товаропроизводителей. Что касается банковского кредита, то банки часто требуют предоставления под залог имущества предприятия, и стоимость залога по кредиту может в разы превышать размер самого кредита. Это весьма проблематично для малого и среднего бизнеса. К лизингу предприятие может прибегнуть даже при наличии отрицательных финансовых показателей у компании. В то время как для получения банковского кредита наличие отрицательного баланса недопустимо. Развитию малого бизнеса будет способствовать и снижение размеров авансовых платежей, и установление льгот по

предоставлению оборудования в лизинг [5].

Программа импортозамещения основных продовольственных товаров до 2020 года обойдется в 636 млрд руб. Предполагается, что реализация Программы импортозамещения к 2020 году обеспечит увеличение производства сельскохозяйственной продукции, а также снижение зависимости внутреннего рынка продовольствия от импортных поставок в несколько раз [7].

Если в 2012 году на развитие АПК Республики Дагестан из федерального бюджета было выделено 1 млрд 950 млн руб., то в 2014 году финансирование находилось на уровне 2 млрд 600 млн руб.; из республиканского бюджета было выделено 886 млн руб. в 2012 году и 534 млн руб. в 2014 году.

Приоритетное направление в сельском хозяйстве республики — овощеводство защищенного грунта. По состоянию на сентябрь 2015 года в Дагестане общая площадь теплиц составляла 136,8 гектара, а площадь строящихся теплиц — около 15 гектаров. В республике идет строительство тепличных комплексов по двум направлениям: строительство теплиц вокруг городов и строительство малогабаритных теплиц в сельской местности. Необходимо создание логистической инфраструктуры, которая позволит в короткие сроки собирать и доставлять готовую продукцию в города, районы республики и за ее пределы. Выстраивание эффективных логистических цепочек «поле-прилавок» позволит добиться безубыточности и повысить рентабельность производства независимо от объемов господдержки.

Введены новые виды господдержки, в том числе возмещение 20 % понесенных прямых затрат по нескольким направлениям — от создания тепличных комплексов и животноводческих комплексов до оптово-распределительных и селекционно-генетических центров. Также введена новая форма поддержки овцеводства за сданную на переработку шерсть. На эти цели из федерального бюджета получено около 25 млн руб. За 2013–2015 годы государство выделило на поддержку сельского хозяйства 618,6 млрд руб. — это сопоставимо с тем, сколько отрасль получила за все пять лет действия предыдущей программы до 2012 года. При правильной разработке и внедрении механизма импортозамещения предприятия АПК смогут эффективно функционировать, развиваться с устойчивой конкурентоспособностью.

Как свидетельствуют данные таблицы 1, наблюдается устойчивый рост валовой продукции сельского хозяйства республики.

Таблица 1

Производство основных видов продукции сельского хозяйства в Республике Дагестан

Показатели	Годы			2015 год в %	
	2013	2014	2015	2013	2014
Зерновые и зернобобовые (после обработки), тыс. т	269,6	310,8	345,0	127,8	111,0
Картофель, тыс. т	335,6	359,5	380,0	113,2	105,7
Овощи, тыс. т	1117,4	1293,8	1325,0	118,5	102,4
Плоды, ягоды, тыс. т	120,9	108,1	140,2	115,9	126,7
Виноград, тыс. т	136,3	137,2	147,8	108,4	107,7
Мясо (в убойном весе), тыс. т	99,7	112,7	120,0	120,3	106,5
Молоко, тыс. т	732,6	792,1	816,0	111,4	103,1
Яйцо куриное, млн шт.	188,8	217,9	230,0	121,8	105,6
Шерсть (в фактическом весе, т)	14 100	14 300	14 300	101,4	100,0

Основная часть сельскохозяйственной продукции производится в хозяйствах населения. Потенциал АПК Республики Дагестан используется не в полной мере. Одной из основных причин такого состояния является недостаточный уровень развития инфраструктуры АПК региона, и в первую очередь системы промышленной переработки.

Таблица 2

Показатели рентабельности сельскохозяйственных предприятий Республики Дагестан

	Годы		
	2013	2014	2015
Число сельскохозяйственных предприятий	653	960	966
Число прибыльных сельхозпредприятий	569	808	816
Сумма дотаций, компенсаций, тыс. руб.	288 227	492 330	473 145
Рентабельность от всей деятельности с учетом дотаций и компенсаций), %	7,9	6,5	6,6

Основными показателями, характеризующими финансовое состояние сельскохозяйственных организаций, является прибыль, уровень рентабельности, доля убыточных хозяйств. В течение 2010–2015 годов рентабельность сельхозпредприятий колебалась в пределах 6,5 % и 7,9 %. Согласно Республиканской программе, рентабельность сельскохозяйственных организаций (с учетом субсидий) должна была достичь 11 %.

Общая сумма дотаций и компенсаций составила в 2014 году 492 330 тыс. руб. и 473 145 тыс. руб. в 2015 году.

Однако многие сельхозпредприятия имеют неустойчивое финансовое состояние. Среднегодовой объем прибыли, полученный сельхозпредприятиями за 2010–2015 годы с учетом дотаций и компенсаций, составил 140,7 млн руб., без дотаций и компенсаций убытки составили 176,9 млн руб. Сумма прибыли, приходящаяся на 1 хозяйство с учетом дотаций и компенсаций, в среднем за год составляет 193,2 тыс. руб., а без учета дотаций имеют отрицательный результат в среднем в сумме 243,1 тыс. руб. убытков. Условия деятельности сельхозтоваропроизводителя не обеспечивают ему получение стабильных доходов. Серьезный диспаритет цен на потребляемые ресурсы и реализуемую продукцию сельского хозяйства не позволяет получать доход, достаточный для ведения расширенного производства.

Убыточность сельскохозяйственного производства во многом определяется высокой себестоимостью продукции, ее высокой материалоемкостью, а также низкой производительностью труда. Сельскохозяйственные предприятия ряда районов предпочитают сдавать земли в аренду гражданам, нежели обрабатывать самим. Арендаторы вкладывают средства лишь на улучшение краткосрочного плодородия земли. Одна треть всей пашни в Дагестане в принципе не обрабатывается [6].

Вложения в некоторой сфере хозяйствования оказывают стимулирующее воздействие на развитие производства и занятости в других сферах хозяйствования, т. е. меры государственной поддержки в АПК носят мультипликативный характер. По оценкам специалистов, государственные вложения в сельское хозяйство дают общий мультипликативный эффект, в 4–5 раз превышающий первоначальные вложения [15].

Развитие растениеводства сдерживается из-за сокращения орошаемых площадей. Значительная часть продукции сельского хозяйства республики (около 80 %) производится на орошаемых землях. Земли нуждаются в мелиоративном улучшении, ежегодных ремонтно-восстановительных работах на гидромелиоративных системах. В этой связи выделение значительной части суммы государственной поддержки (40 %) на развитие мелиорации оправдано. Однако фактически было освоено лишь чуть более 5 % выделенных средств, что крайне недостаточно.

Для господдержки АПК в растениеводстве необходимо освоить и интенсивные технологии, основанные на новом поколении тракторов и сельскохозяйственных машин, увеличении внесения минеральных удобрений и выполнении работ по защите растений от вредителей и болезней, переходе на посев перспективными высокоурожайными сортами и гибридами. По отдельным культурам необходимо существенное расширение их посевных площадей [6].

На развитие животноводства из федерального и республиканского бюджетов были выделены средства в 2012 году 658, 4 млн руб. и в 2014 году 582,6 млн руб. Больше всего средств за этот период направлено на развитие овцеводства и поддержание молочного скотоводства. В животноводстве необходимо решить задачи по ускоренному наращиванию производства мяса и

молока. Дагестан занимает первое место в России по количеству овец и коз — более 5 млн голов. Спросом пользуется лишь тонкорунная шерсть, и низкие закупочные цены на шерсть сдерживают развитие овцеводства. В этой связи необходимы усилия по переориентации пород овец. Что касается племенной поддержки животноводства, то она адресная и получают ее лишь те сельскохозяйственные организации и фермерские хозяйства по племенному животноводству, которые отвечают предъявляемым требованиям. Сумма субсидий на поддержку племенного дела в животноводстве республики за период 2012–2014 годов составили 60 млн и 81,5 млн руб.

Значительную сумму финансируемых средств на господдержку АПК занимают субсидии на возмещение процентных ставок по кредитам, полученным предприятиями АПК. В 2014 году были выданы субсидии на эти цели на сумму 324, 6 млн руб. из бюджета РФ и 28,3 млн руб. из бюджета РД.

Необходимо обеспечить переход от использования механизма субсидирования процентных ставок к более эффективным мерам поддержки (прямые адресные дотации, поддержка инструмента финансовой аренды (лизинга).

В целях совершенствования государственной поддержки агропромышленного комплекса региона нужно направить средства в сферы хозяйствования с большим мультипликативным эффектом, а именно на выработку социальной и логистической инфраструктуры, в особенности на развитие дорожной сети.

Таблица 3

**Объемы финансовых средств, выделенных на поддержку
сельского хозяйства в Республике Дагестан**

	Из бюджета РФ		Из бюджета РД	
	2012 год	2014 год	2012 год	2014 год
Поддержка овцеводства	192,0	202,0	48,5	10,6
Поддержка племенного дела	51,3	74,1	8,7	7,4
Приобретение кормов	7,2	-	-	-
Поддержка молочного скота	191,9	225,4	55,4	21,9
Поддержка мясного скота	46,3	20,6	16,8	11,2
Поддержка птицеводства	30,3	0,9	10,0	8,5
Поддержка пищевой и перерабатывающей промышленности	75,9	36,1	15,0	96,2
Поддержка элитного семеноводства	13,7	3,5	10,0	0,6
Поддержка садоводства	101,6	13,2	30,0	8,1
Поддержка виноградарства	-	121,6	-	32,0
Поддержка овощеводства	6,8	75,2	10,0	20,0
Мелиорации	115,1	155,4	106,0	33,8
Поддержка начинающих фермеров	120,8	89,5	21,1	27,8
Развитие семейных ферм	38,9	46,9	17,5	27,8
Возмещение процентной ставки по кредитам	306,4	324,6	32,3	28,3
Капельное орошение	-	-	-	12,0
Приобретение техники	-	-	-	13,9
Поддержка рисоводства	-	-	22,0	20,0
Поддержка рыболовства	-	-	20,0	-
Борьба с вредителями	-	-	11,0	-
На технологическую оснащенность	-	-	16,0	-
Компенсация по минеральным удобрениям	2,0	-	3,0	-
Прочие цели	-	-	8,65	-

В соответствии с Государственной программой за 2014–2020 годы инвестиции в сельское хозяйство должны увеличиться на 36,5 %. Как известно, основными источниками инвестиций в сельское хозяйство являются собственные доходы сельскохозяйственных товаропроизводителей (43 %) и заемные средства (около 57 %).

Важнейшим направлением в решении задачи импортозамещения выступает и рост конкурентоспособности предприятий АПК.

В агропромышленном комплексе РД создаются логистические центры по хранению и первичной переработке продукции общей мощностью 60 тыс. т, семеноводческие центры и современные питомниководческие хозяйства на площади 12 га, тепличные комплексы площадью 18 га, посадка новых виноградников на площади 2040 га, строительство 10 животноводческих ферм и откормочных площадок для молодняка КРС мясного направления. Решению многих проблем способствует формирование в регионах инновационных промышленно-образовательных кластеров. Понятие кластера в экономику ввел М. Портер. Согласно его теории, кластер — это группа географически соседствующих взаимосвязанных компаний (поставщики, производители) и связанных с ними организаций (образовательные заведения, органы государственного управления, инфраструктурные компании), действующих в определенной сфере и взаимодополняющих друг друга. Он рассматривал кластер как способ повышения конкурентоспособности экономической системы [11].

Предприятия и другие учреждения кластера не идут на полное слияние, а формируют механизм взаимодействия, позволяющий при сохранении статуса юридического лица сотрудничать с другими предприятиями кластера и за его пределами. Кластеры позволяют использовать сложные комбинации конкуренции и кооперации [1]. Выгоды кластера проявляются по всем направлениям кластерных связей: стимулируются научно-исследовательские работы, находятся необходимые средства для внедрения новых разработок и стратегий для производителей, пришедших в кластер; обеспечиваются свободный обмен информацией и быстрое распространение новшеств; появляются совершенно новые возможности и пути повышения конкурентоспособности благодаря использованию взаимосвязей внутри кластера; создаются новые рабочие места, студентам вузов предоставляется возможность в рамках кластера получать те компетенции, которые необходимы работодателю, реализовывать свой интеллектуальный потенциал в рамках создания инновационных продуктов кластера; взаимодействуют предприятия разных отраслей, что дает возможность перехода от узкой специализации к интеграции в управленческой деятельности; объединяются предприятия и организации различной направленности (промышленные предприятия, образовательные учреждения, научно-исследовательские структуры, венчурные фирмы и т. д.), что приводит к возрастанию роли инноваций и предпринимательства; поддерживается благоприятный инвестиционный климат, что обеспечивает рост количественных и качественных показателей инвестиций в расширенное производство товаров и услуг.

Результаты. Государственная поддержка предприятий, занимающихся производством и переработкой продукции АПК, осуществляется в основном в форме предоставления различных видов субсидий. Установлено, что наиболее распространенной формой финансирования для отечественных предприятий на закупку нового оборудования и другой сельскохозяйственной техники является банковский кредит и лизинг.

Выводы. Низкий уровень оборачиваемости капитала, низкая инвестиционная привлекательность и высокие показатели трудоемкости наряду с финансовой неустойчивостью субъектов хозяйствования в АПК региона привели к необходимости изменения подходов к государственному регулированию аграрного сектора экономики. Эффективность форм хозяйствования в сельской сфере находится в зависимости и от финансово-кредитной политики, которая осуществляется в регионах РФ.

Литература

1. Глухова М. Кластеры — нужны ли они российской экономике? // *Промышленник России*. — 2012. — № 10.
2. Егорова М. С. Технологические платформы и кластеры как инструменты модернизации экономического развития // *Фундаментальные исследования*. — 2013. — № 11–8. — С. 1626–1630.
3. Курбанов К. К., Юнусов М. А. Территориально-отраслевая структура и формирование трудового потенциала села // *Апробация*. — 2014. — № 7. С. 69–70.

4. Лосевская С. А., Кулапчина Т. А., Черников А. М. Перспективы развития реального и банковского сектора экономики в условиях импортозамещения // В сборнике: Современное состояние и приоритетные направления развития аграрной экономики в условиях импортозамещения / Материалы международной научно-практической конференции. — 2015. — С. 317–320.
5. Лосевская С. А., Фролов Р. С. Государственная поддержка сельхозтоваропроизводителей при участии ОАО «Россельхозбанк» // В сборнике: Экономика. Теория и практика. Перспективы XXI века / Материалы международной научно-практической конференции. Саратов, 2014. — С. 11–13.
6. Магомедов А. М. Логистика рационального землепользования // Экономика и предпринимательство. — 2013. — № 6 (35). — С. 221–224.
7. Новиков А. И. Импортозамещение на российском рынке продовольствия [Электронный ресурс]. Режим доступа: vestnikes.vlsu.ru/fileadmin/_temp_/Novikov_A.I._Importozameshchenie_na_rossiiskom_rynke_prodovolstvija.pdf, свободный. Загл. с экрана.
8. О долгосрочной государственной экономической политике: Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 596 3. Стратегия инновационного развития России до 2020 года.
9. Петросянц В. З., Курбанов К. К., Абдуллаева И. М. Системная организация эффективной деятельности регионального АПК // Региональные проблемы преобразования экономики. — 2007. — № 1. — С. 51–55.
10. Портер М. Ю. Конкуренция. М.: Издат. дом «Вильямс», 2005.
11. Постникова Л. В. Проблемы импортозамещения продукции сельского хозяйства России // Вестник ТвГУ. Серия «Экономика и управление». — 2015. — № 1. — Т. 2. — С. 44–48.
12. Проблемы импортозамещения в современных российских условиях // Молодой ученый. — 2015. — № 12.1. — С. 72–75.
13. Серикова Н. В. Проблемы импортозамещения в современных российских условиях // Молодой ученый. — 2015. — № 12.1. — С. 72–75.
14. Танифа В. В., Алексеев А. А., Цой Ю. А. Технологические решения при проектировании ферм по производству молока на основе импортозамещающей техники // Вестн. АПК Верхневолжья. — 2014. — № 2 (26). — С. 74–77.
15. Шаталов М. А., Ахмедов А. Э., Блащенко Б. О. Проблемы развития интеграционных процессов в агропромышленном комплексе // Научно-исследовательские публикации. — 2015. — № 16 (20). — С. 44–49.
16. Щербина Т. А. Политика импортозамещения: финансово-экономические и управленческие аспекты // Экономика. Налоги. Право. — № 1. С. 52–58.
17. Экономика АПК: учебное пособие для системы дополнительного профессионального образования / В. А. Кундиус. — М.: Кнорус, 2010. С. 41.
18. Maht L. Five Proposals for a Europeans Model of the Countryside / L. Maht, F. Ortalo-Magne // Cap and Countryside, Economic Policy. 1999. P. 93.
19. Markovitz H. Mean-Variance Analysis in Portfolio Choice and Capital Markets / H. Markovitz. Cambridge, MA: Blackwell, 1990.
20. Porter M. The competitive advantage on nations. London. 1990.

References:

1. Glukhova M. Clusters — whether they are Russian economy? // Manufacturer Of Russia. — 2012. — No. 10.
2. Egorova M. S. Technology platforms and clusters as instruments of modernization and economic development // Fundamental research. — 2013. No. 11-8. — P. 1626-1630.
3. Kurbanov K. K., Yunusov, M. A. Territorial structure and the formation of labor potential of the village // Testing. — 2014. — No. 7. S. 69-70.
4. Losevskaya S. A., Kulapina T. A., And Chernikov. M. prospects of development of the real and banking sector of the economy in terms of import // collection: Modern status and priority directions of development of agrarian economy in terms of import / international scientific-practical conference. — 2015. — S. 317-320.
5. Losevskaya S. A., Frolov, R. S., the State support of agricultural producers with the participation of ОАО Россельхозбанк // In the collection: Economy. Theory and practice. Perspectives of the XXI century // Materials of international scientific-practical conference. Saratov, 2014. — S. 11-13.
6. Magomedov A. M. logistics land management // Economics and entrepreneurship. — 2013. — № 6 (35). — S. 221-224.
7. Novikov A. I. import Substitution on the Russian market of food [Electronic resource]. Mode of access: vestnikes.vlsu.ru/fileadmin/_temp_/Novikov_A.I._Importozameshchenie_na_rossiiskom_rynke_prodovolstvija.pdf free. Tit. screen.
8. On long-term state economic policy: the presidential Decree of 7 may 2012 № 596 3. The strategy of innovative development of Russia until 2020.
9. In Petrosyants. Z., Kurbanov K. K., Abdullayev. M. System performance management of regional agro-industrial complex // Regional problems of transformation of the economy. — 2007. — No. 1. — P. 51-55.
10. Porter, M. Y. Competition. M.: Izdat. house Williams'2005.
11. Postnikova L. V. Problems of import substitution of agricultural products in Russia // Vestnik of Tver state University. Series Economy and management." — 2015. — № 1. — Vol. 2. — P. 44-48.
12. The problem of import substitution in the modern Russian conditions // Young scientist. — 2015. No. 12.1. — S. 72-75.
13. Serikova N. V. Problems of import substitution in modern Russian conditions // Young scientist. — 2015. No. 12.1. — S. 72-75.
14. In Tarifa. V., Alekseev A. A., Choi, Y. A. Technological solutions in the design of farms in milk production

based on import-substituting technology, Vestn. APK upper. — 2014. — № 2 (26). — P. 74-77.

15. M Shatalov. A., Akhmedov A. E., Bloshentsev B. O. *problems of development of integration processes in agriculture // Scientific research publishing. — 2015. — № 16 (20). — P. 44-49.*

16. Scherbina T. A. *Policy of import substitution: the financial-economic and management aspects // Economics. Taxes. Right. — No. 1. Pp. 52-58.*

17. *Agricultural Economics: a training manual for the system of additional professional education / V. A. Kundius. — M.: KnoRus, 2010., S. 41.*

18. *Maht five sentences of L. for the model of the Europeans in the countryside / I. Mailt, F. Ortalo-Magne // cover and terrain, economic policy. 1999. P. 93.*

19. Markowitz N. *Mean-variance Analysis in portfolio choice and capital markets / H. Markowitz. Cambridge, MA: Blackwell, 1990.*

20. *M. porter competitive advantages of countries. London. 1990.*

УДК 330

КАРДАШОВА МАЯХАЛУН АБУ-ГАНИПОВНА

к.э.н. доцент кафедры «Экономика и управление в АПК» ФГБОУ ВО
«Дагестанский государственный аграрный университет им. М.М. Джамбулатова»,
e-mail: mayakhalun.kardashova@mail.ru

ДАЛГАТОВА ИЗАХАТ ДАЛГАТОВНА

аспирант кафедры «Экономика и управление в АПК»
ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный аграрный университет им. М.М. Джамбулатова»,
e-mail: dalgatova2012@mail.ru

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ТРАНСПОРТНОЙ ЛОГИСТИКИ

Предмет. Доля транспортных расходов в структуре ВВП — около 20 % — одна из самых высоких в мире. Без решения транспортных проблем потенциал роста экономики ограничен — до 3 % в год в ближайшие 5–7 лет, что актуализирует тему настоящего исследования. Предметом исследования выступают особенности развития транспортной логистики в России. **Цели.** Целью настоящей работы является исследование основных причин низкого уровня развития транспортной логистики региона, анализ состояния развития транспортной логистики в России и выявление основных перспектив его развития. **Методология.** С помощью экономических методов проанализировано состояние транспортной логистики региона. Обозначены основные проблемы низкого уровня развития транспортной логистики региона. **Результаты.** Выявлено, что сегодня автоматизация информационных потоков, сопровождающих грузовые потоки, — это один из наиболее существенных технических компонентов транспортной логистики. Создание транспортного холдинга обусловлено большим потоком грузов пассажиров в районах сосредоточения торговых комплексов и самим местоположением города на территории региона. Но вместе с тем есть определенные положительные сдвиги, так как в настоящее время Россия в рейтинге логистических систем стран мира занимает 95-е место, находясь между такими государствами, как Гвинея-Биссау и Того. Присвоение ранга осуществляется на основании интегрированной оценки по следующим показателям: система прозрачности и контроля в таможенных процедурах — 79-е место; конкурентное ценообразование, качество логистики и компетенций — 92-е место; своевременность доставки — 94-е место; транспортная инфраструктура — 97-е место. **Выводы.** Сделан вывод о том, что в настоящее время российский рынок транспортно-логистических услуг находится в состоянии активного формирования и развития. Темпы роста высоки и стабильны по сравнению с мировым рынком, однако ниже, чем в странах-лидерах — США и Китае. По сравнению с мировым рынком существует отставание, связанное с существованием значительных препятствий развитию. Такими препятствиями являются: высокий уровень логистических издержек, непрозрачность рынка, усиливающая конкуренция со стороны иностранных компаний, высокий уровень затрат на начало деятельности или переход в другой сегмент деятельности. Характерной особенностью российской контрактной логистики является недостаточное предложение услуг, в связи с чем непрофильные организации вынуждены самостоятельно выстраивать логистические структуры. Таким образом, рынок транспортно-логистических услуг, являясь инструментом организации международного разделения труда, в настоящее время не развит на достаточном уровне, однако присутствуют все предпосылки для его становления.

Ключевые слова: логистика, логистические системы, транспортная логистика.

KARDASHOVA MAYAKHALOON ABU-GANIPOVNA
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of "Economics and Management
of the AIC" of FSBEI of HE "Dagestan State Agrarian University named after M.M. Jambulatov",
e-mail: mayakhalun.kardashova@mail.ru

DALGATOVA IZAKHAT DALGATOVNA
Doctoral Student of the Department of "Economics and Management of the AIC" of FSBEI of HE
"Dagestan State Agrarian University named after M.M. Jambulatov",
e-mail: dalgatova2012@mail.ru

PROSPECTS OF DEVELOPMENT OF TRANSPORT LOGISTICS

Subject. The percentage of transportational expenses in the structure of the GDP is approximately 20% which is one of the highest in the world. Without solving transportational problems the potential of growth of the economy is limited - up to 3% per year in the next 5-7 years which makes the topic of the present study relevant. The subject of the study are the typical features of development of the transportational logistics in Russia. *Goals.* The goal of the present paper is a study of the main reasons for the low level of development of transportational logistics of the region, an analysis of the state of development of transportational logistics in Russia, and finding the main prospects of its development. *Methodology.* Using economic methods we have analyzed the state of the transportational logistics of the region. The main problems of low level of development of the transportational logistics of the region have been identified. *Results.* It has been identified that today automatization of informational streams accompanying cargo streams is one of the most significant technical components of transportational logistics, and creating the transport holding is due to a large stream of passenger load in the areas of concentration of trading centers and the location of the city itself on the territory of the region. But, at the same time, there are certain positive improvements because at the present moment Russia is taking the 95th place in the rating of logistic systems of world countries staying between such countries as Guinea-Bissau and Togo. The rank is given based on an integrated evaluation according to the following indicators: the system of transparency and control in customs procedures is on the 79th place; competitive price formation, the quality of logistics and competencies is the 92nd place; the timeliness of delivery is the 94th place; transport infrastructure is the 97th place. *Conclusions.* A conclusion has been made that at the present moment Russian market of transport-logistics services is in the state of active formation and development. The speed of growth is high and stable compared with the world market, however, it is lower than in the countries-leaders - the USA and China. Compared with the world market there is a lag related to the existence of significant obstacles of development. These obstacles are the following: the high level of logistic expenses, the non-transparency of the market, the strengthening competition from foreign companies, a high level of expenditures at the beginning of the operations or at the moment of transitioning into a different segment of activity. The characteristic feature of Russian contract logistics is an insufficient supply of services due to which incidental in this field organizations are forced to independently build logistics structures. Therefore, the market of transportational-logistics services is a tool of organization of international division of labor, and is at the present moment not developed at a necessary level, however, there are all the prerequisites available for its establishment.
Keywords: logistics, logistic systems, transportational logistics.

В настоящее время Россия в рейтинге логистических систем стран мира занимает 95-е место, находясь между такими государствами, как Гвинея-Биссау и Того. Присвоение ранга осуществляется на основании интегрированной оценки по следующим показателям: система прозрачности и контроля в таможенных процедурах — 79-е место; конкурентное ценообразование, качество логистики и компетенций — 92-е место; своевременность доставки — 94-е место; транспортная инфраструктура — 97-е место (показатель LPI [1]).

Доля транспортных расходов в структуре ВВП — около 20 % — одна из самых высоких в мире. Без решения транспортных проблем потенциал роста экономики ограничен — до 3 % год в ближайшие 5–7 лет.

По состоянию на 2015 год средний уровень загрузки грузового автомобильного транспорта составил 24 %. На основании более чем 18 000 произведенных замеров зафиксирована следующая структура загрузки грузового автомобильного транспорта: 56 % ТС полностью пустые, 44 % — с грузом. Более 80 % подвижного состава (грузовой автомобильный транспорт), сле-

дующего по направлению из Сибирского и Дальневосточного федеральных округов, не имеют загрузки. Данная ситуация обусловлена как существующей системой производства и распределения продукции, так и технологическими проблемами. К последним относятся: отсутствие качественной логистической инфраструктуры, позволяющей осуществлять переформирование грузовых потоков в регионах, а также низкий технологический уровень используемого подвижного состава (например, крайне редкое применение кузовов транспортных средств с конструкцией *double decker* [3]). Низкая пропускная способность, качество дорожного покрытия и инфраструктуры на федеральных трассах, связывающих дальневосточный регион с центральной частью России, не позволяют российским логистическим и транспортным предприятиям выйти на международный рынок транзитной доставки грузов из Юго-Восточной Азии в Европу.

Плотность автомобильных дорог с твердым покрытием в России составляет 47 м на кв. км. В то время как в КНР — 320, в Индии — 525, ФРГ — 1848.

Приведенные показатели транспортной работы при доставке товаров народного потребления в 1,7 раза превышают показатели в ЕС. Это обусловлено неэффективной системой распределения грузопотоков при доставке продукции из Юго-Восточной Азии в регионы Российской Федерации [4].

Так, например, груз, доставляемый железнодорожным транспортом из КНР в Москву, попадает через 1–2 месяца в Забайкалье, в том числе с использованием грузового автомобильного транспорта.

Таким образом, при одинаковом объеме доставляемой продукции транспортная работа увеличивается в 1,5–1,7 раза за счет увеличения расстояния доставки.

Транспортная логистика — это система по организации доставки, а именно по перемещению каких-либо материальных предметов, веществ и пр. из одной точки в другую по оптимальному маршруту.

Оптимальным считается маршрут, по которому возможно доставить логистический объект в кратчайшие сроки (или предусмотренные сроки) с минимальными затратами, а также с минимальным вредом для объекта доставки.

Помимо применения прогрессивной технической базы, при создании принципиально новой технологии необходимо осуществить комплекс следующих организационно-технологических мероприятий:

1. Разработать унифицированную для всех видов транспорта систему кодирования грузов, грузоотправителей и грузополучателей, вагонов и других транспортных средств.

2. Построить банки данных из нормативно-справочной и оперативной информации в ВС станции, ИВЦ и ГВЦ, которые будут содержать всю информацию, необходимую для решения задач автоматизации грузовых и коммерческих операций.

Главный принцип бездокументной технологии грузовой и коммерческой работы при осуществлении перевозочного процесса состоит в том, что с момента поступления грузов на железную дорогу до момента выдачи вся необходимая информация находится в памяти ЭВМ.

Процесс перемещения грузов по железной дороге моделируется движением данных по массивам памяти на станциях отправления, назначения, сортировочных станциях в ИВЦ и ГВЦ МПС, т. е. строится глобальная динамическая модель движения материального потока.

Динамическая информационная модель в начале строится на станции отправления с передачей данных в ИВЦ дороги отправления. При передаче груза на станцию назначения формируется информационная модель его переработки в РЦ станции по элементам технологического процесса. Помимо этого, в ГВЦ строится динамическая информационная модель по элементам транспортной сети для дорог, сортировочных и грузовых станций. Исходя из этого идея бездокументной технологии состоит в обеспечении синхронизации процессов перемещения грузов по транспортной сети и данных о грузе в динамической информационной модели, что отвечает идеям логистики [1].

Гипотетическая бездокументная технология обслуживания материальных потоков и сопровождающих информационных потоков проводится следующим образом.

Заявка на перевозку груза в виде запроса передается отправителем по каналам связи ВЦ станции. При получении визы на перевозку в памяти ЭВМ записывается информация о грузе.

Движение информации по мере обслуживания материального потока на грузовой станции может осуществляться по принципу «сдвигающего регистра».

Груз доставляется на транспортно-складской комплекс. После его приема и размещения в зоне хранения информация о грузе вновь передается оператором в ВЦ станции, сравнивается с записями и при их совпадении поступает в следующий массив памяти — «Ожидание погрузки». С этого момента начинается электронный материальный учет принятого груза. Сигнал об изменении состояния груза передается в ЭВМ в виде кода. Дополнительная информация при приеме груза автоматически считывается с маркировки, нанесенной на груз в виде штрихкода.

Все погрузочно-разгрузочные и складские операции выполняются на транспортно-складском комплексе (ТСК) автоматически. Линейно-штриховой код позволяет осуществить автоматическое адресование грузов по секциям и ячейкам зоны хранения.

В момент начала погрузки в ЭВМ поступает сигнал, и информация о грузе передается из массива памяти «Ожидание погрузки» в массив «Погрузка». По сигналу завершения погрузки данные передаются из массива «Погрузка» в массив «Ожидание уборки». Автоматическое устройство считывает шифр-номер вагона, и информация через видеотерминал одновременно с сигналом об окончании погрузки передается в ЭВМ. Она дополняет информацию, ранее записанную в памяти. Если в вагон погружены мелкие отправки, то информация содержит перечень всех грузов, находящихся в вагоне, и является бездокументным аналогом вагонного места [3].

По сигналу об окончании уборки вагонов, поступившему от машиниста маневрового локомотива, информация о вагоне и грузе передается из массива «Ожидание уборки» в массив «Ожидание формирования». Здесь сигнал представляет номер вагона.

В итоге всей описанной процедуры завершается материальный учет грузов на ТСК. При выполнении операции по прямому варианту адресование грузов производится непосредственно из вагонов в автомобили по кратчайшему пути в соответствии с программой, которая обрабатывается ЭВМ. После завершения формирования поезда от бригады маневрового локомотива поступает в ЭВМ сигнал, по которому передается информация о грузе в следующий массив памяти «Ожидание отправления». После отправления состава, в котором находится вагон с принятым грузом, завершается бездокументный учет принятой отправки в ВЦ станции. Информация о нем стирается в оперативной памяти ЭВМ, но ее содержание переносится на долговременные носители информации, которые хранятся в архиве станции.

Если груз принимается на станции, где отсутствует ВЦ, то вся информация о последовательных стадиях обработки груза передается через интеллектуальный терминал в ВЦ коллективного пользования опорой грузовой станции. Моменты приема и отправления груза на станции погрузки и основные данные об отправке также передаются в ИВЦ дороги отправления и ГВЦ. Процесс ранжирования факторов при выборе вида транспорта представлен в таблице 1.

Таблица 1

Ранжирование факторов при выборе вида транспорта

№	Критерий (показатель)	Вид транспорта			
		Железнодорожный	Водный	Автомобильный	Воздушный
1	Затраты, связанные с транспортировкой	2-3	1-2	4	5
2	Время доставки	3	4	2	1
3	Надежность	2	4	1	3
4	Мощность	1	4	2	3
5	Доступность	2	4	1	3
6	Безопасность	3	4	1	2

Источник: Госстат РФ.

Направленность стратегии транспортной логистики — это процесс перемещения материального потока с минимальными затратами. В соответствии с основными правилами логистики такими направлениями могут быть:

1. предложение клиенту нужного товара;
2. обеспечение высокого качества товара и услуги;
3. получение заказчиком требуемого количества товара или услуги;
4. минимизация времени (быстрая поставка товара или доставка его ко времени, установленному заказчиком);
5. оптимизация маршрута доставки товара в указанное заказчиком место;
6. выбор наиболее выгодного места предоставления услуги или «выдачи» клиенту товара;
7. минимизация затрат.

Среди большого количества стратегий транспортной логистики, применяемых компаниями, можно выделить несколько видов базовых, наиболее широко используемых в бизнесе, позволяющих снизить:

8. операционные логистические издержки в конкретных логистических функциях;
9. логистические решения в отдельных функциональных областях и (или) логистических функциях по критерию минимума логистических издержек;
10. уровень запасов в логистической системе и т. д.

Основные составляющие стратегии улучшения качества логистического сервиса при транспортировке грузов:

11. сертификация фирменной системы управления качеством в соответствии с национальными и международными стандартами и процедурами, в частности со стандартом ISO 9000;
12. формирование системы управления качеством логистического сервиса;
13. разработка и использование логистических технологий поддержки функционального жизненного цикла продукта;
14. улучшение качества выполнения логистических операций (транспортировка, складирование, упаковка и т. д.);
15. создание системы логистической поддержки предпродажного и послепродажного сервиса и т. д.

Стратегия минимизации инвестиций в логистическую инфраструктуру реализуется путем:

16. оптимизации дислокации объектов инфраструктуры логистической системы;
17. оптимизации конфигурации логистических каналов или цепей;
18. реализации технологий логистического аутсорсинга;
19. расширения форм прямой доставки товаров клиентам, минуя промежуточное складирование и хранение;
20. использования складов общего пользования.

Пути решения основных проблем развития транспортной логистики:

1. Рассмотрение всех стратегий транспортной логистики позволяет подробнее рассмотреть процесс товародвижения и сделать конкретные выводы о ее достоинствах или недостатках, что, соответственно, приводит к определению расходов на доставку товаров и факторов, от которых они зависят.

2. Если расходы на доставку зависят от цены поставки, то необходимо принять решение о цене в пользу уменьшения расходов.

3. Все вышеизложенные проблемы приводят к тому, что при высокой стоимости горюче-смазочных материалов и величине фонда оплаты труда в 2–3 меньшей, чем в странах Центральной и Западной Европы, тарифы на перевозку грузов в России соответствуют тарифам в ЕС, что в свою очередь обуславливает завышенную стоимость любой продукции, производимой или реализуемой на территории нашей страны.

4. Автоматизация информационных потоков, сопровождающих грузовые, — это один из наиболее существенных технических компонентов логистики.

5. Современные тенденции управления информационными потоками состоят в замене бумажных перевозочных документов электроники.

6. При бездокументной технологии традиционные методы выполнения грузовых и коммерческих операций на станциях отправления, прибытия и в пути следования стали анахрониз-

мом — они являются барьером на пути создания принципиально новых технологий перевозочного процесса.

7. Предпринимаются попытки упрощения перевозочных документов грузовых тарифов, системы взаимных расчетов за перевозки между отправителями, получателями и транспортными организациями. Но, по сути дела, устаревшую технологию коммерческой работы накладывают на современные технические средства автоматизации;

8. Создание транспортного холдинга обусловлено большим потоком грузов пассажиров в районах сосредоточения торговых комплексов и самим местоположением города на территории региона;

9. Доставка грузов до рынка и с рынка в различные регионы, включая Россию, не оптимизирована для заказчика. Следовательно, услуги, позволяющие без лишних проблем доставить груз в любую точку по маршруту любой сложности с максимальной эффективностью, будут иметь спрос;

10. Стратегия развития транспортно-логистического комплекса должна идти по пути создания крупных транспортно-логистических холдингов. Это обусловлено необходимостью удовлетворения потребностей клиентов в транспортно-логистическом обслуживании на новом качественном уровне. Такие холдинги имеют возможность внедрять инновации, требующие значительных капитальных вложений и дающие возможность применять современные технологические процессы;

11. Транспортно-логистический холдинг должен быть клиентоориентированным, что требует применение маркетинговых стратегий консалтинговых услуг для клиентов, требующих дальнейшей разработки. Его организация должна соответствовать современным требованиям управления транспортными системами.

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что в настоящее время российский рынок транспортно-логистических услуг находится в состоянии активного формирования и развития. Темпы роста высоки и стабильны по сравнению с мировым рынком, однако ниже, чем в странах-лидерах — США и Китае. По сравнению с мировым рынком существует отставание, связанное с существованием значительных препятствий развития. Такими препятствиями являются: высокий уровень логистических издержек, непрозрачность рынка, усиливающаяся конкуренция со стороны иностранных компаний, высокий уровень затрат на начало деятельности или переход в другой сегмент деятельности. Характерной особенностью российской контрактной логистики является недостаточное предложение услуг, в связи с чем непрофильные организации вынуждены самостоятельно выстраивать логистические структуры.

Таким образом, рынок транспортно-логистических услуг, являясь инструментом организации международного разделения труда, в настоящее время не развит на достаточном уровне, однако присутствуют все предпосылки для его становления.

Литература

1. Хасбулатов Р. И. *Мировая экономика: В 2 т. Т.1* / Хасбулатов Р. И. — М.: ЗАО «Издательство Экономика», 2015. — С. 106.
2. *Объем и структура российского рынка транспортно-логистических услуг* / РБК. — 2014. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.rbc.ru/reviews/transport2013/chapter_1.shtml, свободный. — Загл. с экрана (дата обращения: 23.12.2014).
3. *Транспорт и логистика. Грузы в рост* / РБК daily. — 2014. — 29 марта [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rbcdaily.ru/industry/562949983394100>, свободный. — Загл. с экрана (дата обращения: 23.12.2014).
4. Мальцева-Гринфельд Я. *Вицерь и ввысь* / Маркетинг-журнал 4p.ru. — 2014. — 8 октября [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.4p.ru/main/research/131751/>, свободный. — Загл. с экрана (дата обращения — 23.12.2014).
5. Беспалов Р. С. *Транспортная логистика. Новейшие технологии построения эффективной системы доставки* / Беспалов Р. С. — М.: «Вершина», 2014. — С. 317.

References:

1. Khasbulatov R. I. *World economy: Vol.1* / Khasbulatov R. I. M.: JSC «Publishing house Economy». 2015. S. 106.
2. *Volume and structure of the Russian market of transport and logistics services* / RBC. 2014 [An electronic resource]. Access mode: http://www.rbc.ru/reviews/transport2013/chapter_1.shtml, free. Heading from the screen (date treatment: 12.23.2014).
3. *Transport and logistics. Loads in the growth* / RBC daily. 2014, March 29 [An electronic resource]. Access

mode: <http://www.rbcdaily.ru/industry/562949983394100>, free. Heading from the screen (date treatment: 12.23.2014).

4. Malisev-Greenfield Ya. Breadth and up / Marketing magazine 4p.ru. 2014, 8 October [An electronic resource]. Access mode: <http://www.4p.ru/main/research/131751/>, free. Heading from the screen (date treatment: 23.12.2014).

5. Bespalov R. S. Transport logistics. Latest technology of building an effective delivery system / Bespalov R. S. M.: «Тор». 2014. S. 317.

КИЯНИЦЫНА ЛИЛИЯ НИКОЛАЕВНА

аспирант кафедры «Экономика» ФГБОУ ВО «Югорский государственный университет»,
e-mail: kiyanitsyna@yandex.ru

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ И ПРОГНОЗ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТОВ МЕДИЦИНСКОГО СТРАХОВАНИЯ В РЕГИОНЕ (НА ПРИМЕРЕ ХМАО – ЮГРЫ)¹

Аннотация. Совершенствование институтов медицинского страхования в регионах предполагает, прежде всего, проведение всесторонней оценки эффективности развития данных институтов на современном этапе. В связи с чем исследование эффективности институтов медицинского страхования, актуально рассмотреть через оценку социально-экономических критериев и показателей эффективности деятельности здравоохранения, которые напрямую соотносятся с деятельностью каждого института медицинского страхования. Функционирование институтов медицинского страхования в последние годы сопровождалось постоянным реформированием, что привело в определённой степени к изменению и перерождению содержания сущности этих институтов. Результаты исследования по оценке эффективности сформировавшихся институтов медицинского страхования на современном этапе позволили оценить и спрогнозировать пути их развития. На примере ХМАО-Югры в статье проведена оценка эффективности развития институтов медицинского страхования, в т. ч. институтов обязательного медицинского страхования (государственные гарантии оказания гражданам бесплатной медицинской помощи, обеспечение прав граждан в системе медицинского страхования, контроль качества медицинской помощи, стандарты оказания медицинской помощи, тарифы оплаты в системе ОМС, одноканальное финансирование через систему ОМС, стимулирование эффективности использования производственных и финансовых ресурсов, «свобода выбора врача») и добровольного медицинского страхования. Также выявлено влияние особенностей региона на эффективность институтов медицинского страхования в части реализации одного из основных принципов ОМС и ДМС «доступность и качество медицинской помощи». В статье представлен прогноз развития институтов медицинского страхования в краткосрочном, среднесрочном и долгосрочном периодах развития.

Ключевые слова: институт медицинского страхования, оценка, эффективность, прогноз, развитие, ХМАО – Югра.

KIYANITSINA LILIYA NIKOLAEVNA

Doctoral Student of the Department of "Economics" of FSBEI of HE "Ugra State University",
e-mail: kiyanitsyna@yandex.ru

EVALUATION OF EFFECTIVENESS AND FORECAST OF DEVELOPMENT OF INSTITUTES OF MEDICAL INSURANCE IN THE REGION (USING THE EXAMPLE OF KHMAD-UGRA)

Abstract. Improving institutes of medical insurance in the regions assumes, first and foremost, performing a comprehensive evaluation of effectiveness of development of these institutes at the modern stage of development. In connection with this, a discussion about a study of effectiveness of institutes of medical insurance should be considered relevant when performed through an evaluation of social-economic criteria and indicators of effectiveness of activity of health care that

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект «Ретроспектива, специфика и прогнозирование эволюции экономических институтов ресурсодобывающего региона (на примере Ханты-Мансийского автономного округа – Югры)», грантовое соглашение (договор) № 15-12-86001/16/10/16-ЮГУ-088 от 12.04.2016 г. и Департамента образования ХМАО-Югры, грант на выполнение в 2016 г. работ по научному проекту № 15-12-86001 «Ретроспектива, специфика и прогнозирование эволюции экономических институтов ресурсодобывающего региона (на примере Ханты-Мансийского автономного округа – Югры)», договор № 07/16.0244-10/16-ЮГУ-171 от 03.08.2016 г.

directly correspond to the activity of each institute of medical insurance. The functioning of institutes of medical insurance in the recent years has been accompanied by continuous reforming which led, to a certain degree, to changes and transformations of the essence of these institutes. The results of the study of evaluating the effectiveness of the already formed institutes of medical insurance at the modern stage permitted to evaluate and forecast the ways of their development. Based on an example of KhMAD-Ugra, the manuscript has evaluated the effectiveness of development of institutes of medical insurance including institutes of mandatory medical insurance (state guarantees of providing citizens with free medical assistance, ensuring citizen rights have been provided for in the system of medical insurance, control of quality of medical help, standards of providing medical help, fees for payments in the system of mandatory medical insurance, one-channel financing through the system of the mandatory medical insurance, stimulating effectiveness of use of production and financial resources, "freedom of choosing doctors") and voluntary medical insurance. The impact of typical features of the region on effectiveness of institutes of medical insurance in the area of implementing one of the main principles of the mandatory and voluntary medical insurance, that is "access and quality of medical assistance", has also been identified. The manuscript presents a forecast of development of institutes of medical insurance in the short-term, mid-term and long-term periods of development.

Keywords: institute of medical insurance, evaluation, effectiveness, a forecast, development, KhMAD-Ugra.

Оценка эффективности развития институтов медицинского страхования в регионах приобретает особую актуальность для совершенствования методов рационального и эффективного взаимодействия субъектов и участников системы медицинского страхования, в особенности системы обязательного медицинского страхования (ОМС). Несмотря на то что в последние годы прилагаются активные усилия улучшения финансового состояния здравоохранения, многие проблемы остаются нерешёнными, в т. ч. и в силу незавершённости институциональных преобразований в отрасли. Экономический кризис обострил и наглядно продемонстрировал слабые стороны российской системы здравоохранения, заставил острее поставить вопрос о необходимости продолжения начатых реформ, направленных на повышение доступности и качества медицинской помощи, результативности использования выделяемых отрасли государственных ресурсов и эффективности используемых институтов медицинского страхования. По мнению экспертов в области здравоохранения [1, 12], переход отрасли на преимущественно одноканальное финансирование через систему обязательного медицинского страхования и использование соответствующих институтов медицинского страхования является одной из ключевых составляющих реформирования системы. Также специалистами здравоохранения [8,14] отмечено, что на сегодняшний день отсутствует общепринятая комплексная система оценки деятельности институтов медицинского страхования и законодательно не установлены ключевые критерии эффективности функционирования данного института. Такая ситуация объясняется, как считают исследователи в области медицины [2, 13], отличительной особенностью института медицинского страхования в России — его региональной дифференциацией.

В данном исследовании оценка эффективности институтов медицинского страхования проводилась с использованием социально-экономических критериев и показателей эффективности деятельности организаций здравоохранения, разработанных на кафедре социологии медицины и экономики здравоохранения ФУЗ ММА им. И.М. Сеченова [11].

В Ханты-Мансийском автономном округе – Югре институты медицинского страхования более двадцати лет находились в стадии становления и полноценно начали функционировать только с 2012 г. Конечно, такой непродолжительный период недостаточен для объективного анализа и оценки итогов реализации задуманного. Тем не менее нами были предприняты попытки прямой оценки эффективности институтов медицинского страхования путём анкетного опроса государственных и частных медицинских организаций.

Всего в опросе приняло участие 71 медицинская организация со следующей формой собственности: 59 — государственная; 1 — общественная; 5 — федеральная; 6 — частная. В опросе участвовали медицинские организации Ханты-Мансийского, Сургутского, Нефтеюган-

ского, Нижневартовского, Октябрьского, Белоярского, Березовского, Советского и Кондинского районов (рис. 1).

По географическому распределению большая часть опрошенных респондентов находилась в Сургуте и Нижневартовске, всего приняло участие в анкетировании 773 респондента.

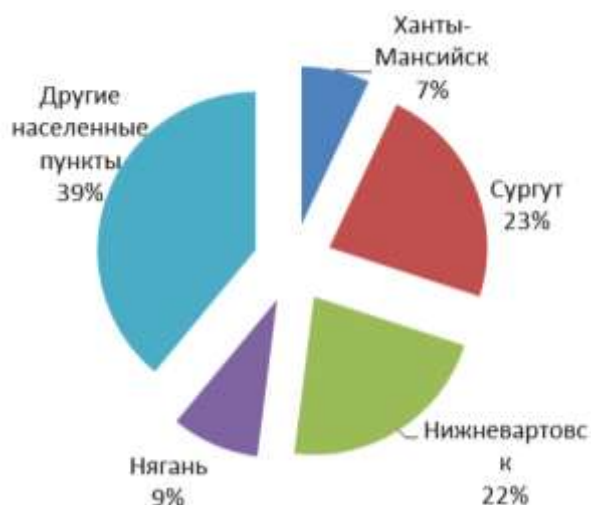

Рис. 1. Структура опрошенных компаний по географическому расположению

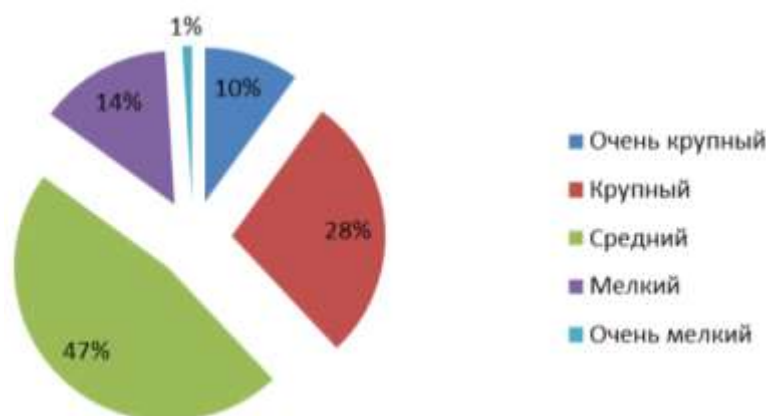

Рис. 2. Структура опрошенных медицинских организаций по размеру

По размерам стоит отметить, что большая часть медицинских организаций относит себя к крупным и средним (рис. 2).

Большая часть респондентов опроса — руководители медицинских организаций, заместители руководителя, заведующие структурными подразделениями; с учётом компетентности опрашиваемых, можно предположить о высокой достоверности полученных ответов при оценке эффективности институтов медицинского страхования в ходе проведённого анкетирования. Итак, переходим к результатам анкетирования.

По мнению органа исполнительной власти округа в области здравоохранения [4], переход отрасли на одноканальное финансирование через систему ОМС и внедрение в медицину институтов медицинского страхования позволит улучшить качество жизни и здоровья населения региона. Тем не менее большинство опрошенных, придерживается обратной точки зрения. На вопрос «Будет способствовать улучшению качества жизни и здоровья населения округа переход отрасли здравоохранения на преимущественно одноканальное финансирование через систему ОМС?» ответы распределились следующим образом: да — 9%; скорее да, чем нет — 19%; скорее нет, чем да — 33%; нет — 28% и затруднились ответить — 11% (рис. 3). Таким образом, 61% респондентов считают, что институт одноканального финансирования через систему ОМС (институт обязательного медицинского страхования) не будет повышать качество жизни и здоровья населения округа, влияние данного института останется нейтральным.

Рис. 3. Структура ответов на вопрос «Будет способствовать улучшению качества жизни и здоровья населения округа переход отрасли здравоохранения на преимущественно одноканальное финансирование через систему ОМС?»

Наиболее важным показателем эффективности, которым характеризуется институт медицинского страхования – Территориальная программа государственных гарантий (ТПГГ) оказания гражданам бесплатной медицинской помощи на территории ХМАО – Югры, по мнению 66% респондентов является наличие условий, обеспечивающих доступность медицинской помощи всем категориям граждан, что характеризует данный институт, как востребованный гражданами. 34% опрошенных отмечают также такой показатель эффективности данного института, как определение соотношения платной и бесплатной для населения помощи, обеспечивающего социальный норматив потребления медицинских услуг как состоятельными, так и слабо социально защищёнными слоями населения и 25% считают, что через ТПГГ успешно реализуется органами власти региона функции гаранта соблюдения всеобщего социально-экономического интереса общества — улучшения здоровья населения.

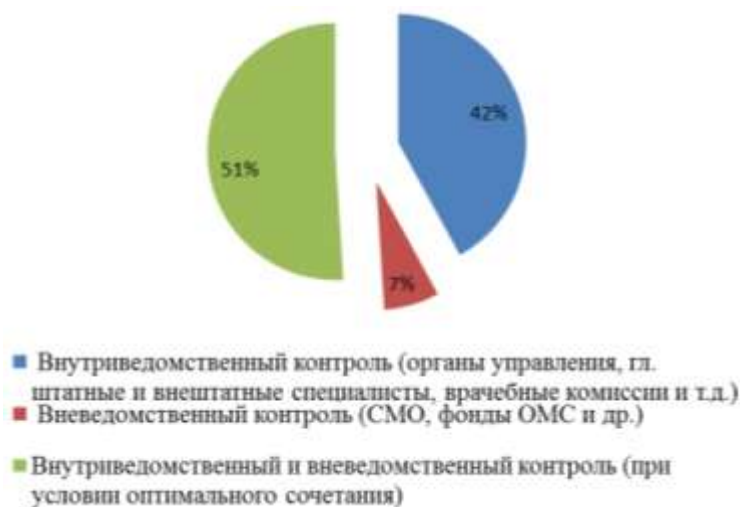
Развитие институтов медицинского страхования сопровождается рядом мероприятий, способствующих реализации системы медицинского страхования. По мнению 41% участников опроса данные мероприятия в большей степени направлены на достижение оптимального сочетания социальных и экономических целей, однако 19% опрошенных считают, что развитие институтов медицинского страхования не содействуют достижению ни одной из целей здравоохранения. Остальные респонденты разделились следующим образом: 11%, считают, что способствуют достижению только социальных целей здравоохранения, 19% отметили, что способствуют достижению только экономических целей, 10% затруднились ответить.

Несмотря на обширную программу государственных гарантий по оказанию бесплатной медицинской помощи на территории ХМАО – Югры, как было отмечено выше, большинство респондентов считают, что дальнейшее развитие реформирования здравоохранения будет способствовать развитию института платных услуг в медицине. Так, 19% и 29%, соответственно, ответили «да» и «скорее да, чем нет», остальные респонденты разделились следующим образом: «скорее нет, чем да» — 26%; «нет» — 11% и затруднились ответить 15%.

Такой институт, как контроль качества оказания медицинской помощи, представленный в виде вневедомственного контроля со стороны страховых медицинских организаций, территориальных Фондов обязательного медицинского страхования, является на сегодняшний день неотъемлемой частью функционирования института медицинского страхования и ключевым с точки зрения экспертизы качества оказания медицинской помощи и медико-экономического контроля, но по результатам опроса большая часть медицинского окружного сообщества считает, что использование только этого инструмента неэффективно. Преобладающим действенным инструментом оценки качества оказания медицинской помощи является оптимальное сочетание внутриведомственного и вневедомственного контроля (рис. 4). Абсолютно все опрошенные считают, что институт контроля качества медицинской помощи более, чем востребован, необходимо только определиться с наличием правильных инструментов, используемых при оценке качества медицинской услуги.

Неожиданными получились результаты анкетирования по вопросу перспективы развития

института добровольного медицинского страхования на территории автономного округа. При изучении данного вопроса нами неоднократно делался акцент, на малоразвитость добровольного медицинского страхования в ХМАО – Югре в связи с проблемами доступности данного продукта на страховом рынке для физических лиц.

Рис. 4. Структура ответов на вопрос «Какой инструмент оценки качества оказания медицинской помощи более действенный»

Однако 57% опрошенных респондентов считают перспективным направлением — развитие института добровольного медицинского страхования на территории автономного округа, 31% считает данное направление неперспективным, и 10% затруднились ответить. Респонденты, ответившие, что данный институт не перспективен, объяснили свою позицию наличием финансово ёмкой программы ТПГГ.

При оценке эффективности института реализации прав граждан в системе ОМС, которые применяются Территориальным фондом ОМС для повышения доступности и качества медицинской помощи, было использовано семь инструментов. Респондентам было предложено оценить по пятибалльной шкале, насколько эффективны эти инструменты, где 5 — наиболее эффективный инструмент, 1 — наименее эффективный инструмент, 0 — абсолютно неэффективный инструмент. Результат приведён в табл. 1.

Анализируя полученные результаты, самыми эффективными в качестве инструмента этого института были выбраны: рассмотрение обращений граждан; рассмотрение жалоб граждан и информирование граждан о правах в системе ОМС (более 30%). Абсолютно неэффективными инструментами признаны: проведение социологических опросов с целью оценки удовлетворённости качеством медицинской помощи и защита прав граждан в суде. Наименее эффективным инструментом считается медико-экономический контроль. Остальные инструменты получили среднюю оценку эффективности использования.

Говоря об эффективности института оплаты в системе медицинского страхования (тарифы ОМС), стоит отметить, что в регионах используются различные методы оплаты и единого подхода к оценке эффективности того или иного тарифа оплаты оказанных медицинских услуг нет. Решение о выборе конкретного метода оплаты в системе ОМС региональные власти принимают самостоятельно с учётом мнения территориального фонда обязательного медицинского страхования. Исследование в нашем регионе показало, что, по мнению югорских медиков, самым эффективным институтом оплаты медицинских услуг, является оплата за произведённые медицинские услуги (за законченный случай) (рис. 5).

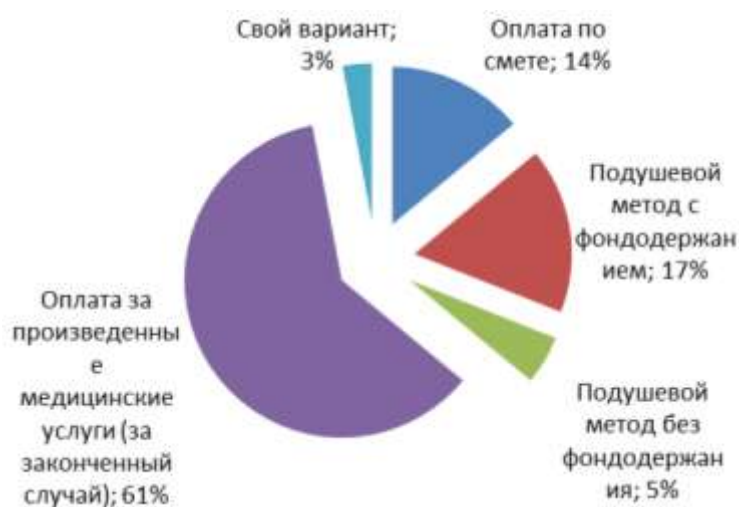
Дополнительным вопросом к эффективности института оплаты медицинских услуг был вопрос «Насколько процентов утверждённые тарифы оплаты медицинской помощи в округе отражают реальную себестоимость оказываемых медицинских услуг». Как распределились ответы респондентов показано в табл. 2.

Таблица 1

**Оценка эффективности института реализации прав граждан
в системе ОМС, его инструментов**

№	Инструменты института медицинского страхования	Оценка в баллах					
		0	1	2	3	4	5
	Рассмотрение обращений граждан, %	5	13	4	16	18	31
	Рассмотрение жалоб граждан, %	6	13	6	14	17	32
	Рассмотрение спорных случаев по защите прав граждан в досудебном порядке, %	7	11	6	16	17	29
	Защита прав граждан в суде, %	12	13	6	19	12	21
	Осуществление контроля объёмов и качества медицинской помощи в системе ОМС, в т. ч.:						
5.1.	Медико-экономический контроль, %	7	18	7	12	20	24
5.2.	Медико-экономическая экспертиза страховых случаев, %	7	17	7	12	20	25
5.3.	Экспертиза качества медицинской помощи, %	8	15	5	13	20	27
	Проведение социологических исследований (опросов) с целью оценки удовлетворённости качеством медицинской помощи, %	13	17	7	16	17	19
	Информирование граждан о правах в системе ОМС, %	6	13	6	13	18	32

Рис. 5. Структура оценки эффективности института оплаты медицинских услуг в системе медицинского страхования (тарифы ОМС)

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос полноты тарифа ОМС

Варианты ответа, %	Количество респондентов, чел.	Количество ответов, %
90–100	41	5
70–89	222	29
50–69	250	32
Менее 50	143	19
Затрудняюсь ответить	117	15

Большинство респондентов (32%) уверены, что тарифы оплаты медицинской помощи всего лишь на 50–69% соответствуют реальной себестоимости, и только небольшое количество респондентов (5%) утверждают, что данный тариф приближен на 90–100% к себестоимости медицинских услуг.

Оценка эффективности института одноканального финансирования через систему ОМС, т. е. финансирование преимущественно через систему ОМС, его влияние на изменение показателей критериев эффективности здравоохранения региона, показала, что такие критерии, как доступность, своевременность, качество медицинской помощи, способность системы реагировать на меняющиеся потребности общества и достоверность показателей, по мнению преобладающего числа опрошенных, не повлияли (табл. 3).

Сопоставление данных показателей позволяет также определить, что эффективность института одноканального финансирования в системе медицинского страхования по мнению 1/3 части опрошенных снижается, более 40% уверены, что эффективность реформирования нулевая, и оставшаяся часть анкетированных убеждены в увеличении эффективности данного института.

Таблица 3

Оценка эффективности института реформирования оплаты медицинских услуг

№ п/п	Наименование показателя	Оценка показателя, %		
		снижается	увеличивается	не изменяется
1	Доступность	26	27	39
2	Своевременность	23	22	46
3	Качество медицинской помощи	27	25	39
4	Способность системы реагировать на меняющиеся потребности общества	23	23	45
5	Достоверность показателей	19	19	52

При оценке эффективности институтов медицинского страхования нельзя обойти стороной вопрос, связанный с оценкой института финансового состояния медицинских организаций, который характеризуется определёнными финансовыми показателями (табл. 4). На данный вопрос ответили всего 85% респондентов от общего количества опрашиваемых, остальная часть (15%) затруднилась ответить на данный вопрос. Респонденты отметили, что финансирование за счёт средств ХМАО имеет определённые преимущества, чем финансирование за счёт средств ОМС. Так, по данным табл. 4 своевременность выполнения обязательств, показатель ликвидности и финансовая устойчивость будет выше при условии финансирования из средств бюджета округа, однако также отмечают, что такие показатели, как деловая активность и эффективность использования ресурсов (38% и 50% соответственно) имеют высокий уровень при финансировании из средств ОМС.

Таблица 4

Оценка эффективности использования финансовых ресурсов (ответы респондентов, %)

Наименование показателя	Финансирование за счёт средств бюджета ХМАО			Финансирование за счёт средств ОМС		
	Высокий	Низкий	Средний	Высокий	Низкий	Средний
Своевременность выполнения обязательств, %	54	6	25	14	39	32
Показатель ликвидности, %	52	6	27	11	40	34
Финансовая устойчивость, %	49	9	27	8	46	31
Деловая активность, %	12	43	30	38	14	33
Эффективность использования ресурсов, %	15	42	28	50	5	30

Следующим этапом исследования значилась оценка экономической эффективности использования производственных ресурсов организации (рис. 6). Респонденты отмечают, что с реформированием этого института повышется уровень целевого и рационального использования коечного фонда (16% и 23% соответственно), сокращается простой койки (19%), сокращаются сроки госпитализации (51%), оптимизируется коечный фонд (18%), повышается уровень рационального использования финансовых средств (отметили 28%). Также 22% считают, что увеличивается производительность труда медицинского персонала.

Рис. 6. Структура оценки использования производственных ресурсов организации

Основная идея реформы здравоохранения, в частности реформирования институтов медицинского страхования, заключается, прежде всего, в создании конкурентной среды в сфере здравоохранения. Необходимо добиваться такого состояния здравоохранения, когда и государственные и частные медицинские организации смогут наравне конкурировать в системе обязательного и добровольного медицинского страхования. Данные опроса показали, что в ХМАО – Югре присутствует монополярная государственная модель здравоохранения и отсутствует реальная рыночная конкуренция в системе медицинского страхования (ОМС и ДМС) среди медицинских учреждений, такого мнения придерживается 73% опрошенных, и 27%, однако, отметили, что такая конкуренция присутствует, но только частично, преимущественно в стоматологии (27%). В связи с этим отмечается и высокий процент (74%) отрицательных ответов о реализации на практике идеи института «свободы выбора врача» в медицинских учреждениях автономного округа.

Что касается влияния особенностей ХМАО – Югры на эффективность институтов медицинского страхования в части реализации одного из основных принципов ОМС и ДМС «доступность и качество медицинской помощи», то большая часть (62%), участвующих в опросе, отметили, что такое влияние имеется, при этом отмечали такую положительную осо-

бенность, как наличие финансово ёмкой ТППГ, при этом отрицательной особенностью озвучили крайне низкую плотность населённых пунктов, что не позволяет более эффективно использовать материально-техническую базу медицинского учреждения (содержание ФАПов в малонаселённых поселениях).

Институты обязательного медицинского страхования представляют собой совокупность взаимосвязанных, взаимодействующих и взаимообусловленных подсистем с разветвлённой инфраструктурой, непосредственно реализующих процесс обязательного медицинского страхования. Говоря о прогнозировании институтов медицинского страхования, стоит отметить о его революционном развитии на этапе постсоветского периода в нашей стране и, в особенности, на территории ХМАО – Югры. Немаловажным фактором является и то, что данный институт действует через органы государственной власти и управления. Все нормы, касающиеся функционирования институтов медицинского страхования, закреплены на законодательном уровне. Стратегия развития здравоохранения автономного округа [9] абсолютно полно раскрывает перспективы медицинского страхования в России, однако всё больше в профессиональном сообществе обсуждается вопрос о неутешительных итогах реформирования здравоохранения в части эффективности функционирования институтов медицинского страхования. Тем не менее, учитывая государственную политику в сфере здравоохранения, можно спрогнозировать развитие институтов медицинского страхования на уровне автономного округа.

По мнению Полтеровича [5], успех государственных реформ зависит от их подготовленности, выбора их последовательности и темпа. При этом важнейшая задача состоит в том, чтобы избежать институциональных ловушек, т. е. сформировать неэффективный институт. Нами в работе [17] отмечалось, что институт медицинского страхования в округе столкнулся с наличием таких институциональных ловушек, как «избыточность имущественного комплекса медицинских учреждений» и «невозможность установления единых страховых тарифов». Имея революционное происхождение (реформа здравоохранения), данный институт формировался на почве окрепшей старой модели функционирования медицины в округе. В результате большая часть институтов страховой медицины региона могут быть отторгнуты в связи с конфликтом формальных и неформальных институтов (культурная инерция) или переродиться, т. е. прижиться не в исходной форме (институты мутанты) либо стать полностью невостребованными (атрофироваться). Только те институты, которые не противоречат старой системе, успешно будут приняты и хорошо приживутся.

В связи с тем, что переходные нормы могут стать постоянно действующими и быть эффективными в краткосрочном периоде и неэффективными в долгосрочном периоде, логичнее рассмотреть прогноз развития институтов медицинского страхования ХМАО – Югры в краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной перспективе (табл. 5).

Разберём последовательно прогноз развития всех институтов медицинского страхования. Медицинское страхование сегодня делится на две основные группы — институт обязательного медицинского страхования и институт добровольного медицинского страхования.

ТППГ ХМАО – Югры, которая представляет собой институт государственных гарантий оказания гражданам бесплатной медицинской помощи в округе, имеет успешные перспективы развития. Институт принят потребителями и имеет положительную оценку.

Институт обеспечения прав граждан в системе медицинского страхования медленно, но успешно приживается в регионе и набирает определённые обороты. Правовая грамотность населения по вопросам получения бесплатной качественной медицинской помощи растёт. В округе за последние годы участились случаи обращения граждан по своим правам в системе ОМС в страховые медицинские организации и Территориальный фонд ОМС ХМАО – Югры (ТФОМС) [10]. Такая ситуация, обеспечивает позитивное развитие института в среднем и долгосрочном периодах развития.

Для института контроля качества прогнозируется положительный сценарий развития. Данный институт, имея государственную поддержку, успешно приживается и совершенствуется, поэтому прогноз развития позитивный.

Прогноз развития институтов медицинского страхования в ХМАО – Югре

Наименование института		Прогноз развития (эволюция сценария)	Краткосрочный сценарий развития	Среднесрочный сценарий развития	Долгосрочный сценарий развития
Институты обязательного медицинского страхования (ОМС)	Государственные гарантии оказания гражданам бесплатной медицинской помощи (доступность, своевременность, качество, достоверность показателей)	Принятие	Позитивный	Позитивный	Позитивный
	Обеспечение прав граждан в системе медицинского страхования	Принятие	Нейтральный	Позитивный	Позитивный
	Контроль качества медицинской помощи	Принятие	Нейтральный	Нейтральный	Позитивный
	Стандарты оказания медицинской помощи	Отторжение/ Принятие	Нейтральный	Позитивный	Позитивный
	Тарифы оплаты в системе ОМС	Принятие	Нейтральный	Нейтральный	Нейтральный
	Одноканальное финансирование через систему ОМС	Принятие	Нейтральный	Нейтральный	Нейтральный
	Стимулирование эффективности использования производственных ресурсов	Перерождение	Нейтральный	Нейтральный	Нейтральный
	Стимулирование эффективного использования финансовых ресурсов	Перерождение	Нейтральный	Нейтральный	Нейтральный
«Свобода выбора врача»	Атрофия	Негативный	Негативный	Негативный	
Институты ДМС	Добровольное медицинское страхование, в т. ч. платные медицинские услуги населению	Отторжение/ Принятие	Негативный	Нейтральный	Позитивный

Стандарты оказания медицинской помощи, неоднозначный институт медицинского страхования имеют много противоречий в законодательстве, практике применения. Момент формирования института сопровождался полным его отторжением в профессиональной медицинской среде, однако тарифы оплаты в системе ОМС в последние годы основываются на медико-экономических стандартах медицинской помощи, что влияет хоть и на нежелательное, но принятие этого института как необходимость функционирования механизма оплаты медицинских услуг. Учитывая данный факт, сценарий развития этого института позитивный.

Тарифы оплаты в системе ОМС, также имели неопределённую оценку на момент становления института в регионе, сегодня институт, несмотря на наличие признаков мутации, прижился и функционирует. Неэффективность данного института объясняется сложившимися институциональными ловушками «невозможности установления единых страховых тарифов» для всех медицинских организаций округа и «неполноты тарифов», т. е. тариф исходит не из реальной себестоимости, а основывается на наличие финансовых ресурсов в ТФОМС. В данной

ситуации прогноз развития нейтральный.

Институт одноканального финансирования через систему ОМС принят как функционирующий институт, но, тем не менее, имеет определённые проблемы развития. Момент становления института медицинского страхования сопровождался финансированием из средств бюджета округа (80%) и средств медицинского страхования (20%). Однако финансирование за счёт бюджета ХМАО – Югры практически покрывало все основные расходы государственных лечебных учреждений, в связи с чем средства ОМС воспринимались как дополнительный доход сверх бюджетных средств. Медицинские учреждения очень прохладно подходили к данному источнику финансирования. К переходу на одноканальное финансирование через систему ОМС здравоохранение региона было фактически не готово морально. «Зарабатывание» средств в системе ОМС воспринимается как навязанная сверху необходимость.

Институты стимулирования эффективности использования производственных и финансовых ресурсов имеют нейтральный прогноз развития. Эволюция сценария — перерождение. Направленность этих институтов — это оптимальное сочетание достижения социального и экономического эффекта. Для успешного решения этой задачи приходится искать новые пути, в т. ч. повышение технологичности в предоставлении услуг, развитие инновационных технологий и повышение экономической грамотности медицинских работников. Экономический кризис негативно скажется на функционировании этих институтов, в большей степени будет достигнут только экономический эффект.

Институт «свобода выбора врача» в ХМАО – Югре не функционирует. Все потребители медицинских услуг, как и ранее, закреплены за определённым амбулаторно-поликлиническим учреждением и соответствующим участком по адресу постоянного места проживания. Эволюция развития — атрофия, сценарий развития института — негативный.

И последний институт к рассмотрению — это платные медицинские услуги населению. На первоначальном этапе имеет признаки отторжения, следовательно, в краткосрочном периоде — негативный сценарий развития. Финансово ёмкая ТППГ не даст развиваться этому институту, но, имея неблагоприятный прогноз экономического развития региона и страны в целом, в среднесрочном периоде, при сокращении ТППГ, необходимость в платных медицинских услугах будет расти. В долгосрочном периоде прогноз развития института позитивный.

Обобщая анализ эффективности и прогнозирование развития институтов медицинского страхования, отметим, что прогноз эволюции институтов группы обязательного медицинского страхования определяется, прежде всего, государственной политикой в области здравоохранения. Данные институты в большом объёме имеют сформированную законодательную основу [6, 7, 15, 16] и принимаются населением региона как основной гарант получения бесплатной медицинской помощи. В совокупности развитие этой группы институтов в краткосрочном и среднесрочном периоде в большей степени нейтрально. В долгосрочной перспективе прогноз нейтральный, но остаются определённые сомнения о функционировании этого института в исходном виде. Уже сегодня государственные деятели поднимают вопрос о недостаточной эффективности институтов обязательного медицинского страхования и о возможности рассмотрении альтернативности системы медицинского страхования в виде медицинских сберегательных счетов [3]. Институт же добровольного медицинского страхования, в т. ч. и институт платных медицинских услуг, сегодня абсолютно не востребован среди граждан. По мнению специалистов, многие медицинские учреждения не обладают достаточной материально-технической базой для успешного оказания медицинской помощи в рамках полисов добровольного медицинского страхования либо платной медицинской деятельности [2]. Развитость этих институтов в регионе в краткосрочном периоде можно поставить под сомнение, однако, как показывает исследование, в долгосрочном периоде данные институты будут востребованы обществом.

Литература

1. Медицина как производство : к вопросу об оценке эффективности системы ОМС // Русский медицинский сервер [Электронный ресурс]. — URL : http://www.rusmedserv.com/zdrav/econom/article_31.html.
2. Модернизация здравоохранения : новая ситуация и новые задачи / Л.Д. Попович, Е.Г. Потапчик, С.К. Салахутдинова, Е.В. Селезнева, И.М. Шейман, С.В. Шишкин ; под ред. И.М. Шеймана, С.В. Шишкина. — М. : Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2016. — (Экономическая политика : между кризисом и модернизацией).

3. Назаров, В. С., Дэвис, К. М., Сисигина, Н. Н. Анализ зарубежного опыта использования медицинских сберегательных счетов и возможности их применения в Российской Федерации / В.С. Назаров, К.М. Дэвис, Н.Н. Сисигина. — М. : Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2015. — (Россия : вызовы модернизации. Экономика).
4. Переход учреждений здравоохранения ХМАО – Югры на преимущественно одноканальное финансирование через систему ОМС : доклад Департамента здравоохранения ХМАО – Югры. 2014.
5. Полтерович, В. М. Институциональные ловушки и экономические реформы // Экономика и математические методы. 1999. Т. 35. Вып. 2.
6. Постановление Правительства РФ от 23.01.1992 № 41 (ред. от 11.09.1998) «О мерах по выполнению Закона РСФСР О медицинском страховании граждан в РСФСР» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс].
7. Постановление Правительства ХМАО – Югры от 09.10.2013 № 414-п «О государственной программе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры Развитие здравоохранения на 2014–2020 годы» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс].
8. Проблема оценки эффективности системы обязательного медицинского страхования / Скобелин О.И. // Вестник финансового университета. 2011. № 6. С. 81–86.
9. Распоряжение Правительства ХМАО – Югры от 22.03.2013 № 101-рп (ред. от 26.09.2014) «О стратегии социально-экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа – Югры до 2020 года и на период до 2030 года» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс].
10. Реализация ТП ОМС в условиях перехода на преимущественно одноканальное финансирование здравоохранения : доклад ТФОМС ХМАО – Югры. 2014.
11. Социально-экономические критерии и показатели эффективности деятельности организаций здравоохранения / Н.Г. Шамишурина // ГлавВрач. 2006. № 7.
12. Специфика экономического анализа эффективности деятельности учреждений здравоохранения / А.И. Сагов // Экономические науки. 2012. № 2 (87). С. 104–109.
13. Стандартизация в здравоохранении. Преодоление противоречий законодательства, практики, идей / Н.Б. Найговзина, В.Б. Филатов, О.А. Бороздина, Н.А. Николаева. — М. : ГЭОТАР-Медиа, 2015.
14. Степанов, И. М. Разработка моделей оценки эффективности системы обязательного медицинского страхования / И.М. Степанов, К.И. Головицкий ; Высшая школа экономики. — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2011.
15. Федеральный закон от 29.11.2010 N 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс].
16. Федеральный закон от 21.11.2011 N 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс].
17. Эволюция, специфика и институциональные ловушки института медицинского страхования в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре / Кияницына Л.Н. // Региональные проблемы преобразования экономики. 2015. № 9 (59). С. 117–127.

References:

1. Medicine production : the issue of evaluating the effectiveness of the system // Russian medical server [Electronic resource]. — URL : http://www.rusmedserv.com/zdrav/econom/article_31.html.
2. Modernization of health care : the new situation and new problems / L. D. Popovich, E. G. Potapchik, S. K. Salakhutdinova, E. V. Selezneva, I. M. Sheiman, S. V. Shishkin ; under the editorship of I. M. Sheiman, S. V. Shishkin. — М. : Publishing House. house Delo "Ranepa, 2016. — (The economic policy : between crisis and modernization).
3. Nazarov, V. S., Davis, K. M., Sirigina, N. N. The analysis of foreign experience of the use of medical savings accounts and their application in the Russian Federation / S. V. Nazarov, K. M. Davis, N. N. Sirigina. — М. : Publishing House. house Delo "Ranepa, 2015. (Russia : challenges of modernization. Economy).
4. The transition of health care institutions of KHMАО – Yugra to predominantly single-channel financing through the MHI system : report of the health Department of KHMАО – Yugra. 2014.
5. Polterovich V. M. Institutional traps and economic reforms // Economics and mathematical methods. 1999. Vol. 35. Vol. 2.
6. Resolution of the Government of the Russian Federation from 23.01.1992 No. 41 (ed. by 11.09.1998) On measures for implementation of the Law of RSFSR About medical insurance of citizens in RSFSR // Consultant plus [Electronic resource].
7. Resolution of the government of KHMАО – Yugra from 09.10.2013 № 414-p On state program of the Khanty-Mansi Autonomous district – Yugra Development of health for 2014-2020 // Consultant plus [Electronic resource].
8. The problem of assessing the effectiveness of the system of mandatory medical insurance / Skobelina O. I. // Vestnik of financial University. 2011. No. 6. Pp. 81-86.
9. The order of the Government of KHMАО – Yugra from 22.03.2013 № 101-RP (as amended on 26.09.2014) Strategy of socio-economic development of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Ugra till 2020 and for the period till 2030 // Consultant plus [Electronic resource].
10. Implementation of the TA CHI in the transition to predominantly single-channel financing of health care : report of the TFOMS KHMАО – Yugra. 2014.
11. Socio-economic criteria and efficiency indicators for health care organizations / N. G. Shamshurina // Doctor. 2006. No. 7.
12. The specificity of the economic analysis of efficiency of activity of institutions of public health / Sago A. I. // Economic science. 2012. No. 2 (87). P. 104-109.

13. *Standardization in health care. Overcoming contradictions in the legislation, practice, ideas* / N. B. Naigovzina And V. B. Filatov, O. Borozdina, N. Nikolaev. — M. : GEOTAR-Media, 2015.
14. *Stepanov, I. M. Development of models for assessing the effectiveness of the system of mandatory medical insurance* / I. M. Stepanov, K. I. Golovshinskii ; Higher school of Economics. — M. : Publishing House. house of the Higher school of Economics, 2011.
15. *Federal law of 29.11.2010 N 326-FZ On compulsory medical insurance in the Russian Federation* // Consultant plus [Electronic resource].
16. *Federal law of 21.11.2011 N 323-FZ About bases of health protection of citizens in Russian Federation* // Consultant plus [Electronic resource]
17. *Evolution, specificity, and institutional traps of the Institute of health insurance in the Khanty-Mansi Autonomous district – Yugra* / Kunitsyna L. N. // *Regional problems of transformation of the economy*. 2015. No. 9 (59). P. 117-127.

УДК 332.05

ЧЕРНЫШОВ МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ

к.э.н., старший научный сотрудник ФГБУН «Институт проблем рынка» РАН,
e-mail: mcherny@bk.ru

МЕЖРЕГИОНАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ МАКРОРЕГИОНОВ¹

Аннотация. *Предметом исследования* являются организационно-экономические связи, возникающие в процессе управления социально-экономическим развитием на субнациональном (региональном и макрорегиональном) уровне. **Цель работы** — определение эконометрических показателей оценки состояния экономики макрорегиона. В работе **использованы методы** математической статистики, экономико-математического моделирования, системного анализа и синтеза. **Результаты работы:** разработана и просчитана на примере макрорегиона Северо-Кавказского федерального округа модель межрегиональных интеграционных связей, рассчитаны мультипликативные макрорегиональные и региональные интеграторы, сделаны выводы о тенденциях межрегиональной интеграции в системе макрорегиона. **Область применения** результатов: в управлении социально-экономическим развитием макрорегионов; при разработке документов стратегического характера. **Выводы:** в период с 2005 по 2014 годы потенциал межрегиональной интеграции в Северо-Кавказском федеральном округе снижается. Наиболее высокий потенциал сохраняют Ставропольский край, Карачаево-Черкессия, Кабардино-Балкария и Северная Осетия (Алания). Заметно снизился потенциал Чеченской Республики. На традиционно низком уровне находятся Ингушетия и Дагестан. По инвестиционной привлекательности значительно (более чем в 2 раза от среднего по макрорегиону) выделяется Ставропольский край. На втором месте (примерно в полтора раза выше среднего) — Карачаево-Черкессия. Близки к среднему значению макрорегиона показатели Кабардино-Балкарии и Северной Осетии (Алании). По привлекательности региона для трудовой миграции выделяется Чечня (примерно в 1,5 раза выше среднего). Близки к средним по макрорегиону значения у Ставропольского края, Северной Осетии (Алании) и Карачаево-Черкессии. Значительно более низкие показатели имеет Дагестан — примерно в 2 раза ниже средних по макрорегиону. Наиболее низкую налоговую нагрузку в макрорегионе имеют Дагестан (почти в 2 раза) и Ингушетия. Самая высокая налоговая нагрузка в Ставропольском крае и Чечне, вместе с тем данные регионы имеют самый низкий уровень трансакционных (в том числе, коррупционных) издержек бизнеса. Хуже всего ситуация с внеэкономическими издержками бизнеса — в Дагестане.

Ключевые слова: Макрорегион, интеграция, экономический рост, Северо-Кавказский федеральный округ.

CHERNYSHOV MIKHAIL MIKHAILOVICH

Candidate of Economic Sciences, Senior Research Associate of FSBIS "Institute of Market Problems" of the RAS, e-mail: mcherny@bk.ru

INTERREGIONAL INTEGRATION IN THE MANAGEMENT OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF MACROREGIONS

Abstract. The subject of the study are organizational and economic relations arising in the management of socio-economic development at the subnational (regional and macro-regional) level. *Purpose* — definition of econometric indicators to measure the state of the economy of macroregion. *We used* the methods of mathematical statistics, economic and mathematical modeling, system analysis and synthesis. *The results:* developed and has been calculated on the ex-

---

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 15-06-08771 а).

ample of the macro-region of the North Caucasus Federal District a model of inter-regional integration ties, calculated multiplicative macro-regional and regional integrators, conclusions about the trends in the macro-region inter-regional integration system. *Application of the results:* in the management of socio-economic development of macro-regions; the development of the strategic nature of the documents. *Conclusions:* In the period from 2005 to 2014 the potential of inter-regional integration in the North Caucasus Federal District is reduced. The highest potential retain Stavropol, Karachayevo-Cherkessia, Kabardino-Balkaria and North Ossetia (Alania). Significantly reduce the potential of the Chechen Republic. On the lower level are traditionally Ingushetia and Dagestan. According to the investment attractiveness is significantly (more than 2 times the average for the macro-region) stands Stavropol region. In second place (about one and a half times higher than the average) - Karachay-Cherkessia. Close to the average value of the macro-indicators of Kabardino-Balkaria and North Ossetia (Alania). On appeal, Chechnya region allocated to labor migration (about 1.5 times higher than average). Close to the average values for the macro-region in Stavropol region, North Ossetia (Alania) and Karachay-Cherkessia. Significantly lower rates of Dagestan has - about 2 times lower than in the macro-region. The lowest tax burden in the macro-region of Dagestan have (almost 2 times) and Ingushetia. The highest tax burden in the Stavropol Territory and Chechnya, at the same time, these regions have the lowest level of transaction (including corruption), business costs. The worst situation with the non-economic costs of business - in Dagestan.

Keywords: Macroregion, integration, economic growth, North Caucasian Federal District.

Введение. В настоящее время основной тенденцией в международном разделении труда стали интеграционные процессы, снятие барьеров для перетоков капиталов, трудовых ресурсов, технологий, создания единых стандартов и формирования общего рынка.

Вместе с тем, в отечественной регионалистике тема межрегиональной интеграции все еще остается недостаточно изученной. Хотя федеральные округа Российской Федерации были созданы в соответствии с Указом президента России еще в 2000 году, регионы, расположенные на территории округов оставались обособленными объектами управления. Торгово-экономические связи были недостаточно выстроены. Зачастую вместо кооперации производителей двух соседних регионов предприятия предпочитали зарубежных партнеров и смежников из других регионов страны.

Лишь в 2014 году в Федеральном законе № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» появился термин «макрорегион» как территория двух и более субъектов, предполагающая единство приоритетов, целей и задач социально-экономического развития, разработку единых документов стратегического планирования».

Для новых субъектов управления были приняты специальные государственные программы развития, в частности, «Развитие Северо-Кавказского федерального округа на период до 2025 года» и «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона», «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя до 2020 года». Для управления развитием макрорегионов были созданы соответствующие федеральные структуры: Министерство по делам Северного Кавказа, Министерство по развитию Дальнего Востока, Министерство по делам Крыма.

Однако данная работа органов государственной власти по реализации своих полномочий в сфере социально-экономического развития макрорегионов не опиралась на научно-обоснованную методическую и аналитическую базу, поэтому результаты стратегического планирования по целеполаганию, прогнозированию, планированию и программированию социально-экономического развития привели не к системным, а конгломератным результатам. В значительной мере упускается синергетический эффект от межрегиональной интеграции в системе макрорегиона.

В настоящей статье показаны авторские методические наработки по расширению научного инструментария исследования макрорегионов, на основе экономико-математических методов предложен набор показателей оценки различных потенциалов регионов в макрорегионе, произведены расчеты на примере макрорегиона – Северокавказского федерального округа.

Основное содержание исследования. Основной методической базой для настоящего ис-

следования является система макроэкономических показателей национального счетоводства и тесно связанные с ней методы анализа произведенного и распределенного валового продукта.

Для анализа по методу распределенного валового регионального продукта (ВРП) мы используем разделение ВРП на долю капитала (α), долю труда (u), долю налоговых изъятий (e), а также долю трансакционных издержек (o) к которым относятся также и издержки внезаконности (коррупция чиновников, рэкет криминала, «плата за крышу» силовым структурам и т.д.). Верно тождество (1) при этом j – порядковый номер региона в макрорегионе, а m – количество регионов в макрорегионе.

$$\alpha_j + u_j + e_j + o_j = 1 \quad (1)$$

Чем выше доля капитала в ВРП, тем более привлекателен регион для притока инвестиций.

Соответственно отношение этого показателя к среднему по макрорегиону $\bar{\alpha}$ покажет относительное преимущество конкретного j -го региона перед остальными. Следовательно, нами вводится показатель **инвестиционного интегратора** для j -го региона – формула (2).

$$A_j = \frac{\alpha_j}{\bar{\alpha}} \quad (2)$$

При $\alpha_j = \bar{\alpha}$ показатель " A_j " становится равен 1, что означает минимальную степень стимулов для перетока капиталов.

Нами были произведены расчеты данного показателя для регионов СКФО и результаты представлены в Таблице 1 и графически на Рисунке 1, а также произведено ранжирование регионов в 2014 году.

Таблица 1

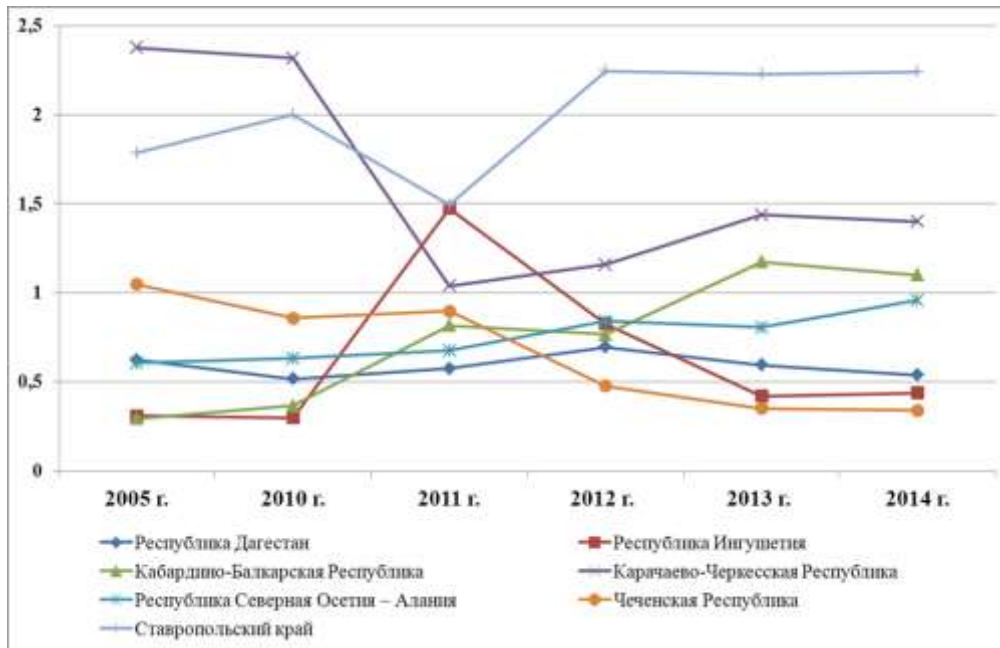
Инвестиционный интегратор для регионов СКФО

Регионы СКФО	2005 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	Место в 2014 году
Республика Дагестан	0,623	0,517	0,576	0,696	0,596	0,541	5
Республика Ингушетия	0,311	0,301	1,475	0,826	0,421	0,441	6
Кабардино-Балкарская Республика	0,295	0,367	0,818	0,768	1,175	1,101	3
Карачаево-Черкесская Республика	2,377	2,317	1,041	1,159	1,439	1,401	2
Республика Северная Осетия – Алания	0,607	0,633	0,677	0,841	0,807	0,961	4
Чеченская Республика	1,049	0,858	0,899	0,478	0,351	0,341	7
Ставропольский край	1,787	2,001	1,495	2,246	2,228	2,241	1

Источник: расчеты автора на основе первичных данных Росстата и Федеральной налоговой службы.

Инвестиционный интегратор показывает наибольшую привлекательность для бизнеса в Ставропольском крае – несмотря на провал в 2011 году, динамика показателя остается позитивной. На втором месте в макрорегионе находится Карачаево-Черкессия, которая была лидером в 2005 и 2010 годах, но пережив обвал в 2011 году показывает разнонаправленную динамику. Позитивный тренд показателя наблюдается у Кабардино-Балкарии, которая в 2005 году являлась аутсайдером, в 2010 году занимала предпоследнее место, а в период 2010-2011 и 2012-2013 года сделала два рывка и вышла на третье место. Северная Осетия в 2005-2011 годах сохраняла нейтральный тренд, затем несколько улучшила позиции в 2012-2014 годах. Дагестан сохраняет примерно одинаковые значения, тенденция к улучшению наметилась в 2011-2012 годах, но затем вновь пошла на спад. Очень неровный тренд у Ингушетии, которая была аутсайдером в 2005-2010 годах, затем в 2011 году за счет начала реализации федеральной целевой программы «Социально-экономическое развитие Республики Ингушетия на 2010-2016 годы» резко повысила прибыльность в экономике и вышла на второе место в макрорегионе,

однако затем вновь теряет инвестиционную привлекательность. Ярko выраженный нисходящий тренд у Чечни, которая опустилась с третьего места в 2005 году до последнего в 2014 году.

Рис. 1. График изменения инвестиционного интегратора по регионам СКФО

В целом макрорегион достаточно разнороден по инвестиционной привлекательности. Можно выделить «лидеров» – Ставропольский край, Карачаево-Черкессию и Кабардино-Балкарию, «догоняющих» - Северную Осетию и «аутсайдеров» - Дагестан, Ингушетию, Чечню.

Чем выше доля труда в ВРП, тем более привлекателен регион для притока рабочей силы.

Соответственно отношение этого показателя к среднему по макрорегиону $\bar{u}$ покажет относительное преимущество конкретного j-го региона перед остальными в плане оплаты труда и привлекательности для миграции. Следовательно, нами вводится показатель **миграционного интегратора** для j-го региона – формула (3).

$$U_j = \frac{u_j}{\bar{u}} \quad (3)$$

При $u_j = \bar{u}$ показатель "U_j" становится равен 1, что означает минимальную степень стимулов для перетока рабочей силы.

Нами были произведены расчеты данного показателя для регионов СКФО и результаты представлены в Таблице 2 и графически на Рисунке 2, а также произведено ранжирование регионов в 2014 году.

Миграционная привлекательность регионов отличается от инвестиционной. Если аутсайдером является Дагестан (с тенденцией к ухудшению), то лидирующие позиции занимает Чечня, которая за последние 10 лет лишь незначительно ухудшила позиции. В значительной степени это связано с лучшей бюджетной обеспеченностью государственных расходов и долей федеральных служащих (в том числе силового блока), размещенных на территории региона. Достаточно ровную динамику имеет Ставропольский край. На третьем месте находится Северная Осетия с незначительной степенью волатильности показателя. Невысокая, но устойчиво позитивная динамика наблюдается у Карачаево-Черкессии. Кабардино-Балкария также демонстрирует прогресс, поднявшись с шестого на пятое место в 2014 году. Ингушетия, которая в 2005 году имела высокие показатели, в том числе, из-за присутствия военных в регионе, затем несколько снизила свои позиции.

Миграционный интегратор для регионов СКФО

Регионы СКФО	2005 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	Место в 2014 году
Республика Дагестан	0,577	0,521	0,514	0,542	0,563	0,524	7
Республика Ингушетия	1,068	1,151	1,039	0,847	0,877	0,878	6
Кабардино-Балкарская Республика	0,674	0,811	0,859	0,931	0,931	0,969	5
Карачаево-Черкесская Республика	0,945	0,895	0,977	0,934	0,991	1,038	4
Республика Северная Осетия – Алания	1,194	0,946	1,011	1,081	1,033	1,047	3
Чеченская Республика	1,513	1,583	1,521	1,605	1,501	1,467	1
Ставропольский край	1,039	1,105	1,091	1,063	1,102	1,078	2

Источник: расчеты автора на основе первичных данных Росстата и Федеральной налоговой службы.

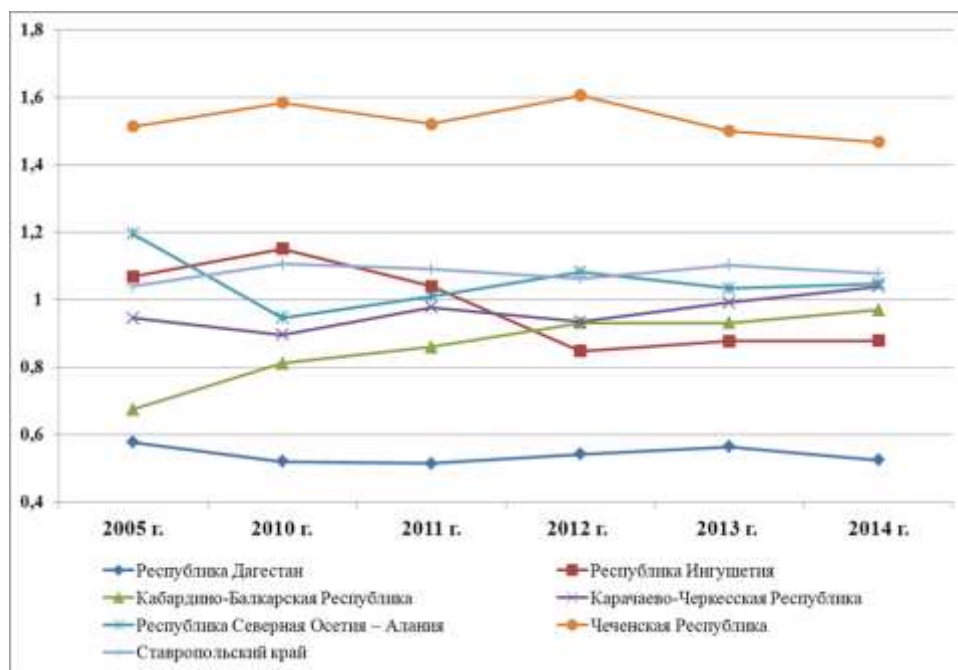

Рис. 2. График изменения миграционного интегратора по регионам СКФО

Чем выше доля налогов в ВРП, тем менее привлекателен регион для ведения бизнеса. Поэтому для того, чтобы показатели оценки имели одинаковую направленность, мы используем

отношение среднего по макрорегиону $\bar{e}$ к уровню e_j конкретного j -го региона. Следовательно, нами вводится показатель **налогового интегратора** для j -го региона – формула (4).

$$E_j = \frac{\bar{e}}{e_j} \quad (4)$$

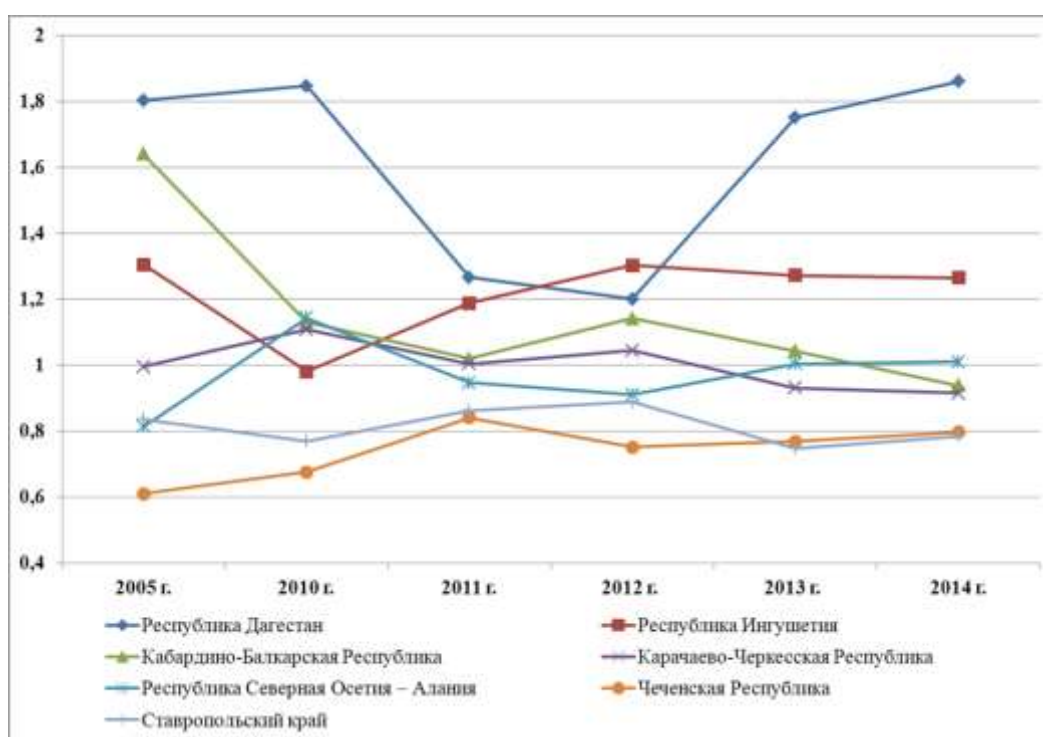
При $e_j = \bar{e}$ показатель " E_j " становится равен 1, что означает одинаковую налоговую нагрузку в регионах макрорегиона и таким образом конкурентных преимуществ в фискальной сфере ни один регион не имеет и перевод бизнеса из одного региона в другой с целью оптимизации налогов не имеет оснований.

Нами были произведены расчеты данного показателя для регионов СКФО и результаты представлены в Таблице 3 и графически на Рисунке 3, а также произведено ранжирование регионов в 2014 году.

Налоговый интегратор для регионов СКФО

Регионы СКФО	2005 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	Место в 2014 году
Республика Дагестан	1,803	1,846	1,266	1,201	1,752	1,861	1
Республика Ингушетия	1,306	0,982	1,189	1,303	1,273	1,265	2
Кабардино-Балкарская Республика	1,641	1,131	1,021	1,142	1,044	0,939	4
Карачаево-Черкесская Республика	0,996	1,108	1,005	1,045	0,932	0,916	5
Республика Северная Осетия – Алания	0,815	1,143	0,947	0,911	1,005	1,011	3
Чеченская Республика	0,611	0,677	0,841	0,752	0,771	0,798	6
Ставропольский край	0,837	0,771	0,863	0,889	0,749	0,785	7

Источник: расчеты автора на основе первичных данных Росстата и Федеральной налоговой службы.

Рис. 3. График изменения налогового интегратора по регионам СКФО

Как мы видим, наилучшими для бизнеса условиями налогообложения весь рассматриваемый период обладал Дагестан. Если в 2011-2012 годах наблюдалось некоторое выравнивание налоговой нагрузки, то в 2013-2014 годах вновь ситуация вернулась в уровень начала периода.

Второе место по налоговой привлекательности занимает Ингушетия, где ситуация имеет достаточно низкую динамику изменений. Более неровный тренд у Северной Осетии, где показатель то опускается ниже среднего, то вновь незначительно увеличивается. Кабардино-Балкария, напротив, имеет четкий тренд к увеличению налоговой нагрузки. Схожие тенденции у Карачаево-Черкессии. Примерно одинаковая налоговая нагрузка у Чечни и Ставропольского края. Если Чечня немного сближается по показателям к другим республикам макрорегиона, то Ставропольский край планомерно увеличивает налоговую нагрузку. Вместе с тем, отклонения аутсайдера от среднего значения составляют около 20%.

Будет ошибочно полагать, что низкая доля налогов в ВРП однозначно привлекает бизнес. Чаще всего в подобных регионах достаточно высоки издержки внезаконности – коррупция, рэкет, «откаты». Поэтому необходимо оценивать негативное влияние транзакционных издержек. Так же как и для налогов, чтобы показатели оценки име-

ли одинаковую направленность, мы используем отношение среднего по макрорегиону $\bar{o}$ к уровню o_j конкретного j -го региона. Следовательно, нами вводится показатель **транзакционного интегратора** для j -го региона – формула (5).

$$O_j = \frac{\bar{o}}{o_j} \quad (5)$$

$$o_j = \bar{o}$$

При показателе "O_j" становится равен 1, что означает одинаковую транзакционную нагрузку в регионах макрорегиона.

Нами были произведены расчеты данного показателя для регионов СКФО и результаты представлены в Таблице 4 и графически на Рисунке 4, а также произведено ранжирование регионов в 2014 году.

Таблица 4

Транзакционный интегратор для регионов СКФО

Регионы СКФО	2005 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	Место в 2014 году
Республика Дагестан	0,572	0,511	0,628	0,668	0,627	0,631	7
Республика Ингушетия	0,825	0,914	1,076	0,795	0,785	0,808	6
Кабардино-Балкарская Республика	0,596	0,669	0,857	0,869	0,952	1,016	5
Карачаево-Черкесская Республика	1,239	1,445	0,991	0,956	1,094	1,124	3
Республика Северная Осетия – Алания	1,371	0,788	0,956	1,091	0,998	1,025	4
Чеченская Республика	7,563	6,491	1,917	2,227	1,795	1,578	1
Ставропольский край	1,446	2,982	1,376	1,456	1,667	1,451	2

Источник: расчеты автора на основе первичных данных Росстата и Федеральной налоговой службы

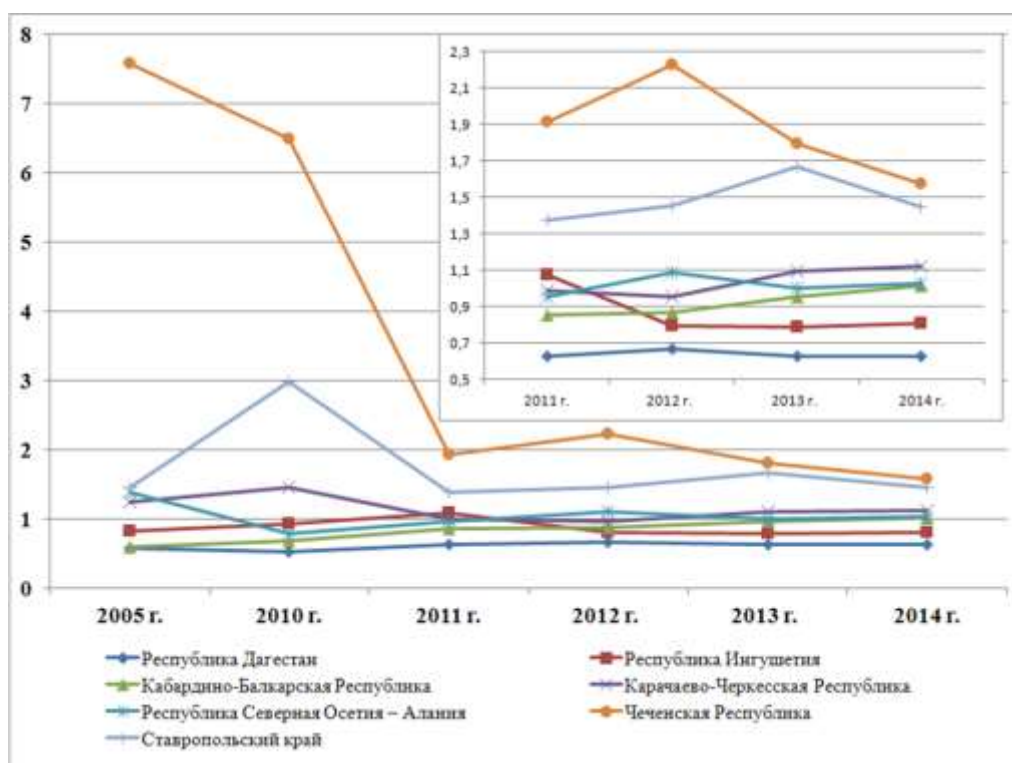

Рис. 4. График изменения транзакционного интегратора по регионам СКФО

В начале рассматриваемого периода 2005-2010 гг., самыми низкими транзакционные издержки были у Чеченской Республики. Это объясняется тем, что экономика региона была фактически разрушена и воссоздавалась заново. Масштабы финансирования по федеральным целевым программам «Восстановление экономики и социальной сферы Чеченской Республики (2002 год и последующие годы)» и «Социально-экономическое развитие Чеченской Респуб-

ки на 2008 - 2012 годы» также приводили к некоторым искажениям в оценке структуры распределяемого ВРП. В дальнейшем, транзакционный интегратор данного региона стал снижаться и к 2013 году значения для Чечни и Ставропольского края стали отличаться в пределах 8%.

Второе место по привлекательности занимает Ставропольский край и в целом в последние годы показатели изменяются незначительно. Карачаево-Черкессия и Северная Осетия также имеют транзакционные издержки близкие к средним по макрорегиону с позитивной динамикой в 2013-2014 гг.

Кабардино-Балкария имеет устойчивый позитивный тренд, планомерно снижая издержки внелегальности, и вполне способна бороться за лидерство в данной сфере.

Ингушетия, несмотря на некоторые сдвиги в 2010-2011 годах, в дальнейшем опустилась на последние места в макрорегионе, ниже своего уровня 2005 года.

Дагестан отличается самыми высокими транзакционными издержками в макрорегионе (более чем в 2,5 раза выше, чем в Чечне и Ставрополье). Это нивелирует преимущества, которые дает низкий уровень налогообложения в регионе. В исследуемый период некоторая позитивная динамика заметна в 2010-2012 годах, но в 2013-2014 годах тренд вновь стал негативным.

Для того, чтобы оценить интеграционный потенциал каждого региона нами вводится показатель **мультипликативного регионального интегратора (по методу распределенного**

ВРП) W_j^r , который рассчитывается для j-го региона – формула (6).

$$W_j^r = \frac{a_j}{\bar{a}} \times \frac{u_j}{\bar{u}} \times \frac{\bar{e}}{e_j} \times \frac{\bar{o}}{o_j} = A_j \times U_j \times E_j \times O_j \quad (6)$$

При $W_j^r = 1$ регион имеет интеграционные позиции равные средним по макрорегиону.

Нами были произведены расчеты данного показателя для регионов СКФО и результаты представлены в Таблице 5 и графически на Рисунке 5, а также произведено ранжирование регионов в 2014 году.

Таблица 5

**Мультипликативный региональный интегратор
(по методу распределенного ВРП) для регионов СКФО**

Регионы СКФО	2005 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	Место в 2014 году
Республика Дагестан	0,371	0,253	0,236	0,302	0,369	0,331	7
Республика Ингушетия	0,358	0,311	1,961	0,725	0,369	0,395	6
Кабардино-Балкарская Республика	0,195	0,225	0,614	0,711	1,087	1,017	4
Карачаево-Черкесская Республика	2,773	3,319	1,012	1,082	1,453	1,496	2
Республика Северная Осетия – Алания	0,809	0,541	0,619	0,902	0,836	1,042	3
Чеченская Республика	7,334	5,971	2,204	1,285	0,728	0,628	5
Ставропольский край	2,246	5,084	1,935	3,092	3,066	2,748	1

Источник: расчеты автора

Мультипликативный региональный интегратор дает несколько иную картину, чем отдельные интеграторы. В 2005 году тройка лидеров включала Чечню, Карачаево-Черкессию и Ставропольский край, аутсайдерами являлись Кабардино-Балкария, Ингушетия и Дагестан. В 2010 году Ставропольский край потеснил Карачаево-Черкессию, тройка аутсайдеров не изменилась. В 2011-2014 годах ситуация меняется более кардинально: Чечня утрачивает лидерские позиции и опускается на пятое место в макрорегионе. Ставропольский край в целом показывает ровные результаты и становится лидером. На втором месте – Карачаево-Черкессия. Третье

занимает Северная Осетия, но в целом лишь чуть улучшив позиции 2005 года. Очень хорошую позитивную динамику показывает Кабардино-Балкария, которая из региона-аутсайдера сумела добиться уровня выше среднего. Ингушетия и Дагестан фактически остались наиболее слабыми в макрорегионе.

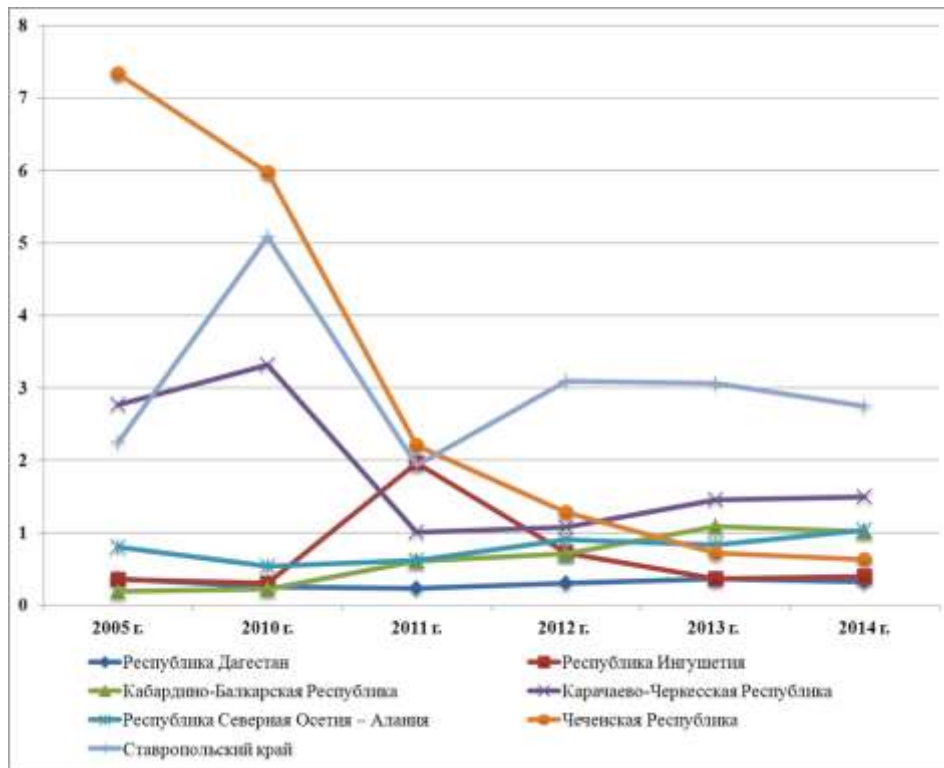

Рис. 5. График изменения мультипликативного регионального интегратора (по методу распределенного ВРП) по регионам СКФО

Для оценки интеграционного потенциала макрорегиона в целом нами вводится показатель мультипликативного макрорегионального интегратора (по методу распределенного

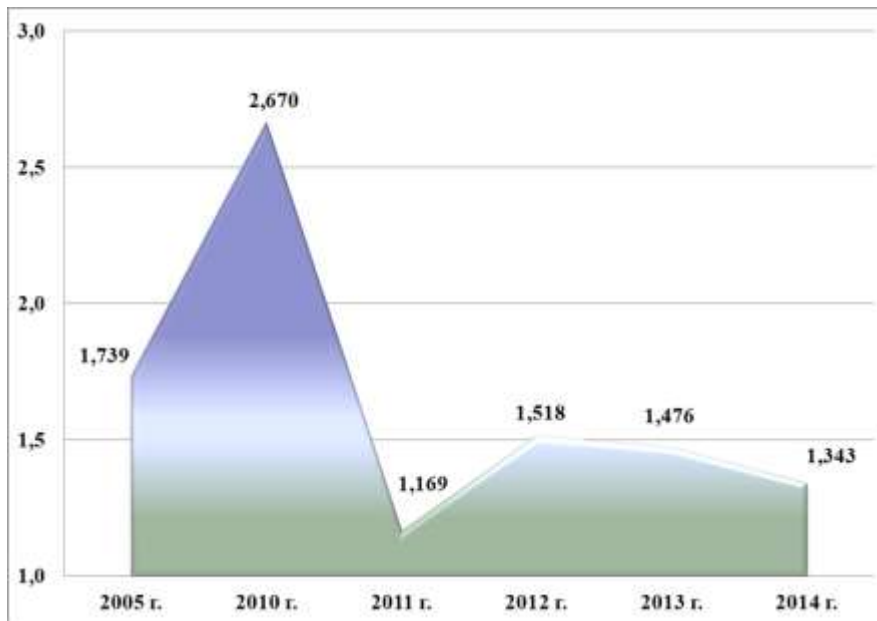
ВРП) W_{mr} , который рассчитывается по формуле (7):

$$W_{mr} = \sum_{j=1}^m R_j \times \left(\frac{a_j}{\bar{a}} \times \frac{u_j}{\bar{u}} \times \frac{\bar{e}}{e_j} \times \frac{\bar{o}}{o_j} \right) \quad (7),$$

где R_j - доля ВРП j-го региона в совокупном ВРП макрорегиона, а m - число регионов в макрорегионе. Это позволяет пропорционально учитывать размер экономики каждого региона и с помощью весовых коэффициентов нивелировать отклонения в небольших по размерам экономики регионах.

Рассчитанный нами мультипликативный макрорегиональный интегратор (по методу распределенного ВРП) для макрорегиона Северо-Кавказского федерального округа РФ показан Рисунок 6.

Как видно из графика, крупные финансовые вливания в Чечню и Ингушетию несколько исказили картину в 2005-2010 годах, затем график стал более стабилен, однако динамика показателя в 2012-2014 годах имеет отрицательный тренд. Это говорит о наличии высокого интеграционного потенциала в макрорегионе СКФО, качество которого имеет тенденцию к ухудшению.

Рис. 6. График изменения мультипликативного макрорегионального интегратора (по методу распределенного ВРП) по регионам СКФО.

Вместе с тем, балансовый метод национальных счетов предполагает рассмотрение экономики региона как с позиций потребления (распределения ВРП), так и с позиций производства, учета структуры экономики по отраслям ОКВЭД. В этой связи, наряду с описанным выше методом оценки с использованием распределенного ВРП, нами разработан метод определения мультипликативного макрорегионального интегратора (по методу произведенного ВРП)

W_{mp} , который рассчитывается по формуле (8).

$$W_{mp} = \sum_{j=1}^m P_j \times \sqrt{\frac{\sum_{i=1}^n (y_{ij} - \bar{y})^2}{n}} \quad (8)$$

где P_j - доля j-го региона в совокупном объеме налоговых изъятий в бюджетную систему

со всего макрорегиона, y_{ij} - доля i-й отрасли по ОКВЭД в ВРП j-го региона, $\bar{y}$ - средняя доля отрасли по всем регионам макрорегиона, n - число анализируемых отраслей, m - число регионов в макрорегионе.

Таким образом, можно выделить две экстремум-модели для данной методики.

Во-первых, **монопродуктовая модель**, когда в каждом j-м регионе производится только продукция i-й отрасли. В этом случае показатель можно вычислить по формуле (9), полученной нами путем математических преобразований.

$$W_{mp} = 1 - 2 \times n^{-2} + 2 \times n^{-3} - n^{-4} \quad (9)$$

Для макрорегиона СКФО с числом регионов равным 7 максимальное значение показателя $W_{mp} = 0,964598$. При количестве 44 региона, значение показателя составит 0,99899. При количестве 99 регионов – значение достигает 0,99979799. Это связано с тем, что в ОКВЭД 99 отраслей, поэтому лишь в этом случае мы получаем единичную матрицу размерностью 99 на 99 элементов.

Во-вторых, **симметрическая модель**, когда в каждом j-м регионе макрорегиона доля i-й отрасли в ВРП одинакова. В этом случае экономика регионов имеет одинаковую структуру

$W_{mp} = 0$. То есть каждый регион самодостаточен и не имеет стимулов к товарообмену.

Конечно, обе экстремум-модели являются идеальными, даже в монопродуктовых регионах, специализирующихся, например, на нефте- и газо- добыче часть валового продукта создается в сфере государственного управления, обеспечения безопасности, здравоохранения, образования, ЖКХ, транспорта и связи.

Для более глубокого изучения интеграционных взаимосвязей методом произведенного ВРП необходимы региональные межотраслевые балансы, разработка которых органами статистики практически прекратилась.

Выводы и результаты: В настоящей статье изложены разработанные автором методические подходы к оценке потенциала межрегиональной интеграции в рамках нового субъекта управления социально-экономическим развитием – макрорегиона. Автором разработан экономико-математический аппарат для определения мультипликативного макрорегионального интегратора по методу произведенного валового регионального продукта и по методу распределенного ВРП, мультипликативного регионального интегратора по методу распределенного ВРП, инвестиционный, миграционный, налоговый и трансакционный интеграторы.

Проведен анализ потенциал межрегиональной интеграции в макрорегионе - Северо-Кавказском федеральном округе в период с 2005 по 2014 годы. В целом показатели характеризующие стремление к межрегиональной интеграции снижаются. Наиболее высокий потенциал сохраняют Ставропольский край, Карачаево-Черкессия, Кабардино-Балкария и Северная Осетия (Алания). Чеченская Республика утратила преимущества 2005-2010 годов, вызванные восстановлением экономики и значительным объемам финансирования в рамках федеральных целевых программ. На традиционно низком уровне в макрорегионе находятся Ингушетия и Дагестан.

Литература

1. Ансофф И. Стратегическое управление. М.: Экономика, 1989
2. Большой экономический словарь / Под ред. А.Н. Азриляна. - М.: «Институт новой экономики», 1999,
3. Бусыгина И.М. Политическая регионалистика: Учебное пособие. М.: МГИМО (У); РОССПЭН, 2006.
4. Гранберг А.Г. Основы региональной экономики. – М.: ГУ ВШЭ, 2000 г.
5. Грицюк С.Н. Математические методы и модели в экономике - Рн/Д: Феникс, 2007
6. Гришिवани И.Г. Проблема выделения тенденции в задаче моделирования краткосрочных закономерностей экономической динамики. М.: 1981; С.44-48.
7. Данные по формам статистической налоговой отчетности // Сайт Федеральной налоговой службы РФ <https://www.nalog.ru/>
8. Данные регионального раздела банковской статистики // Сайт Центрального банка РФ <http://www.cbr.ru/regions/>
9. Де Сото Эрнандо Иной путь: невидимая революция в третьем мире Пер. с англ. Б. Пинскер. - М.: Catallaxy 1995, С. 320
10. Европейская система интегрирования экономических счетов. Перевод с английского Москва - Экономика. -1992.
11. Международные сопоставления валового внутреннего продукта за 1993 год. М.: Госкомстат России. 1996.
12. Методологические рекомендации по расчетам совокупных затрат труда по производству товаров и услуг на всех видах работ и показателя производительности труда по видам экономической деятельности соответствии с ОКВЭД.- М. Росстат, 2005.
13. Мэнкью Н.Г. Макроэкономика. М.: Изд-во МГУ, 1994
14. Национальное счетоводство /Под ред. Г.Д. Кулагиной. М.: «Финансы и статистика», 1997.
15. Национальные счета России в 2007-2014 годах: Стат. сб./Росстат. – М., 2015. – 304 с
16. Николаев М., Махотаева М. Обобщение опыта планирования социально-экономического развития в субъектах РФ. Вопросы экономики, № 5, с.126-136, 2002.
17. Основы национального счетоводства (международный стандарт). / Под ред. Ю.Н. Иванова. / М.: ИНФРА-М, 2005.
18. Постановление Правительства РФ от 11 августа 2014 г. № 790 Об утверждении федеральной целевой программы Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя до 2020 года // Правовая система «КонсультантПлюс» www.consultant.ru
19. Путин В.В. О наших экономических задачах. // «Ведомости» от 30.01.2012, №15 (3029)
20. Распоряжение Правительства РФ от 17 декабря 2012 г. № 2408-р . Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие Северо-Кавказского федерального округа» на период до 2025 года.
21. Региональная интеграция и развитие /Морис Шифф и Л. Алан Уинтерс; Пер. с англ.; Всемирный

банк - М.: Издательство «Весь Мир», 2005.

22. Региональные проблемы переходной экономики: вопросы теории и практики /Под ред. В.Г. Алиева. - М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2002., С. 32-43

23. Регионы России. Социально-экономические показатели 2015: статистический сборник - М., Росстат, 2016

24. Российский статистический ежегодник: статистический сборник - М., Росстат, 2015

25. Рябушкин Б.Т. Национальные счета и экономические балансы. Практикум. / М.: «Финансы и статистика», 1999.

26. Салин В.Н., Медведев В.Г., Кудряшова С.И., Шпаковская Е.П. Макроэкономическая статистика. М.: АНХ при Правительстве РФ, изд-во «Дело», 2001.

27. Сафронова В.П. Показатели системы национальных счетов в отечественной статистике. Финстатинформ. М.: 1996.

28. Система национальных счетов. /Под ред. Ю. Н. Иванова. М., Финстатинформ, 1996.

29. Система таблиц «затраты – выпуск» России за 1998 – 1999 годы. /Госкомстат России. М.: 2002.

30. Солоу Р. Перспективы теории роста // МЭ и МО. 1996. № 8.

31. Социально-экономическая статистика/ под ред. Б. И. Башкатова. - М. : ЮНИТИ, 2002.

32. Указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2000 г. № 849 «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе» // Правовая система «КонсультантПлюс» www.consultant.ru

33. Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ (ред. от 03.07.2016) О стратегическом планировании в Российской Федерации // Правовая система «КонсультантПлюс» www.consultant.ru

34. Чурпынов Б.П. Математика в экономике: математические методы и модели - М.: Юрайт, 2013

35. Шумпетер Й. Теория экономического развития. М.: Прогресс, 1982

References:

1. I. Ansoff Strategic management. М.: Economics, 1989

2. The big economic dictionary / Under the editorship of A. N. Apriliana. - Moscow: Institute of the new economy,"1999,

3. Busygina I. M. Political regionalism: textbook. М.: MGIMO (U); ROSSPEN, 2006.

4. Granberg A. G. bases of regional economy. – М.: GU VSHE, 2000

5. Gritsyuk S. N. Mathematical methods and models in Economics - Rn/D: Feniks, 2007

6. Vrisiani I. G. identifying trends in the problem of modelling short-term patterns of economic dynamics. М.: 1981, S. 44-48.

7. The data on the forms of statistical tax reporting // the Website of the Federal tax service of the Russian Federation <https://www.nalog.ru/>

8. Regional data section banking statistics // the Website of the Central Bank of the Russian Federation <http://www.cbr.ru/regions/>

9. De Soto, Hernando the Other path: the invisible revolution in the third world, TRANS. from English. B. Pinsker. - Moscow: Catallaxy 1995, P. 320

10. The European system of integration of economic accounts. English translation by Moscow - the Economy. - 1992.

11. International comparison of gross domestic product in 1993. Moscow: Goskomstat Of Russia. 1996.

12. Methodological recommendations for the calculation of aggregate labour input for the production of goods and services on all types of work and increased labour productivity by kinds of economic activities according to NACE.- М., Rosstat, 2005.

13. Mankiw, N. G. Macroeconomics. М.: Izd-vo MGU, 1994

14. National accounting /ed. by G. D. Kulagina. Moscow: finances and statistics,"1997.

15. National accounts of Russia in 2007-2014 years: Stat. SB./Rosstat. – М., 2015. – 304 с

16. Nikolaev M., M.] Generalization of experience of planning of socio-economic development in the constituent entities of the Russian Federation. Questions of economy, № 5, pp. 126-136, 2002.

17. The basics of national accounting (international standard). / Under the editorship of Yu. N. Ivanov. / Moscow: INFRA-M, 2005.

18. The resolution of the RF Government dated 11 August 2014 No. 790 On approval of Federal target program Socially-economic development of the Republic of Crimea and Sevastopol until 2020 // Legal system Consultant plus" www.consultant.ru

19. Vladimir Putin On economic goals. // Vedomosti"on 30.01.2012, No. 15 (3029)

20. The decree of the RF Government of 17 December 2012 № 2408-R . On approval of the state program of the Russian Federation development of the North Caucasian Federal district"for the period up to 2025.

21. Regional integration and development /Maurice Schiff and L. Alan winters; TRANS. s angl.; The world Bank - М.: Publishing house Ves Mir,"2005.

22. Regional problems of transition economy: theory and practice /Under the editorship of V. G. Aliyeva. - М.: ЗАО Publishing house Economy,"2002., Pp. 32-43

23. The Regions Of Russia. Socio-economic indicators 2015: statistical book - М., Rosstat, 2016

24. Russian statistical Yearbook: statistical collection - Moscow, Rosstat, 2015

25. Ryabushkin B. T. National accounts and of economic balance sheets. Workshop. / Moscow: finances and statistics,"1999.

26. Salin V. N., Medvedev V. G., Kudryashov S. I., Shpakovskaya E. P. Macroeconomic statistics. Moscow: Academy of national economy under the Government of the Russian Federation, publishing house Delo,"2001.

27. Safronov V. P. Indicators of system of national accounts in the national statistics. Finstatinform. М.: 1996.

28. *The system of national accounts. /Under the editorship of Yu. N. Ivanov. M., Finstatinform, 1996.*
29. *System of tables Expenses – output of Russia in 1998 – 1999. /Goskomstat Of Russia. M.: 2002.*
30. *Solow R. perspectives of growth theory // DOE and MO. 1996. No. 8.*
31. *Socio-economic statistics, ed. by B. I. Bashkatova. - M. : UNITI, 2002.*
32. *The decree of the President of the Russian Federation of may 13, 2000 № 849 On the Plenipotentiary representative of the President of the Russian Federation in Federal district"// Legal system Consultant plus" www.consultant.ru*
33. *Federal law of 28.06.2014 No. 172-FZ (ed. from 03.07.2016) On strategic planning in the Russian Federation"// Legal system Consultant plus"www.consultant.ru*
34. *Chuprunov B. P. Mathematics in Economics: mathematical methods and models - M.: yurayt, 2013*
35. *Schumpeter, J. A.. The theory of economic development. M.: Progress, 1982*

УДК 332.133.2

САГИДОВ ЮРИЙ НУРМАГОМЕДОВИЧ

д.э.н., профессор, главный научный сотрудник ФГБУН

«Институт социально-экономических исследований ДНЦ РАН», e-mail: sagidov39@mail.ru

АКТИВИЗАЦИЯ РАЗВИТИЯ АГРАРНО-ОРИЕНТИРОВАННЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ

Предмет/тема. Рассматривается проблема усиления импульсов самодвижения в социально-экономическом развитии аграрно-ориентированных субъектов Российской Федерации, от решения которой зависит пространственная сбалансированность хозяйства страны.

Цели. Автор ставит задачи: выявление внешних и внутренних факторов, влияющих на слабость импульсов самодвижения в развитии регионов; поиск и обоснование направлений и мер достижения самодостаточности регионов в активизации развития; определение роли властных структур в воздействии на состояние общественной среды с позиций стимулирования раскрытия потенциала созидательной деятельности членов общества. **Методология.** Основой исследования являются фундаментальные труды отечественных и зарубежных ученых в области регионоведения, основ социал-дарвинизма, проблем развития отсталых стран мира и регионов отдельной страны. В ходе исследования использованы междисциплинарный и статистический виды анализа, позволяющие выработать концептуальные подходы к развитию отсталых регионов. **Результаты.** В ходе исследования определены факторы, влияющие на воспроизводство хронического состояния отсталости аграрно-ориентированных регионов, наличие альтруистических и эгоистических начал в качествах состояния общественной среды. Обосновывается тезис об отказе от догматического подхода к межрегиональному разделению труда. Регионы аграрной специализации, лишенные минимума промышленных предприятий, обречены на низкую техническую культуру, модернизационное отставание и сохранение экономического прозябания. Ключевым звеном институциональных преобразований автор считает необходимость перерождения существующего государственного управления по целевой установке достижения ответственности субъектов управления всех уровней за результативность социально-экономического развития. **Выводы.** Научные разработки и предложенные подходы к преодолению противоречий, связанных с большими различиями в уровнях развития регионов страны, могут быть использованы при разработке мер институциональных преобразований, направленных на активизацию развития слаборазвитых регионов.

Ключевые слова: территориальная сбалансированность хозяйства страны, развитие аграрно-ориентированных регионов, импульсы самодвижения в развитии.

SAGIDOV YURIY NURMAGOMEDOVICH

Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Research Associate of FSBIS

“Institute of Social-Economic Studies of DSC of the RAS”, e-mail: sagidov39@mail.ru

ACTIVATION OF DEVELOPMENT OF AGRARIAN-ORIENTED REGIONS OF RUSSIA

The subject/topic. The problem of strengthening impulses of self-movement in the social-economic development of agrarian-oriented entities of the Russian Federation is being discussed. The spatial balance of the economy of the country depends on solving this problem. **The goal of the research.** The author sets the following tasks: identification of domestic and overseas factors impacting the weakness of impulses of self-movement in the development of regions; search and substantiation of areas of focus and measures of achieving self-sufficiency of regions in activation of development; determining the role of the governmental structures in impacting the state of the public environment from the points of view of stimulating opening the potential of creative activity of members of the community. **Methodology of the study performed.** The foundation of the study are fundamental writings of domestic and foreign scientists in the area of regional studies, foundations of social Darwinism, problems of development of backward world countries and regions of a specific country. In the process of the study the inter-discipline and statistical types of

analysis have been used that allow to develop the conceptual approaches to the development of backward regions. *The results.* In the process of the study the factors have been determined that impact the reproduction of the chronic state of backwardness of agrarian-oriented regions, the presence of altruistic and egoistic foundations in the qualities of the state of the public environment. The thesis about a refusal from the dogma-based approach to the inter-regional division of labor has been substantiated; the regions of agrarian specialization that have been deprived from having the minimum number of industrial enterprises are doomed to have low technical culture, modernizing delay and continuing the economic wretched existence. The crucial part of institutional transformations, according to the author, is the need to transform the existing state management using the target statement of achieving responsibility of entities of management of all levels for the results of the social-economic development. *Conclusions.* Scientific developments and suggested approaches to overcoming contradictions related to large differences in the levels of development of regions of the country may be used when developing measures of institutional transformations directed towards activation of development of weakly developed regions.

Keywords: territorial balance of the economy of the country, development of agrarian-oriented regions, impulses of self-movement in development.

Пространственно сбалансированное обустройство хозяйства страны является важным условием обеспечения ее экономической состоятельности. Это условие отражено как императив во всех нормативно-правовых актах, касающихся стратегии планирования, национальной безопасности и государственной национальной политики Российской Федерации. Реализация этого императива предполагает катализацию экономической результативности на основе объединительного эффекта синергии. Однако объединительные интеграционные процессы могут генерировать не только положительную результативность, но и отрицательную [2]. Какой окажется результативность зависит от различий в экономической развитости регионов, их научно-технической культуры, в ментальности населения, уровне и специфике системы ценностей и властных отношений. Слабый учет этих факторов может оказывать тормозящее влияние на развитие страны.

На тенденцию снижения экономической состоятельности во многом влияет та часть регионов страны, которая находится в состоянии хронического отставания в развитии. Исследование сущностных основ и причин отставания регионов этой группы и определение подходов к ускорению их развития является злободневной проблемой для России. От решения этой проблемы во многом зависит предотвращение нарастания противоречий и накопления потенциала угроз ее территориальной целостности [6; 23] и от различий катализацию. Особым фактором является то, что исследуемые регионы в историческом прошлом не прошли все стадии модернизационного развития, что накладывает отпечаток на состояние социальной среды, ее адаптивности в современных условиях развития мирохозяйственной системы.

Тип социально-экономической проблемности аграрно-ориентированных регионов

В характеристике экономического развития России, протекавшего в течение прошедшей четверти нынешнего века, превалирует картина, в которой отражаются четыре масштабных кризиса: «трансформационный» — 1890–1992 годы, «долговой» — 1998–2000 годы, под воздействием мирового финансового кризиса — 2008–2009 годы и текущий — с 2013 года — «экономико-политический» [17]. Представляется, что такая характеристика не соответствует классическому пониманию сущности кризиса. Результатом преодоления кризиса должен быть выход на более высокий уровень развития системы (страна, регион, отрасль, предприятие и др.). Россия же в течение всей четверти века имела вектор развития отрицательной направленности. В указанных периодах протекала череда процессов рецессии, а в промежутках между ними — процессов стагнации и всплесков роста экономики, но экономического развития не было. Россия была ориентирована на выемку из кладовых земли ресурсов, образованных там не деятельностью людей, являющейся по А. Смиту источником богатства и успешности экономики [28], а творением природы. То есть в России было не четыре типа дискретных кризисов, а был один, продолжающийся и ныне, который характеризуется как «трансформационный».

В протекавшем кризисе не было места для реализации политики сбалансированного терри-

ториального развития. Так, по данным агентства «РИА Рейтинг», максимальный интегральный показатель рейтингов социально-экономических уровней субъектов РФ в 2014 году составил величину 82,132 (г. Москва) и минимальный — 14,136 (Республика Тыва). Разница между максимальной и минимальной оценками составила 5,8 кратной величины [25]. Если же смотреть во временном аспекте, то заметен процесс возрастания различия в уровнях развития. По аналитическим данным СОПС, в 2000 году разница между максимальным и минимальным показателями ВРП на душу населения в рейтинге регионов составляла 32 кратные величины [12; С. 20–22], а в 2013-м, по данным Росстат, — 45 кратных величин. То есть императивы сближения экономических уровней регионов, отраженные в нормативных актах, остались формальными заклинаниями, а не реальностью.

Трудно не согласиться с академиком А. Татаркиным, который считает, что возрастающий с каждым годом разрыв в развитии российских регионов препятствует проведению единой экономической политики системного и устойчивого развития всех субъектов национального рыночного хозяйства, цивилизованного обустройства всего российского пространства [29].

Аналитическим центром при Правительстве РФ регионы страны разделены на четыре группы: высокоразвитые, развитые, среднеразвитые и менее развитые (табл. 1) [10]. Первые три группы подразделены на подгруппы регионов с хозяйственной специализацией, преимущественно направленной на индустриальное развитие. Наше внимание акцентируется на семи регионах Юга России, входящих в подгруппу «менее развитые аграрные» — Республика Адыгея, Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Чеченская Республика и Республика Калмыкия.

Таблица 1

Классификация регионов России по уровню развития

Высоко-развитые	Финансово-экономические центры	Московская обл., г. Москва, г. Санкт-Петербург
	Сырьевые экспортно-ориентированные	Республика Коми, Тюменская область (в том числе ХМАО, ЯНАО)
Развитые	С диверсифицированной экономикой	Ростовская, Нижегородская, Самарская, Свердловская, Новосибирская, Сахалинская области, Татарстан, Саха (Якутия)
	С опорой на обрабатывающую промышленность	Липецкая, Ярославская, Вологодская, Ленинградская, Новгородская, Челябинская, Иркутская, Омская области
	С опорой на добывающую промышленность	Белгородская, Мурманская, Кемеровская, Томская области, Пермский, Красноярский края, Башкортостан
Среднеразвитые	Промышленно-аграрные	Владимирская, Ивановская, Калужская, Костромская, Рязанская, Смоленская, Тверская, Тульская, Архангельская (в том числе Ненецкий АО), Калининградская области; Карелия, Удмуртия, Хакасия, Приморский и Хабаровский края
	Аграрно-промышленные	Брянская, Воронежская, Курская, Орловская, Тамбовская, Псковская, Астраханская, Волгоградская, Кировская, Оренбургская, Пензенская, Саратовская, Ульяновская, Курганская области; Бурятия, Алтайский, Ставропольский и Краснодарский края; Камчатка, Северная Осетия-Алания, Марий Эл, Мордовия, Чувашия
Менее развитые	Менее развитые сырьевые	Забайкальский край, Амурская, Магаданская области, Чукотский АО
	Менее развитые аграрные	Адыгея, Калмыкия, Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Чеченская Республика, Алтай, Тыва, Еврейская АО

Составлено по данным Доклада в Аналитическом центре при Российской Федерации «Типы российских регионов: устойчивость и сдвиги в 2003–2013 годах» / Авторы: Голяшев А. В., Григорьев Л. М. [10]

Для характеристики отраженной классификации подходят положения Теории периферийной экономики («Т.п.э.»). Разработчиками теории страны мира подразделяются на Центр, полупериферию и периферию. Центр — это индустриально развитые страны мира, а периферия — слаборазвитые страны, как правило, с аграрной или сырьевой ориентацией хозяйства с

показателями уровня их развития по величине, удаленной от показателей развитых стран.

Адепт «Т.п.э.» Р. Пребиш формулирует факторы, определяющие суть периферийного состояния: «Специфика периферии проявляется во всем: в сфере техники и потребления, в производственной структуре, в уровнях развития и демократизации, в системе землепользования и формировании излишка, в демографическом росте» [22; С. 200]. Эта характеристика адекватно отражается в приведенной классификации регионов России.

Так, пределы технической оснащенности и соотношение удельного веса сельского и городского населения, представленные в таблице 2 по позициям 1–4, в совокупности определяют аграрную ориентацию регионов подгруппы «менее развитые аграрные».

Таблица 2

Социально-экономические показатели исследуемых субъектов Федерации, 2013 год.

№ п/п		РФ	РАдыг.	РКалм.	РДаг.	РИнг.	К-БР	К-ЧР	Чеч.Р.
1.	Стоимость основных фондов на душу населения, тыс. руб. Кратность различий ³	929,4 1	356,9 -2,6	441,0 -2,1	332,6 -2,8	145,1 -6,4	252,9 -3,7	337,2 -2,8	300,4 -3,1
2.	Стоимость основных фондов в промышленности, тыс. руб. Кратность различий	251,8 1	71,7 -3,5	34,6 -7,3	43,4 -5,8	16,2 -15,5	49,0 -5,1	62,4 -4,0	53,2 -4,7
3.	Стоимость основных фондов на душу населения в сельском хозяйстве Кратность различий ³	25,6 1	27,4 0,9	39,2 0,7	23,0 -1,1	10,8 -2,4	27,8 0,9	57,2 0,4	9,2 -2,8
4.	Удельный вес городского населения, в %	<u>74,2</u> 25,8	<u>47,0</u> 53,0	<u>45,1</u> 54,9	<u>40,4</u> 59,6	<u>42,4</u> 57,6	<u>52,3</u> 47,7	<u>42,7</u> 57,3	<u>34,8</u> 65,2
5.	Инвестиции в основной капитал на душу населения, тыс. руб. Кратность различий	92,4 1	35,8 -2,6	51,8 -1,8	60,3 -1,5	29,4 -3,1	25,7 -3,6	39,9 -2,3	30,8 -3,0
6.	Валовой региональный продукт на душу населения, тыс. руб. Кратность различий	376,4 1	161,7 -2,3	145,3 -2,6	145,4 -2,6	100,9 -3,7	131,9 -2,9	133,2 -2,8	88,5 -4,3
7.	Численность трудоспособного населения, не занятого в экономике, % от трудоспособной части населения	10,1	28,0	14,3	24,6	63,8	27,4	23,7	47,2
8.	Численность населения с денежными доходами ниже прожиточного уровня, в % от общей численности населения	10,8	12	35,4	10,1	19,5	18,6	19,5	19,7
9.	Общая жилая площадь, приходящаяся на одного жителя, кв. м	23,4	24,4	22,8	17,1	13,5	18,7	20,1	18,1
10.	Численность населения на одну больничную койку	110,3	133,4	107,2	141,9	215,9	105,9	127,3	138,4
11.	Численность врачей на 1000 чел. населения	49	39	54	39	38	45	38	27
12.	Коэффициент естественного прироста населения	0,2	-0,6	4,7	13,3	17,7	6,6	4,4	19,9
13.	Коэффициент миграционного прироста на 10 000 населения	21	50	-122	-73	63 ⁵	-32	-17	-35
14.	Удельный вес дотаций в доходах консолидированного бюджета, в %	-	64,6	90,7	94,8	99,0	83,8	77,9	92,0

Составлено автором по данным Росстат [20].

В отличие от пиковых ростов безработицы в периоды кризисов в периферийных регионах наблюдается хроническая неполная занятость трудоспособного населения в экономике (поз. 7), аналитически апробированная в работах [1; 8; 18; 31].

Для периферийных регионов характерно также то, что экономическое отставание является не ограниченным во времени, а хроническим. Вторым Конгрессом Коминтерна, состоявшемся в Москве в 1920 году, рассматриваемым регионам была дана характеристика их состояния как «Отсталые колониальные окраины России» и было рекомендовано проведение мер по преодолению отсталости путем индустриализации [19; С. 241–254]. Следуя этим рекомендациям, было активизировано развитие регионов, позволившее достичь стратификации их уровня как аграрно-индустриального и значительно сблизить с уровнем развития других регионов [3; 11].

Хронический характер отставания в экономическом развитии исследуемых регионов предопределил их бедность. Несмотря на сглаживающее влияние федеральных дотаций (поз. 14), бедность семи регионов, как и всех в целом регионов подгруппы «менее развитые аграрные», была и остается более выраженной по сравнению с другими регионами, определяя места в последней десятке среди регионов России (поз. 8–11). Одним из следствий является более высокий миграционный выезд из регионов по сравнению с въездом (поз. 13).

Слабость импульсов самодвижения в развитии — главная причина периферийности, пути преодоления

Характеристика периферийности региона не ограничивается отражением его аутсайдерского положения по социально-экономическим показателям. Периферийность — сложная проблема. Она включает не только экономические, но и «неэкономические грани экономики» [4]. От полного понимания сущности периферийности зависит успешность социально-экономических преобразований.

Почти все рассматриваемые регионы находятся в последней десятке 85 регионов страны по числу расторгаемых браков на 1000 человек (Республика Дагестан — на 83-м месте, Чеченская Республика — на 84-м и Республика Ингушетия — на 85-м). Это говорит о высоком почитании роли семьи, при котором обеспечение ее экономического благосостояния для жителей Юга России является мерилом своей социальной значимости: «не хуже, чем у других». То есть экономическая активность предопределена имманентно. Но наблюдается парадокс: при качествах высокой экономической активности, присущих жителям исследуемых регионов, последние быстро утратили достигнутые в советский период успехи и возвратились в состояние хронической отсталости. Парадокс не является необъяснимым. Во-первых, экономические успехи в советский период были достигнуты в результате централизованного государственного управления. Региональная составляющая управления имела несuverенное вспомогательное значение. Во-вторых, в своих регионах кавказцы и калмыки менее успешны, чем за их пределами. Это нельзя ничем иначе объяснить, кроме как различием условий экономической деятельности [26].

Цели экономической и социальной самодостаточности человеком могут достигаться в соответствии с двумя началами: соответствующими и не соответствующими морали общечеловеческих ценностей, а также заповедям всех четырех религий, исповедуемых в семи регионах. Общество как совокупность людей, как отмечают авторы [7; 27], включает в себя оба начала. Способность к саморазвитию общества, его успешность зависит от преобладания того или иного начала. Преобладание одного из них будет зависеть от состояния общественной среды: сложившейся практической культуры, праведности судебной системы, объективности средств массовой информации, эффективности власти, чему и кому все они служат: обществу или отдельным его группам. В настоящее время ни по одному из этих пунктов по исследуемым регионам невозможно дать позитивную оценку.

Институциональными установками, введенными в стране в 90-х годах, посеян вирус стяжательства и коррупции. В развитых регионах страны, которым присущи качества индустриального общества, хотя и ущемлено, но действует иммунитет противодействия вирусу. В слабо развитых же регионах действие усугубляется наличием периферийного сознания с элементами, как утверждает Г. Мюрдаль, ментальности в практическом восприятии институциональных установок [20]. Так, периферийность сознания проявляется, например, в том, что для состоятельных членов общества характерно стремление к потребительским стандартам богатых

стран, но не адекватным низкой экономической состоятельности региона. Как отмечает Р. Пребиш, имея в виду страны Латинской Америки, излишек доходов богатыми людьми используется не для инвестирования расширения экономики с адсорбцией незанятой части населения, как это делается в развитых странах, а на омертвление в расточительных излишествах [21].

Периферийным регионам характерно также более выраженная по сравнению с индустриальными регионами авторитарность власти при меньшей ее инициативной суверенности на фоне отсутствия контроля над нею и подавленности гражданской активности. Эти качества являются основой низкой эффективности региональной власти, причиной инкубации качеств второго начала, немощности и полной зависимости от центра. Трудно рассчитывать на суверенность инициативы региональной власти, если величина дотаций зашкаливает 90-процентную черту доходов консолидированных бюджетов регионов (таб. 2, поз. 14).

Из изложенного следует, что все черты периферийности угнетающе воздействуют на экономическое развитие регионов–аутсайдеров России, определяя слабость импульсов самодвижения в развитии. Согласно Теории периферийной экономики, отсутствие самодвижения в развитии (саморазвитии) является обобщенной причиной консервации слаборазвитости стран [16; 21]. Этот тезис в полной мере можно отнести к характеристике состояния экономики регионов.

Известные ученые экономисты России консолидировались в единстве научного видения необходимости роста экономической самостоятельности и саморазвития регионов. Основной довод: в России чрезмерная централизация властных полномочий и финансовых средств, и государство использует их крайне неэффективно [5; 14; 29]. В то же время обескровленные регионы не могут вносить достаточный вклад в централизованные фонды страны. Получается замкнутый круг. При экономической самостоятельности регионов складывающаяся дифференциация уровней развития в самооценке регионов будет восприниматься как «справедливая», так как окажется результатом собственной деятельности. Это должно сглаживать противоречия, связанные с неравенством.

Важное направление роста экономической самостоятельности и саморазвития регионов кроется в мерах по улучшению состояния общественной среды, ее оздоровлению. Целью этих мер должно быть создание условий для обнаружения скрытой втуне энергии потенциала созидательного труда экономически активной части населения во всех видах деятельности: управленческой, предпринимательской, исполнительской. Члены Клуба академика О. Т. Богомолова, который включает широкий круг ученых и специалистов (экономистов, историков, философов, социологов, правоведов, политологов, экологов и практических работников), на основе междисциплинарного подхода выявили все изъяны состояния общественной среды [4]. Во многом эти изъяны появились в постсоветский период. Одной из главных причин можно назвать отсутствие какой-либо государственной идеологии развития. Пустоту занимают различные установки, отдаленные от морали, соответствующей общечеловеческим ценностям.

Давно назрела необходимость иметь легитимную доктрину целевых установок дальнего развития, приемлемую подавляющим большинством населения. Видение приемлемого будущего создаст предпосылку дальнейшей мотивации ориентации людей в едином русле созидания. Однако опыт показывает, что дальняя мотивация не будет действенной, если в текущих периодах не окажется постоянного подтверждения движения по пути, намеченному в доктрине. Именно с этих позиций необходимо провести ревизию действующих институциональных установок по критерию соответствия текущей и дальнейшей мотивации, которое приведет к согласию народа и власти, межличностному доверию и к прогрессу [3; 7; 29].

Конечной целью «Т.п.э.» было обоснование необходимости внешней помощи. А именно: сторонники «Т.п.э.» доказали необходимость отказаться от догмы о незаблещенности сложившегося международного разделения труда [30]. Аграрная специализация слаборазвитых стран без индустриального развития — это путь сохранения состояния периферийности [11; 15]. При этом в ветви «Т.п.э.» — Теории зависимого развития («Т.з.р.») — обосновывается обязанность развитых стран оказывать помощь слаборазвитым. Логика доказательства такова: развитость стран Центра была достигнута за счет недоразвития стран Периферии, и поэтому первые являются должниками вторых [13; 16; 32].

Мыслим аналогично. Отнесение регионов России в подгруппу «менее развитые аграрные» нельзя воспринимать как панацею. Это имеет деструктивные последствия. Можно привести не один пример, когда федеральные чиновники, ссылаясь на аграрную специализацию как на жесткий императив, гасят инициативы бизнеса регионов и зарубежных инвесторов по размещению в республиках Северного Кавказа промышленных предприятий на выгодных кредитных условиях. Это деструктивный подход. Аграрно-ориентированные регионы не могут активно развиваться, не имея минимума промышленных предприятий, генерирующих на территориях техническую культуру. Без последней не может быть ни полнокровной аграрной специализации, ни вообще экономической успешности. Периферийные регионы России имеют благоприятные природно-климатические условия и удобное приграничное географическое расположение для экономической интеграции как с регионами страны, так и с зарубежьем [9]. Нет причин для вынесения регионам приговора «менее развитые аграрные». Они могут иметь характеристику «развитые аграрные». Только при этом Россия не будет оставаться в тупике территориального дисбаланса и общего отставания в развитии. Из сказанного следует, что отстающим в развитии регионам необходима помощь Центра страны. Но суть этой помощи в аспекте отдельной страны будет иная. Во-первых, в отличие от «Т.з.р.» это будет взаимозависимое развитие. Во-вторых, при ориентации регионов на достижение импульсов саморазвития необходимо не только и не столько предоставление Центром ресурсов (технологических, инвестиционных и пр.), сколько создание условий, исключающих паразитизм и стимулирующих эффективное развитие.

Заключение. Аграрно-ориентированные регионы России имеют все признаки периферийности, соответствующие аналогам, отраженным в Теории периферийной экономики капитализма. В совокупности все позиции периферийности отражают состояние общественной среды, угнетающей импульсы саморазвития регионов.

Сложившееся состояние общественной среды во многом предопределено неэффективностью государственного управления. Его оздоровление предполагает создание условий стимулирования альтруистических и погашения эгоистических начал в качественном состоянии социума.

Ключевым звеном социально-экономических преобразований в России является перерождение в первую очередь самих органов государственного управления на основах главной неэкономической грани, влияющей на экономику, — патриотизма. В настоящее время ситуация такова, что в органах власти, в обществе отсутствует достаточная мера видения необходимости коренных преобразований в системе государственного управления как условия самосохранения и защиты общества от катастрофических коллизий. Необходима такая глубина и широта осознания, при которой преобразования будут восприниматься как объективная необходимость на всех уровнях общества. Не может быть, чтобы угроза потери стабильности общества и целостности страны не вывела в авангард патриотические силы, которые проведут взаимосвязанные преобразования институциональных установок во всех сферах: экономической, правовой, политической и других институций.

Литература

1. Абдулмананов П. Г. Демографический фактор развития трудоизбыточного региона // *Региональная экономика: теория и практика*. — 2008. — № 31. — С. 69–73.
2. Анисимова Г. В. Методологические аспекты анализа экономического неравенства: советские и постсоветские проблемы // *TERRA ECONOMICUS*. — 2016. Выпуск № 1. Т. 14. С. 61–77.
3. Багомедов М. А. Формирование социально-экономической политики в проблемных регионах в условиях модернизации общественных отношений // *Вопросы структуризации экономики*. — 2014. — № 1. — С. 184–188.
4. Богомолов О. Т., Кузык Б. Н. *Неэкономические грани экономики: непознанное влияние. Научные и публицистические заметки обществоведов*. — М.: Издательство ИНЭС, 2010. 796 с.
5. Бочко В. С. Жизнестойкость территории: содержание и пути укрепления // *Экономика региона*. — 2013. — № 3. — С. 26–37.
6. Volkov S. K. *Social and Economic Disproportion of Development of Russian Territories. Regional and Sectoral Economic Studies*, 2015, vol. 15–20. Pp. 137–144. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.usc.es/economet/journals2/eers/eers15210.pdf>
7. George A. Akerlof, Robert J. Shiller. *Animal Spirits: How Human Psychology Drives the Economy, and Why It Matters for Global Capitalism*. Princeton University Press, 2011. 264 p. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://ebookey.org/Animal-Spirits-How-Human-Psychology-Drives-the-Economy-and-Why-It-Matters-for-Global-Capitalism_1533071.html, свободный. — Загл. с экрана.

8. Гимбатов Ш. М. Проблемы социальной интеграции полиэтничного региона // *Управление экономическими системами: электронный научный журнал*. — 2011. — № 36(12). — С. 76.
9. Гичиев Н. С. Внешние и внутренние факторы экономического роста в субъектах Северо-Кавказского федерального округа // *Региональная экономика: теория и практика*. — 2010. — № 46. — С. 10–20.
10. Голяшев А. В., Григорьев А. М. Типы российских регионов: устойчивость и сдвиги в 2003–2013 годах / Доклад в Аналитическом центре при Правительстве Российской Федерации. 2014 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/4363.pdf>, свободный. — Загл. с экрана.
11. Гордеев О. И., Дандамаева Р. Г. Экономические проблемы регионов и отраслевых комплексов: основные положения функционирования системы экономического роста в народном хозяйстве региона // *Апробация*. — 2016. — № 4(43). — С. 136–39.
12. Гранберг А. Г., Зайцева Ю. С. Валовый региональный продукт: межрегиональные сравнения / А.Г. Гранберг, Ю.С. Зайцева. — М.: Издательство СОПС, 2003. 117 с.
13. Guisan M. C., Aguayo E. Manufacturing and Development in Countries and Areas of America, 2000–2010. *Regional and Sectoral Economic Studies*, 2015, vol. 15–1, pp. 187–192. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.usc.es/economet/reviews/eers15113.pdf>, свободный. — Загл. с экрана.
14. Зубаревич Н. В. Стратегия пространственного развития после кризиса. От больших проектов к индустриальной модернизации // *Журнал новой экономической ассоциации*. — 2015. — № 2. — С. 226–230.
15. Идзиев Г. И. Развитие промышленного комплекса и оздоровление экономики Республики Дагестан // *Вопросы структуризации экономики*. — 2014. — № 3. — С. 55–56.
16. Cardoso F. H. and Faletto E. *Dependency and Development in Latin America*. Berkeley etc., 1978. P. 1727.
17. Клейнер Г.Б. Устойчивость российской экономики в зеркале системной экономической теории (Часть 1) // *Вопросы экономики*. — 2015. — № 12. — С. 107–123.
18. Кутаев Ш.К. Развитие системы подготовки кадров в интересах регионального рынка труда // *Региональная экономика: теория и практика*. — 2010. — № 22(157). — С. 62–68.
19. Ленин В.И. *Собрание сочинений*. Изд. 5. Т. 41. М.: Издательство политической литературы, 1981. — С. 241–254.
20. Мюрдаль Г. *Мировая экономика. Проблемы и перспективы* / Г. Мюрдаль // М.: Государственное издательство иностранной литературы, 1958. 555 с.
21. Пребиш Р. Периферийный капитализм: есть ли ему альтернатива? / Перевод изд.: *Capitalismo periferico. Crisis y transformacion* / Raul Prebisch (Mexico, Fondo de Cultura Economica, 1981). М.: ИЛА, 1992. 337 с.
22. Пребиш Р. Актуальные проблемы социально-экономического развития / Р.Пребиш // *Латинская Америка*. — 1977. — № 6. — С. 44–52.
23. Plotnikov V., Fedotova G., Popkova E., Kastyurina A. Harmonization of Strategic Planning Indicators of Territories' Socioeconomic Growth. *Regional and Sectoral Economic Studies*, 2015, vol. 15–20. P. 105–114. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.usc.es/economet/journals2/eers/eers1527.pdf>, свободный. — Загл. с экрана.
24. Регионы России. Социально-экономические показатели. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156, свободный. — Загл. с экрана.
25. Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ. Итоги 2014 г. Электронно-текстовые данные. — Режим доступа: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/rating_regions_2015.pdf, свободный. — Загл. с экрана.
26. Сагидов Ю. Н. Мотивационные побуждения как фактор развития // *Региональная экономика: теория и практика*. — 2014. — № 46. — С. 13–23.
27. Samuel Bowles, Herbert Gintis. *A Cooperative Species: Human Reciprocity and its Evolution* Princeton University Press, 2011. 288 p [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://ebookey.org/A-Cooperative-Species-Human-Reciprocity-and-Its-Evolution_1651247.html, свободный. — Загл. с экрана.
28. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов (книги I–III) / Пер. с англ., вводная статья и комментарии Е.М. Майбурда. М.: Наука, 1993. 572 с.
29. Татаркин А. И. Региональная направленность экономической политики Российской Федерации как института пространственного обустройства территорий // *Экономика региона*, 2016. — Т. 12. Вып. 1. — С. 9–27.
30. Furtado C. *La economica Latinoamericana. Unasintic des de la conquista iberica hasta la revokucion cubana*. Santiago de Chili. Ed Universitaria, 1970. 311 p [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://finlit.online/page/ieu3/ist/ist-8--idz-ax239--nf-128.html>, свободный. — Загл. с экрана.
31. Хаджалова Х. М. Социально-экономическая безопасность и угрозы социальной стабильности в регионе // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. — 2010. — № 2. — С. 58–62.
32. Huillery Elise *History Matters: The Long-Term Impact of Colonial Public Investments in French West Africa*. *American Economic Journal: Applied Economics*, april 2009, vol. 1, no. 2, pp. 176–215 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.aeaweb.org/articles?id=10.1257/app.1.2.176> 32, свободный. — Загл. с экрана.
33. Gerber Alan S., Dean Karlan and Daniel Bergan *Does the Media Matter? A Field Experiment Measuring the Effect of Newspapers on Voting Behavior and Political Opinions*. *American Economic Journal: Applied Economics*, april 2009, vol. 1. No. 2. P. 35–52 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.aeaweb.org/articles?id=10.1257/app.1.2.35>, свободный. — Загл. с экрана.

References:

1. Abdulmanapov P. G. *Demographic factor of development of the excess working region//regional economy: theory and practice*. 2008. No. 31. P. 69–73.
2. Anisimova G. V. *Methodological aspects of the analysis of economic disparity: Soviet and Post-Soviet problems//TERRA ECONOMICUS*. 2016. Release No. 1. T. 14. P. 61–77.
3. Bagomedov M. A. *Forming of social and economic policy in problem regions in the conditions of upgrade of the public relations // Questions of structurization of economy*. 2014. No. 1. P. 184–188.
4. Mantises O. T., Kuzyk B. N. *Not economic sides of economy: unknown influence. Scientific and publicistic notes of social scientists*. M.: INES publishing house, 2010. 796 p.
5. Bochko V. S. *The Resilience of the territory: content and ways to strengthen the Economy of the region*. 2013. No. 3. P. 26–37.
6. Volkov S. K. *Social and Economic Disproportion of Development of Russian Territories. Regional and Sectoral Economic Studies*, 2015. Vol. 15–20. P. 137–144 [An electronic resource]. Access mode: <http://www.usc.es/economet/journals2/eers/eers15210.pdf>, free. Heading from the screen.
7. George A. Akerlof, Robert J. Shiller. *Animal Spirits: How Human Psychology Drives the Economy, and Why It Matters for Global Capitalism*. Princeton University Press, 2011. 264 rubles of [An electronic resource]. Access mode: http://ebookey.org/Animal-Spirits-How-Human-Psychology-Drives-the-Economy-and-Why-It-Matters-for-Global-Capitalism_1533071.html, free. Heading from the screen.
8. Gimbatov Sh. M. *Problems of social integration of the polietnichny region // Management economic systems: online scientific magazine*. 2011. No. 36(12). P. 76.
9. Gichiyev N. S. *External and internal factors of economic growth in subjects of the North Caucasian Federal District//Regional economy: theory and practice*. 2010. No. 46. P. 10–20.
10. Golyashev A. V., Grigoriev A. M. *Types of the Russian regions: stability and shifts in 2003–2013 years / Report in Analytical center in case of the Government of the Russian Federation*. 2014 [An electronic resource]. Access mode: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/4363.pdf>, free. Heading from the screen.
11. Gordeev O. I., Dandamayeva R. G. *Economic problems of regions and industry complexes basic provisions of functioning of system of economic growth in the national economy of the region // Approbation*. 2016. No. 4 (43). P. 136–39.
12. Granberg A. G., Zaytseva Yu. S. *Gross regional product: interregional comparisons / A.G. Granberg, Yu. S. Zaytseva*. M.: SOPS publishing house, 2003. 117 p.
13. Guisan M.C., Aguayo E. *Manufacturing and Development in Countries and Areas of America, 2000-2010. Regional and Sectoral Economic Studies*, 2015. Vol. 15–1. P. 187–192 [An electronic resource]. Access mode: <http://www.usc.es/economet/reviews/eers15113.pdf>, free. Heading from the screen.
14. Zubarevich N. V. *The strategy of spatial development after crisis. From big projects to industrial upgrade // The Magazine of new economic association*. 2015. No. 2. P. 226–230.
15. Idziyev G. I. *Development of an industrial complex and improvement of economy of the Republic of Dagestan // Questions of structurization of economy*. 2014. No. 3. P. 55–56.
16. Cardoso F. H. and Faletto E. *Dependency and Development in Latin America*. Berkeley etc., 1978, 1727 p.
17. Kleyner G. B. *Stability of the Russian economy in a mirror of the system economic theory (Part 1) // Economy Questions*. 2015. No. 12. P. 107–123.
18. Kutayev Sh. K. *Development of system of training for the benefit of the regional labor market // Regional economy: theory and practice*. 2010. No. 22(157). P. 62–68.
19. Lenin V. I. *Collected works*. Prod. 5. T. 41. M.: Publishing house of political literature, 1981. P. 241–254.
20. Myrdal G. *World economy. Problems and prospects / G. Myrdal // M.: State publishing house of foreign literature*, 1958, 555 p.
21. Prebisch R. *Peripheral capitalism: whether there is to it an alternative? / Translation of prod.: Capitalismo periferico. Crisis y transformacion/Raul Prebisch (Mexico, Fondo de Cultura Economica, 1981). M.: SILT, 1992, 337 p.*
22. Prebisch R. *Urgent problems of social and economic development / R. Prebisch // Latin America*, 1977. No. 6. P. 44–52.
23. Plotnikov V., Fedotova G., Popkova E., Kastyurina A. *Harmonization of Strategic Planning Indicators of Territories' Socioeconomic Growth. Regional and Sectoral Economic Studies*, 2015. Vol. 15–20. P. 105–114 [An electronic resource]. Access mode: <http://www.usc.es/economet/journals2/eers/eers1527.pdf>, free. Heading from the screen.
24. *Regions of Russia. Socio-economic indexes [An electronic resource]*. Access mode: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156, free. Heading from the screen.
25. *Rating of economic and social situation of territorial subjects of the Russian Federation. Results of 2014 [An electronic resource]*. Access mode: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/rating_regions_2015.pdf, free. Heading from the screen.
26. Sagidov Yu. N. *Motivational motives as development factor//Regional economy: theory and practice*. 2014. No. 46. P. 13–23.
27. Samuel Bowles, Herbert Gintis. *A Cooperative Species: Human Reciprocity and its Evolution* Princeton University Press, 2011. 288 p. [An electronic resource]. Access mode: http://ebookey.org/A-Cooperative-Species-Human-Reciprocity-and-Its-Evolution_1651247.html, free. Heading from the screen.
28. Smith A. *A research about the nature and the reasons of wealth of the people (the book I–III) / the Lane with English, introduction article and E. M. Mayburd's comments*. M.: Science, 1993. 572 p.
29. Tatarin A. I. *Regional orientation of economic policy of the Russian Federation as institute of spatial arrangement of the territories // Economy of the region*, 2016. T. 12. Issue 1. P. 9–27.

30. Furtado C. *La economica Latinoamerucana. Unasintic des de la con-cuista iberica hasta la revokucion cubana*. Santiago de Chili. Ed Universituria, 1970. 311 p. [An electronic resource]. Access mode: <http://finlit.online/page/ieu3/ist/ist-8--idz-ax239--nf-128.html>, free. Heading from the screen.
31. Hadzhalova H. M. *Social and economic safety and threats of social stability in the region // National interests: priorities and safety*. 2010. No. 2. P. 58–62.
32. Huillery Elise *History Matters: The Long-Term Impact of Colonial Public Investments in French West Africa*. *American Economic Journal: Applied Economics*, april 2009. Vol. 1. No. 2. P. 176–215 [An electronic resource]. Access mode: <https://www.aeaweb.org/articles?id=10.1257/app.1.2.176> 32, free. Heading from the screen.
33. Gerber Alan S., Dean Karlan and Daniel Bergan *Does the Media Matter? A Field Experiment Measuring the Effect of Newspapers on Voting Behavior and Political Opinions*. *American Economic Journal: Applied Economics*, april 2009, vol. 1. No. 2. P. 35–52 [An electronic resource]. Access mode: <https://www.aeaweb.org/articles?id=10.1257/app.1.2.35>, free. Heading from the screen.

УДК 336.22:332.1

РОЩУПКИНА ВИОЛЕТТА ВИКТОРОВНА

д.э.н., доцент, профессор кафедры «Финансы и кредит» ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь, e-mail: kluvil@rambler.ru

УПРАВЛЕНИЕ ПОТЕНЦИАЛОМ ПО НАЛОГУ НА ПРИБЫЛЬ ОРГАНИЗАЦИЙ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЛОГОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНА¹

Аннотация. Целью исследования стало рассмотрение механизма управления налоговым потенциалом, в том числе по налогу на прибыль организаций, через реализацию функций налогового администрирования финансовыми органами государства и их территориальными подразделениями. Результатом явилась формулировка задач администрирования в диапазоне налоговых отношений: реализации налоговой политики, взаимоотношениях налоговых органов с налогоплательщиками, контроле за реализацией налогового механизма и управлении налоговым потенциалом, что позволило автору рассмотреть функции налогового администрирования. Влияющие на реализацию функций налогового администрирования экономические, геополитические отношения, кризисные ситуации, риски государства и налогоплательщиков обуславливают необходимость развития существующих функций налогового администрирования, их содержания, выделение новых системных и целевых задач. К таким задачам в современных условиях следует отнести задачу обеспечения налоговой безопасности, в том числе по налогу на прибыль как одному из проблемных налогов.

Ключевые слова: налоговая система, налоговая политика, прибыль, безопасность.

ROSCHUPKINA VIOLETTA VICTOROVNA

Doctor of Economic Sciences, Professor of the Department of "Finances and Credit" of FSAEI of HE "North Caucasian Federal University", Stavropol, e-mail: kluvil@rambler.ru

MANAGEMENT OF POTENTIAL IN TAX ON ORGANIZATIONAL PROFITS AS A FACTOR OF PROVIDING FOR TAXATION SECURITY OF THE REGION

Abstract. The goal of the study was researching the mechanism of management of taxation potential including organization income tax through implementation of functions of tax administration by the financial authorities of the state and its territorial subdivisions. The result was formulating the tasks of administration in the range of taxation relations: implementation of the tax policy, interrelations of tax authorities with taxpayers, control of implementation of the tax mechanism and management of the taxation potential which permitted the author to discuss the functions of taxation administration. Economic, geopolitical relationships, crisis situations, risks for the state and the taxpayers that impact implementation of functions of taxation administration explain the need for development of the existing functions of taxation administration, their content, distinguishing new system and target tasks. These tasks in the modern conditions include the task of providing for taxation security, including the income tax as one of the problem causing taxes.

Keywords: the taxation system, the tax policy, income, security.

ФНС продолжает сокращать число налоговых споров с бизнесом. Число судебных дел за 2015 год снизилось на 35 %, при этом в пользу ФНС взыскано 79 % сумм всех рассмотренных требований. В 2016 году ФНС продолжила применять риск-тренированный подход, налоговый мониторинг и систему обязательного досудебного обжалования.

Налоговые поступления являются основой формирования доходной части бюджетов, в связи с чем особый интерес вызывают вопросы оценки этих доходов, их пределов и возможности увеличения. Уровень налоговых доходов неразрывно связан с налоговым потенциалом, проблема определения сущности и управления которым является важной государственной зада-

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 16-36-00077 мол_а.

чей.

Налоговый потенциал является своеобразной «подушкой безопасности» в экономическом развитии региона и его территорий, что объясняется с нескольких позиций:

1. Точно определенная структура налогового потенциала и эффективная методика планирования налоговых платежей, исходя из существующего состояния налоговых баз, тенденций их развития, обусловленных ростом объемов производства и стоимости бизнеса, является ключевой информационной основой бюджетной обеспеченности, определяемой исходя из возможных поступлений налоговых доходов в бюджеты всех уровней.

2. Эффективность планирования налоговых платежей обусловлена: комфортной налоговой средой, в которой сохраняется и умножается налоговая культура налогоплательщиков; снижением налоговых рисков и достижением оптимального уровня налоговой нагрузки, сочетающегося с планируемым и прогнозируемым уровнем рентабельности организационно-налогоплательщика. Такая налоговая среда может характеризоваться достаточным уровнем налоговой безопасности.

3. Сформированный налоговый потенциал требует оценки не только плановых и прогнозных величин, используемых при его формировании, но и фактических данных о налоговых доходах территории, обеспечивающих бюджет, его доходную часть.

Под угрозами налоговой безопасности территории понимается совокупность индикаторов, создающих опасность интересам государства в сфере формирования налогового потенциала по каждому налогу.

Риски налоговой безопасности являются неопределенностями неблагоприятного характера, создающими условия и формирующими факторы опасности интересам государства и территорий. По налогу на прибыль организаций ими являются:

- некорректное оформление подтверждающей документации, отсутствие систем контроля за документооборотом;
- осуществление сделок, направленных на уменьшение налоговой нагрузки;
- прямое нарушение налогоплательщиком законодательства о налогах и сборах;
- осуществление сделок, в отношении которых есть неопределенность в трактовке положений законодательства о налогах и сборах;
- непреднамеренные ошибки, возникающие при ведении бухгалтерского и налогового учета;
- умышленные действия, направленные на искажение бухгалтерской (финансовой) отчетности и др.

Все риски формируются в определенной среде: экономической, правовой, политической, социальной, технологической. При этом вся совокупность рисков находится в постоянном взаимодействии, что объясняет: появление угрозы риска, вероятность наступления риска, оценку последствий наступления риска. Наиболее сложным на практике является процесс идентификации риска.

В Ставропольском крае наибольшую опасность составляют социальные риски и риски изменения налоговой среды, что связано со структурой налоговых доходов исследуемой территории: риски изменения налоговой среды оказывают существенное воздействие на объем налоговых доходов, поступающих в бюджетную систему. Наступление данных рисков в регионе позволяет идентифицировать угрозу экономической безопасности и устойчивому развитию территории.

Исследование вышеназванных условий и факторов позволяет идентифицировать риски и выделить угрозы налоговой безопасности территории, отраженные на рисунке 1.

Процесс принятия управленческих решений по обеспечению налоговой безопасности территории может состоять из следующих этапов:

- определение целей обеспечения налоговой безопасности территории;
- идентификация рисков, угроз налоговой безопасности;
- мониторинг индикатора налоговой безопасности территории — налогового потенциала;
- снижение угроз налоговой безопасности;
- создание стратегии налоговой безопасности территории.

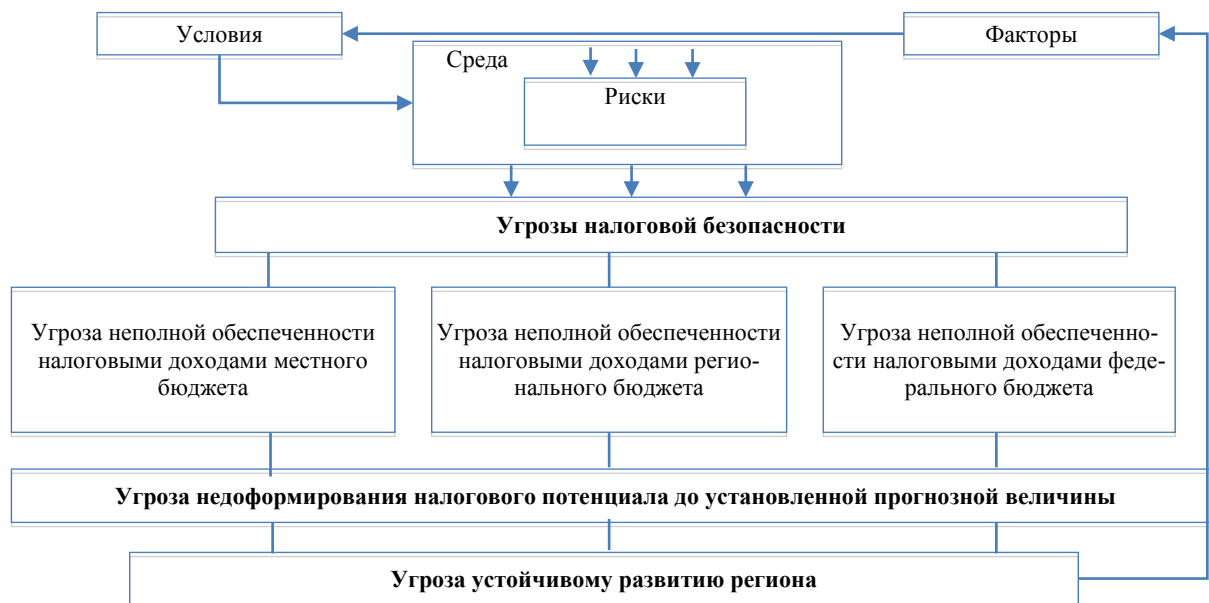

Рис. 1. Угрозы налоговой безопасности территории.

Особое внимание следует уделить стратегии налоговой безопасности. В соответствии со стратегией должны определяться основные направления налоговой политики.

Представленная модель угроз налоговой безопасности территории позволяет выделить специфическую (комплексную) функцию налогового администрирования и управления налоговым потенциалом — «обеспечение налоговой безопасности региона».

Рассмотрим более подробно выделенные функции.

Генерирование возможных сценариев формирования налогового потенциала и управление им обуславливает выделение такой функции, как налоговое планирование и прогнозирование.

Особое внимание необходимо уделить стратегическому планированию. В 2014 году вступил в силу Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации». Согласно п. 4 ст. 11, к документам стратегического планирования, в частности, отнесен бюджетный прогноз на долгосрочный период. Построение бюджетного прогноза неразрывно связано с определением показателя налоговых доходов и, как следствие, с концепцией формирования налогового потенциала территории. При этом варианты стратегических решений (план/прогноз, стратегия и концепция) зависят от вида налогового планирования.

Налоговый контроль позволяет выявить скрытые налоговые доходы в результате проведения камеральных и выездных налоговых проверок. Одним из показателей эффективности осуществления данной деятельности является коэффициент, определяющий уровень мобилизации в бюджетную систему налоговых доходов и других обязательных платежей и участвующих в оценке налогового потенциала региона.

Анализ степени реализации потенциала по налогу на прибыль организаций региона

Базовыми факторами обеспечения поступления налога на прибыль организаций являются такие составляющие, как количество налогоплательщиков и налогооблагаемая база.

В бюджет Ставропольского края налог на прибыль организаций поступает от различных категорий налогоплательщиков, что также оказывает существенное влияние на его формирование. Анализ эффективности выполнения плановых параметров бюджета в части налога на прибыль показал, что более 70 % поступлений обеспечили налогоплательщики, которые не зарегистрированы на территории края в качестве юридического лица.

Анализ функции управления налоговым потенциалом осуществляется в двух формах: макроэкономическом и микроэкономическом. Объектом анализа выступает внутренняя отчетность (таблица 1), формируемая налоговыми органами, а также информация, полученная из внешних источников для оценки социально-экономического положения территории и влияния различных факторов на формирование налогового потенциала.

Таблица 2

Сумма поступлений налога на прибыль организаций по Ставропольскому краю

Показатели	Всего				
	2013 год	2014 год	2015 год	2014 год к 2013, %	2015 год к 2014, %
Объем реализованных товаров (работ, услуг) организациями, применяющими общеустановленную систему налогообложения, млн руб.	699983,2	760856,3	723386,1	108,7	95,1
Поступило налога на прибыль организаций, млн руб.	7219,4	5516,4	5562,4	76,4	100,8

Таким образом, налог на прибыль является тем налогом, с помощью которого государство может наиболее активно воздействовать на развитие экономики. Благодаря прямой связи этого налога с размером получаемого организациями дохода, через представленные макроэкономические механизмы государство стимулирует или ограничивает инвестиционную активность в различных сферах экономики и регионах. Эти же цели выполняет и инвестиционный налоговый кредит, предоставляемый налогоплательщикам и погашаемый за счет полученной прибыли организацией (в Ставропольском крае на текущую дату отсутствует действующий законодательный акт по инвестиционному налоговому кредиту по налогу на прибыль, этот механизм находится в стадии разработки и согласования рядом исполнительных органов региона).

Данные, необходимые для оценки налогового потенциала субъекта Российской Федерации по налогу на прибыль организаций при помощи метода прямого счета, представлены в таблице 3.

Таблица 3

Расчет налогового потенциала региона

Показатели	Годы			Отклонение 2015 года к 2013 году	
	2013	2014	2015	Абсолютное отклонение (+, -)	Относительное отклонение, %
1	2	3	4	5	6
Налог на прибыль организаций, млн руб.	11991,84	11505,10	11324,48	- 667,36	94,43
Общий налоговый потенциал, млн руб.	56827,92	62062,98	59501,27	2673,35	104,70

В условиях рыночной экономики на основе проведенного анализа можно сделать следующий вывод: прибыль, выполняя роль финансовой категории, является объектом финансовых отношений и средством создания и функционирования национальных и международных финансовых систем.

В качестве потенциально эффективной меры выделим дифференциацию условий налогообложения для малых, средних и крупных предприятий. Однако эффективность этой меры необходимо подвергнуть тестированию на основе дополнительных данных.

Налоговый мониторинг следует считать специфической, комплексной функцией налогового администрирования и управления налоговым потенциалом, позволяющей обрабатывать и получать своевременную информацию для принятия решений. Функциональные задачи мониторинга содержатся в перечнях основных задач всех управлений центрального аппарата ФНС России, в функциях и задачах территориальных налоговых органов [4]. Мониторинг необходим для обобщения и анализа сведений о структурных элементах налогового потенциала.

Таким образом, управление налоговым потенциалом, обеспечиваемое посредством реали-

зации вышеназванных функций налогового администрирования, способствует выявлению и идентификации рисков, формируемых в системе управления налоговыми отношениями и распространяемых на все экономические процессы. Наступление налоговых рисков тесно связано с угрозами налоговой безопасности региона, к которым отнесены:

- угроза неполной обеспеченности налоговыми доходами федерального бюджета;
- угроза неполной обеспеченности налоговыми доходами регионального бюджета;
- угроза неполной обеспеченности налоговыми доходами местного бюджета.

Поэтому снижение и предотвращение налоговых рисков, которые могут привести к угрозам налоговой безопасности, представляется одним из главных инструментов управления налоговым потенциалом региона.

Не менее важной рекомендацией по формированию конструкции оптимального управления налоговым потенциалом является усиление кредита доверия общества субфедеральному правительству. Усиление доверия позволит расширять горизонт планирования. Планирование на долгосрочную перспективу совместно с приданием большего веса будущим выигрышам позволит реализовать функции управления, ведущее к более высокой траектории целевых функций как государства, так и корпоративного сектора.

Эффективное управление налоговым потенциалом в условиях комфортной налоговой среды и состояние этой среды обеспечивают налоговую безопасность региона. Управление налоговым потенциалом следует рассматривать через реализацию существующих функций налогового администрирования: налоговое планирование, учет налогоплательщиков, налоговый контроль, анализ, регулирование налогообложения, работа с налогоплательщиками и налоговый мониторинг, осуществляемые налоговыми органами на подведомственных им территориях. Развитие функций налогового администрирования под влиянием геополитических и внешних экономических отношений, кризисных ситуаций, роста рисков государства и налогоплательщиков ставят перед системой налогового администрирования новые задачи по обеспечению налоговой безопасности.

Основные источники повышения налогового потенциала состоят в совершенствовании организации системы управления доходами, включая эффективную работу с плательщиками налогов и сборов. Важное значение имеет создание условий для роста собираемости налогов и аналогичных платежей, поступающих в бюджеты регионов, и качественной оценки их прогнозных данных для повышения реалистичности финансового планирования.

Налоговые поступления могут быть увеличены путем введения новых налогов, повышения собираемости налогов, увеличения налоговых ставок, сокращения количества пользователей налоговых льгот, совершенствования налоговой базы региона. Однако при реализации данных мероприятий требуются предварительный анализ и оценка последствий от их внедрения.

Литература

1. Восканян Э. С. Методики расчета налогового потенциала региона // *Управленческий учет*. — 2014. — № 3. С. 89–92.
2. Восканян Э. С. Теоретические основы формирования налогового потенциала // *Экономические и гуманитарные науки*. — 2013. — № 8. С. 104–110.
3. Малис Н. И. Налоговая политика в противодействии теневой экономике: повышение собираемости налогов // *Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал*. — 2014. — № 1. — С. 81–90.
4. Ожегов Е. М. Оптимальная стратегия управления ставкой налога на прибыль организаций в регионе (на примере Пермского края) // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/7783376>, свободный. — Загл. с экрана.
5. Попова Е. В. Оценка аудитором налоговых рисков при проверке расчетов по налогу на прибыль [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.lfin.ru>, свободный. — Загл. с экрана.
6. Рощупкина В. В. Показатель налоговой нагрузки как индикатор эффективности фискальных мер государства // *Экономика. Налоги. Право*. — М. — Финансовый университет, 2016. — № 2. — С. 134–141.
7. Рощупкина В. В. Современные проблемы прогнозирования потенциала субъекта Федерации по налогу на прибыль организаций с учетом крупнейших и консолидированных групп налогоплательщиков // *Финансовая аналитика: проблемы и решения*. — М. — 2016. — № 12 (224). — С.12–20.
8. Швандар К. В., Анисимова А. А. Фискальная консолидация: мировой опыт // *Финансовая аналитика: проблемы и решения*. — М. — 2016. — № 28 (310). — С.51–62.
9. Alesina A., Carloni D., Lecce G. *The Electoral Consequences of Large Fiscal Adjustments*, NBER Working Paper. 2012. No. 17655.

10. Neaime S. Sustainability of budget deficits and public debts in selected European Union countries // *The Journal of Economic Asymmetries*. 2015. Vol. 12. Iss. 1. P. 1–21.

References:

1. Alesina A., Carloni D., Lecce G. *The Electoral Consequences of Large Fiscal Adjustments*, NBER Working Paper. 2012. No. 17655.
2. Malis N. I. *A tax policy in counteraction to a shadow economy: increase of a collecting of taxes [Nalogovaja politika v protivodejstvii tenevoj jekonomike: povyshenie sobiraemosti nalogov]* // *Research financial institution. Financial magazine*. 2014. No. 1. P. 81–90.
3. Neaime S. Sustainability of budget deficits and public debts in selected European Union countries // *The Journal of Economic Asymmetries*. 2015. Vol. 12. Iss. 1. P. 1–21.
4. Ojegov E. M. *The optimum strategy of management of a rate of the income tax of the organizations in the region (on the example of Perm Krai) [Optimal'naja strategija upravlenija stavkoj naloga na pribyl' organizacij v regione (na primere Permskogo kraja) [An electronic resource]*. Access mode: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/77833768>, free. Heading from the screen.
5. Popova E. V. *Evaluation of tax risks the auditor at check of calculations under the profit tax [Ocenka auditorom nalogovyh riskov pri proverke raschjotov po nalogu na pribyl' [An electronic resource]*. Access mode: <http://www.lfin.ru>, free. Heading from the screen.
6. Roshchupkina V. V. *Indicator of the tax load as indicator of efficiency of fiscal measures of the state [Pokazatel' nalogovoj nagruzki kak indikator jeffektivnosti fiskal'nyh mer gosudarstva]* // *Economy. Taxes. Right. M. Financial university*, 2016. No. 2. P. 134–141.
7. Roshchupkina V. V. *Modern problems of forecasting of capacity of the territorial subject of the federation on the income tax of the organizations taking into account the largest and consolidated groups of taxpayers [Sovremennye problemy prognozirovanija potenciala sub#ekta federacii po nalogu na pribyl' organizacij s uchetom krupnejshih i konsolidirovannyh grupp nalogoplatel'shhikov]* // *Financial analytics: problems and decisions*. M. 2016. No. 12 (224). P. 12–20.
8. Shvandar K. V. Anisimov, A.A. *Fiscal consolidation: world experience [Fiskal'naja konsolidacija: mirovoj opyt]* // *Financial analytics: problems and solutions*. M., 2016. No. 28 (310). P. 51–62.
9. Voskanyan E. S. *Methods for calculating tax potential of region [Metodiki rascheta nalogovogo potenciala regiona]* // *Managerial Accounting*. 2014. No. 3. P. 89–92.
10. Voskanyan E. S. *Theoretical bases of formation of tax potential [Nalogovaja politika v protivodejstvii tenevoj jekonomike: povyshenie sobiraemosti nalogov]* // *Economic Sciences and Humanities*. 2013. No. 8. P. 104–110.

УДК 332.146.2

ХУБИЕВА ЖАННА КЕМАЛОВНА

к.э.н., заведующий кафедрой «Экономические и финансовые дисциплины» ФГБОУ ВО
«Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева»,
e-mail: zhannakhubieva@rambler.ru

АНАЛИЗ МЕТОДИК МОДЕЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

Аннотация. Статья посвящена проблематике моделирования оптимальных вариантов социально-экономического развития регионов. Автором дан краткий аналитический обзор существующих моделей развития экономики на различных ее уровнях, рассмотрены модели межотраслевых балансов, эконометрические модели, а также методы прямого моделирования хозяйственно-экономической деятельности. Особый акцент смещен на освещение подходов к моделированию экономических процессов посредством создания так называемых вычислимых моделей общего равновесия. Также в статье проведен сравнительный анализ изложенных методик и аргументирован выбор рабочего подхода к конструированию модели социально-экономического развития конкретного региона. Обосновано, что характер экономических связей, состояние социальной сферы и инфраструктуры территорий предопределяет необходимость вмешательства государства в инвестиционный процесс и применение методов прямого инвестиционного анализа. Вместе с тем определено, что заимствование одной методики не позволит корректно моделировать варианты развития отдельно взятого региона.

Ключевые слова: региональное развитие, моделирование развития региона, модели межотраслевых балансов, эконометрические модели, прямые имитационные модели, модели нахождения рыночного равновесия.

KHOOBIEVA JANNA KEMALOVNA

Candidate of Economic Sciences, Head of the Department of "Economic and Financial Disciplines" of
FSBEI of HE "Karachay-Cherkessian State University named after U.D. Aliev",
e-mail: zhannakhubieva@rambler.ru

ANALYSIS OF METHODS OF MODELLING OF THE SOCIAL-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE REGION

Abstract. The manuscript is devoted to the problems of modelling the optimal options of the social-economic development of regions. The author has given a brief analytical review of the existing models of development of the economy at its different levels, discussed methods of inter-industrial balances, econometric models, as well as methods of direct modelling of the economic activity; a special stress has been placed on explaining the approaches to modelling economic processes through creating the so-called calculable models of common balance. Also, the manuscript has performed a comparative analysis of the methods explained and gave arguments towards choosing a working approach to constructing a model of social-economic development of a specific region. It has been substantiated that the character of economic connections, the state of the social sphere and the infrastructure of territories predisposes the need for an intervention of the state in the investment process and using methods of direct investment analysis. At the same time, it has been determined that borrowing one method will not allow to correctly model the options of development of a separate region.

Keywords: regional development, modelling of the development of the region, models of inter-industry balances, econometric models, direct imitational models, models of finding the market balance.

Научный анализ и прогнозирование регионального развития требуют целостного подхода, учитывающего объективное единство и взаимосвязь всех элементов и аспектов воспроизводственного процесса в регионе. Именно поэтому разработка плановых межотраслевых балансов учитывает в первую очередь совершенствование балансового метода планирования, точное количественное выражение сложных взаимосвязей процесса общественного воспроизводства, расчет сбалансированных вариантов структуры народного хозяйства на основе использования ЭВМ.

Динамическая модель межотраслевого баланса представляет собой частный случай модели экономической динамики, основанный на принципе межотраслевого баланса. Особое практическое значение этой модели связано с тем, что исходная информация, необходимая для ее построения, специально приспособлена к существующей системе сбора и обработки статистических и плановых показателей.

Модель включает n продуктов и n производственных отраслей, каждая из которых производит один продукт. В отрасль объединяются все процессы производства одного продукта, причем они агрегируются в один производственный способ. Интенсивность применения способа измеряется объемом выпуска соответствующего продукта. Годовой выпуск продукта ограничен имеющимися *производственными мощностями* отрасли. За единицу принимается мощность, необходимая для выпуска единицы продукта.

Время в модели дискретно, интервал между двумя последовательными моментами равен году. Продолжительность производственного цикла в отраслях, как правило, существенно меньше года, поэтому затраты и выпуск относят к одному моменту времени. Процессы создания новых мощностей, наоборот, могут иметь длительность большую, чем год.

По аналогии с межотраслевым балансом в динамической модели иногда формулируется не экстремальная задача, а задача отыскания допустимой траектории (допустимого плана). Задаются последовательность объемов потребления $\{c(t)\}_{t=0,1,2,\dots,T}$ и требование использования всех ресурсов¹ (ограничения по трудовым ресурсам при этом не учитываются²). В этих условиях план удовлетворяет уравнениям:

$$\mathbf{x}(t) = \mathbf{A} * \mathbf{x}(t) + \mathbf{B} * \mathbf{k}(t) + \mathbf{c}(t), \quad t = 0, 1, 2, \dots, T$$

$$\mathbf{x}(t) = \mathbf{x}(t-1) + \mathbf{k}(t-1), \quad t = 1, 2, \dots, T$$

Вектор $\mathbf{k}(t)$ здесь равен вектору приростов выпуска, и его обозначают через $D\mathbf{x}(t)$.

Более общим является подход к динамической модели межотраслевого баланса как к модели оптимального роста. Целевая функция может быть различной. Наиболее типичными являются потребительский и производственный критерии.

В первом случае задана функция предпочтения $u(c)$ и коэффициент приведения полезности во времени λ . Он может быть равен и единице. Максимизируется функция

$$\sum_{t=0}^T \lambda^{-t} u(c(t))$$

при конечных условиях $\mathbf{m}(T)$ ³ $\mathbf{m}_T$.

Во втором случае задана последовательность векторов потребления $\mathbf{c}_0(t)$, $t = 0, 1, 2, \dots, T$, и вектор $\mathbf{r}$ цен (весов) производственных мощностей в конце планового периода. Максимизируется функция

$$\langle \mathbf{r}, \mathbf{m}(T) \rangle \quad [\text{т.е. } S r_i * m_i(t)]$$

при дополнительных ограничениях

$$\mathbf{c}(t)$$
³ $\mathbf{c}_0(t)$, $t = 0, 1, 2, \dots, T$.

Описанная выше динамическая модель межотраслевого баланса (модель Леонтьева) в последние годы обобщалась и усложнялась в различных направлениях с целью более адекватного отражения действительности.

Приведем наиболее важные варианты усовершенствования:

- учет различного рода износа фондов;
- учет различных сроков строительства и освоения мощностей;
- введение вариантности в производство продукции;

¹ т. е. неравенства (1) и (2) должны выходить на равенства.

² т. е. неравенство (3) опускается.

- учет изменения технологических коэффициентов во времени;
- учет временного лага при освоении инвестиций;
- учет пространственной структуры экономики (межрегиональные балансы);
- учет демографических процессов и миграции;
- учет открытых внешних связей (включение в модель экспортно-импортных операций);
- учет случайных процессов [2, 5].

Эконометрические модели представляют собой системы регрессионных уравнений, связывающие экзогенные и эндогенные переменные. Выбор математической формы зависимостей и оценка параметров эконометрических моделей осуществляются с помощью математической статистики на основе информации временных и пространственных рядов. В прогнозировании и регулировании экономических процессов эконометрические модели применяются успешнее в тех ситуациях, когда динамика изучаемых процессов не претерпевает резких, скачкообразных изменений.

Выделяются два типа регрессионных эконометрических моделей:

- простые, состоящие из одного или не связанных между собой уравнений;
- состоящие из системы совместных уравнений, решение которых определяет систему эндогенных переменных.

Уравнение простой эконометрической модели имеет вид:

$$y_{jt} = f(z_{k,t}, u_t),$$

где y_{jt} — j-я эндогенная переменная в момент времени t;

$z_{k,t}$ — k-я экзогенная переменная в момент времени t;

u_t — ошибка наблюдения в момент t.

Главным препятствием в построении эконометрических моделей, связанных с российской экономикой, является недостаточное число наблюдений для выбора наиболее правильных зависимостей и оценки параметров.

Модели, основанные на составлении межотраслевых балансов или на выявлении эконометрических зависимостей между макропоказателями экономики, представляют собой «взгляд сверху» на экономические процессы, и в лучшем случае имеют дело с отраслями или подотраслями народного хозяйства. Специфика (и даже само существование) действующих хозяйственных субъектов не принимается во внимание. В отличие от этих методов методы прямого моделирования хозяйственно-экономической деятельности непосредственно рассматривают процессы, происходящие внутри действующих предприятий [2].

Среди данного класса моделей можно выделить:

- модели, предназначенные для управления и управленческого учета (методы построения бюджетирования, методы оценки эффективности по ключевым показателям, методы управления проектами и др.);
- модели, предназначенные для инвестиционного и стратегического планирования.

Остановимся детальнее на некоторых аспектах практической реализации методов второй группы.

Основным толчком к разработке данных методов послужил выпуск рекомендаций UNIDO³ (изложены в «Руководстве по подготовке технико-экономических обоснований промышленных проектов», издание второе, 1991 год). В данных рекомендациях оговаривается, что оценка финансовой эффективности инвестиционного проекта должна проводиться на основе построения перспективного плана развития компании и выделения из будущей финансовой отчетности «чистого денежного потока». Учитывая, что составление перспективной финансовой отчетности и выделение чистого денежного потока для реального крупного (или даже среднего) предприятия представляет собой весьма громоздкую задачу, UNIDO выпустило на российский рынок программный продукт «КОМФАР». Однако данный продукт плохо прижился в России, и в настоящее время его практически не используют. На основе методических рекомендаций UNIDO рядом российских инвестиционно-консалтинговых фирм созданы программные продукты, которые в настоящее время используются большинством финансовых и инвестицион-

³ Организация Объединенных Наций по промышленному развитию — созданное в 1966 году специальное учреждение ООН, цель которого состоит в содействии промышленному развитию и ускоренной индустриализации развивающихся стран путем мобилизации национальных и международных ресурсов.

ных аналитиков.

Детальные подходы к моделированию хозяйственной деятельности в этих продуктах весьма различаются, но методическая основа построения имитационной модели неизменна: задается модель окружающей экономической среды, составляется начальное состояние системы (производственные активы, финансы, персонал, запасы и ресурсы в момент времени, принятый за начало анализа), описывается модель производства (материальный баланс производства, потребность в ресурсах, длительность технологических процессов), составляются правила «конструирования будущего» — план продаж, план ввода новых мощностей (план инвестиций), далее проводится с некоторым временным шагом моделирование изменений системы (по аналогии с тем, как это делает бухгалтерия предприятия: проводятся платежные операции, фиксируются движения товаров на складе, производится отгрузка товаров потребителям, в требуемые моменты производится выплата налогов, переоценка и амортизация имущества и пр.). На основании построенных прогнозов финансовой отчетности строится «чистый денежный поток» (как правило, это сумма денежных потоков от операционной, инвестиционной и финансовой деятельности; приблизительно чистый денежный поток равен сумме чистой прибыли и начисленной амортизации) и вычисляются показатели инвестиционной эффективности (добавленная стоимость бизнеса, внутренняя норма рентабельности, срок окупаемости инвестиций и др.).

Хотя исторически описанные методики создавались исключительно для целей инвестиционного анализа, сейчас сфера их применимости расширилась, и они служат для программно-аналитического представления деятельности предприятия вне зависимости от того, реализуются ли на нем инвестиционные проекты.

В последние годы в мире получило широкое распространение новое направление в прикладной экономике, позволяющее разработать и применить различные подходы к решению широкого круга задач, относящихся прежде всего к государственному регулированию экономики. Фундаментальной основой этого направления является подход к моделированию экономических процессов посредством создания так называемых вычислимых моделей общего равновесия, известных в западной практике как *Computable General Equilibrium models* (CGE models) [2,4].

Названные модели предназначены для количественной оценки различных действий со стороны правительства, проявляющихся в регулировании регионального развития через механизм бюджетно-налоговой системы.

На основе анализа существующих CGE-моделей их можно условно разделить на две основные группы в соответствии с историческим развитием и целями создания.

Первая группа моделей сформировалась на основе Леонтьевской модели затрат — выпуска и экономических моделей краткосрочного периода, широко используемых начиная с 30-х годов. Задачи, решаемые с помощью моделей этой группы, в основном сводятся к получению количественной оценки последствий распределения дохода, полученного в краткосрочном периоде, а также к оценке результатов экономического роста отраслей народного хозяйства. В настоящее время эти макромоделли стали особенно популярны для анализа политики в развивающихся странах.

Во вторую группу CGE-моделей входят модели вальрасовского типа, или вальрасовские CGE-моделли, представляющие собой практическую реализацию известной модели общего экономического равновесия Вальраса.

Основная цель вальрасовского CGE-анализа состоит в получении количественной оценки последствий изменений экзогенных переменных модели на распределение ресурсов и экономическое благосостояние.

В 1997 году академиком РАН В. Л. Макаровым была создана первая в России CGE-модель — RUSEC (RUSsian EConomy). В соответствии с приведенной выше классификацией CGE-моделей ее можно отнести ко второй группе моделей вальрасовского типа, хотя в качестве ее прообраза используется не сама модель Вальраса, а ее наиболее известная модификация — модель Эрроу-Дебре, отличающаяся от модели Вальраса более четким описанием функций спроса и предложения, а также механизмом образования дохода потребителей. Кроме того, в отличие от других CGE-моделей модель RUSEC содержит в себе черты других подходов к

моделированию экономики, в частности, теоретико-игрового. Иными словами, в более широком понимании модель RUSEC представляет собой игру нескольких лиц в нормальной форме. Необходимо отметить, что сама форма модели является гибкой, что позволяет легко встраивать внутрь любые зависимости между показателями, чему также способствует ее удачное воплощение в виде электронной таблицы Excel.

Существенной особенностью модели RUSEC является двуслойность, заключающаяся в том, что в ней функционируют две системы цен: государственная и рыночная. Модель RUSEC оперирует различными макропоказателями, такими как ВВП, бюджет, денежная масса, уровень цен по секторам экономики и т. д. В отличие от других CGE-моделей перечисленные выше показатели являются результатом деятельности экономических агентов — действующих лиц в экономике. В имеющейся версии модели таких агентов 12. Модель калибрована по статистическим данным Госкомстата РФ.

Модель российской экономики охватывает экономику всей страны без выделения входящих в нее регионов, в то время как экономическая деятельность последних, несомненно, требует детального рассмотрения посредством применения CGE подхода. Сама идеология модели RUSEC, хорошо отражающая основные черты российской экономики, может послужить основой для создания иерархической структуры моделей разного уровня.

Прямым продолжением модели RUSEC является модель «Россия: Центр — Федеральные округа», однако в нее были внесены существенные изменения.

Большая часть изменений связана с различиями в моделируемых объектах. Эти различия являются следствием того, что регионы — федеральные округа — отличаются более открытой экономикой, нежели все государство. Следует выделить основные различия между региональными и государственными CGE-моделями [1, с. 16–20].

Первое различие основывается на производственной специализации регионов и, как следствие, на торговых отношениях между федеральными округами. На уровне государства торговля также имеет большое значение, но поскольку регион в силу своей специализации стремится продать большую часть своей продукции, торговля в региональных моделях занимает более важное место, чем в моделях экономики целой страны.

Второе различие состоит в том, что на межрегиональном уровне прослеживаются более активные и при этом неустойчивые миграционные потоки.

Третье различие основывается на особенностях систем налогообложения регионального и государственного уровней.

Для того чтобы произвести аргументированный выбор рабочего подхода к конструированию математической модели социально-экономического развития конкретного региона, необходимо произвести сравнительный анализ изложенных выше методов.

1. Модели межотраслевых балансов — эффективный инструмент для анализа межотраслевых связей, который в варианте динамической рекуррентной модели может быть использован для построения сценариев развития регионов. Они требуют для своей реализации большой объем статистической информации, из которой наиболее проблемной является матрица коэффициентов промежуточного потребления.

2. Эконометрические модели — наиболее приемлемы для экономически стабильных стран и регионов с развитой системой сбора и анализа статистической информации. В чистом виде неприменимы для прогнозирования развития экономики отдельно взятых регионов, хотя многие элементы эконометрической модели могут быть использованы для моделирования поведения отдельных параметров в будущие периоды (например, формулы зависимости уровня заработной платы от уровня безработицы).

3. Прямые имитационные модели — обычно используются для составления планов развития предприятий (и даже крупных холдингов), но существующие на рынке программные реализации не предполагают включение в модель механизма перераспределения ресурсов посредством бюджета, межотраслевых товарных потоков, сектора конечного потребления, сектора ввоза и вывоза и т. д. Т. е. прямое использование имитационных моделей для составления «Бизнес-плана регионов» в настоящее время невозможно. Вместе с тем методология инвестиционного проектирования обязательно должна быть применена при создании модели регионов.

4. Модели нахождения рыночного равновесия (CGE-models — Computable General Equilibrium models — вычислимые модели общего равновесия) призваны имитировать процессы установления рыночного равновесия, в т. ч. на товарных рынках (стоимость товаров), на рынках рабочей силы (заработная плата) и рынках инвестиций (процентные ставки). Однако для регионов применение подобных моделей представляется избыточным — слишком небольшое влияние смогут оказать экономические процессы в республике на сложившийся уровень цен ЮФО или Российской Федерации в целом. Кроме того, существующие реализации CGE-моделей оперируют с крайне ограниченным числом отраслевых секторов и экономических агентов, в противном случае экспоненциально возрастает время вычислений, а также требующаяся для функционирования модели исходная информация. Для Карачаево-Черкесской Республики более адекватным представляется включение параметров, устанавливаемых рыночными процессами на уровне РФ и Южного Федерального Округа, в число экзогенно задаваемых факторов модели (т. е. параметров, задаваемых внешним образом). Вместе с тем отдельные идеи CGE-моделей должны быть использованы — в частности, механизм определения рыночного равновесия в соотношениях: выпуск — потребление (поиск равновесия не по цене продукции, а только по объему реализации); объем производства — число занятых; емкость внутреннего рынка — объем инвестиций и др.

5. Программный комплекс «Прогноз» используется как базовая информационная система Министерства экономического развития и торговли России. По своей сути является реализацией экономико-статистических методов прогнозирования со значительными элементами эконометрики. Требуется для успешного функционирования большой объем статистической информации, в т. ч. ретроспективных данных. По мнению самих разработчиков системы, не применим к моделированию процессов развития в экономически слаборазвитых регионах, где ввод в строй даже одного крупного промышленного объекта кардинально меняет региональную статистику. Однако по мере накопления статистических данных в отношении экономики Карачаево-Черкесской Республики многие элементы системы «Прогноз» станут востребованными.

Современная экономика Карачаево-Черкесской Республики представлена туристическим сектором, сектором внутренних услуг и торговли, агропромышленным сектором, а также значительным по относительной доле сектором теневой экономики. Статистическая информация весьма ограничена и по очевидным причинам относится только к официальному сектору экономики.

Характер экономических связей, состояние социальной сферы и инфраструктуры в Карачаево-Черкесской Республике предопределяет на некоторый период необходимость вмешательства государства в инвестиционный процесс, и с этой точки зрения для моделирования результатов его экономической политики более пригодны методы прямого инвестиционного анализа. Вместе с тем экономическая система любого региона является сильно связанной по своей внутренней структуре. Например, невозможно проектировать развитие местной промышленности без анализа развития местного спроса; увеличение числа социальных объектов требуется анализировать в контексте повышения нагрузки на региональный бюджет и т. д. В этой связи приходим к выводу, что заимствование какой-либо одной, отдельно взятой методики из рассмотренных выше не позволит корректно моделировать варианты развития отдельно взятого региона, включая и Карачаево-Черкесскую Республику.

Литература

1. Бахтизин А. Р. Вычислимая модель «Россия: Центр — Федеральные округа», межрегиональные экономические отношения: Центр — Федеральные округа, межрегиональные экономические отношения: Дис. канд. экон. наук: 08.00.13 Москва, 2003 134 с. РГБ ОД, 61:04-8/950-7.
2. Мамбетова Ф. А., Галачиева С. В. Влияние неоднородности экономического пространства на динамику развития макрорегиона // Научно-технические ведомости СПбГПУ. — 2010. — № 5.
3. Постановление Правительства РФ от 11 октября 2001 г. «О федеральной целевой программе «Сокращение различий в социально-экономическом развитии регионов Российской Федерации (2002–2010 годы и до 2015 года)» (с изменениями на 20 октября 2006 года).
4. Самарина В. П. Особенности оценки неравномерности социально-экономического развития регионов / В. П. Самарина // Проблемы современной экономики. — 2008. — № 1 (25). — С. 300–304.
5. Формирование методического подхода к определению приоритетов развития региональной экономики / А. Н. Гирина [и др.] // Проблемы устойчивого развития социально-экономических систем / Под ред.

академика РАН А.И. Татаркина, д. э. н., проф. В. В. Криворотова. — Екатеринбург, 2012. — 556 с.

References:

1. Bakhtizin A. R. *Computable model «Russia: Centre — Federal District», inter-regional economic relations: Centre — Federal District», inter-regional economic relations: Dis. candidate of economic sciences: 08.00.13 Moscow, 2003 134 p. RSL OD, 61:04-8 /950-7.*
2. Mambetova F. A., Galachieva S. V. *Influence of heterogeneity of economic space on the dynamics of the macro-region. // Scientific and technical sheets SPbSPU, 2010. No. 5.*
3. Girina A. N. and others *Formation of methodological approaches to the definition of priorities of development of regional economy / A. N. Girina // Problems of sustainable development of socio#economic systems / Ed. by academician A. I.Tatarkin, doctor of Economics, Professor V. V. Krivorotova. Yekaterinburg, 2012. 556 p.*
4. *Resolution of the Government of the Russian Federation of October 11, 2001 «About the Federal target program «Reduction of differences in socio#economic development of regions of the Russian Federation (2002–2010 and up to 2015)» (as amended on October 20, 2006).*
5. Samarina V. P. *Features of assessment of the uneven socio#economic development of the regions / V. P. Samarina // Problems of modern economy. 2008. No. 1 (25). P. 300–304.*

УДК 331.5

РЯЗАНЦЕВА МАРГАРИТА ВАСИЛЬЕВНА

доцент кафедры «Психологии и управления персоналом»

Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, e-mail: mriaz@yandex.ru

СМИРНОВ ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВИЧ

заместитель директора Института сокращенных программ, профессор департамента

«Экономическая теория» Финансового университета При Правительстве

Российской Федерации, e-mail: VMSmirnov@fa.ru

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА НА РЫНКЕ ТРУДА И В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ¹

Задача. В связи с ростом несоответствия между спросом и предложением на рынке труда необходимо совершенствование существующих механизмов регулирования и балансировки рынка труда. С целью определения направлений реформирования российской политики на рынке труда выполнен сравнительный анализ зарубежного опыта участия социальных партнеров (профсоюзов, работодателей) в формировании и регулировании рынка труда. **Методы и источники информации.** Анализ зарубежного опыта участия социальных партнеров в регулировании и формировании рынка труда в таких странах, как США, Германия, Швеция, Франция, Китай, проведен с помощью статистических методов. В ходе исследования были использованы разнообразные информационные ресурсы, в частности, аналитические материалы Европейского центра по развитию профессионального образования (Cedefop), Европарламента, Европейской комиссии, Европейского центра по развитию профессионального образования (ETF), Всемирного банка, Торговой палаты США, Всемирного экономического форума в Давосе и др. **Выводы.** Результаты анализа демонстрируют активное участие социальных партнеров в формировании и реформировании национальных рамок квалификаций, системы образования, рынка труда, хотя деятельность и участие социальных партнеров в регулировании и формировании рынка труда в разных странах весьма различается и во многом определяется спецификой государственного и экономического устройства. **Рамки исследования.** Выбор стран в качестве объектов исследования был обусловлен различием моделей социального партнерства в разных типах экономик, особенностями рынков труда и социальной политики. **Практическое значение.** Результаты анализа могут представлять практический интерес для работодателей, профсоюзов, специалистов в области регулирования рынка труда, а также могут быть использованы ими при разработке политики и стратегии участия на рынке труда. **Социальные последствия.** Совершенствование российской практики в сфере повышения активности участия социальных партнеров в формировании и регулировании рынка труда в соответствии с международным опытом позволит повысить качество образовательных услуг и улучшить соответствие между спросом и предложением на рынке труда.

Ключевые слова: экономика труда, рынок труда, социальное партнерство, профессионально-квалификационный уровень, непрерывное образование, спрос на труд, предложение труда.

RYAZANTSEVA MARGARITA VASILIEVNA

Associate Professor of the Department of "Psychology and Staff Management" of the Finance University affiliated with the Government of the Russian Federation, e-mail: mriaz@yandex.ru

¹ Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета 2016 года.

SMIRNOV VLADIMIR MIKHAILOVICH

Assistant of Director of the Institute of Accelerated Programs, Professor of the Department of "Economic Theory" of the Finance University affiliated with the Government of the Russian Federation,
e-mail: VMSmirnov@fa.ru

FOREIGN EXPERIENCE OF SOCIAL PARTNERSHIP IN THE LABOR MARKET AND VOCATIONAL EDUCATION AND TRAINING

Background. Due to the increase of discrepancy between the demand and supply in the labor market, enhancement of the existing mechanisms of regulation and market grouping of work is necessary. For the purpose of determination of the directions of reforming of the Russian labor market policy, the comparative analysis of foreign experience of participation of social partners (labor unions, employers) in forming and regulation of the labor market is made. *Materials and methods.* This article presents the results regarding foreign experience of the social partners' participation in the labor market and vocational education and training in such countries as the USA, Germany, Sweden, France, China. The research was carried out with the help of statistical methods. The study used a variety of information resources, in particular, analysis of the European Centre for the Development of vocational training (Cedefop); The European Parliament, the European Commission, the European Centre for the Development of vocational training (Cedefop), the European Foundation for vocational training (ETF), the World Bank, the US Chamber of Commerce, the World Economic Forum in Davos, and others. *Conclusions.* The results would have practical interest for employers, trade unions, chambers of commerce, professionals in the field of labor market regulation and may be used in the development of policies and strategies in the labor market. *Results.* If in accordance with international experience the Russian practice and the level of activity social partners in the development and regulation of the labor market were improved, it would improve the quality of vocational education and training and improve the matching between supply and demand in the labor market.

Keywords: labor economics, labor market, social partnership, professional qualification level, continuing education, labor demand, labor supply.

Первые практики социального партнерства стали зарождаться в европейских странах еще во второй половине XIX века. Этому способствовали столкновения между наемными работниками и работодателями. Однако законодательное закрепление социального партнерства в Европе произошло в 50-х годах прошлого века. В настоящее время во многих странах мира социальное партнерство является не просто формальным институтом, основные механизмы функционирования которого закреплены законодательно, но и неотъемлемым элементом экономики. Социальное партнерство функционирует на всех уровнях — от отдельного предприятия до масштабов страны. Еще в конце 2000-х Р. М. Кантор указал на зарождение новой парадигмы современного мира: рост сотрудничества между предпринимателями и обществом, которое порождает выгодные и устойчивые изменения для обеих сторон (Rosabeth Moss Kantor Harvard Business Review, May 1999). Данная парадигма нашла отражение в существующих моделях социального партнерства (таблица 1).

В последние годы социальное партнерство стало оказывать сильное влияние на формирование и развитие рынка труда, активно участвуя в программах реформирования системы образования и рынка труда. Социальным партнерами являются работодатели, а также организации работодателей, профессиональные ассоциации и профсоюзы, представляющие интересы работников. В ключевых документах европейских организаций отмечается, что сфера профессионального обучения и образования является областью, за которую национальные правительства, социальные партнеры, провайдеры образования, преподаватели, тренеры и учащиеся несут солидарную ответственность [1].

В данной статье представлены результаты исследования опыта взаимодействия социальных партнеров на рынке труда. Анализ международного опыта влияния социального партнерства на формирование и прогнозирование рынка труда проводился по таким странам, как США, Германия, Франция, Швеция и Китай.

Таблица 1

Характеристика современных моделей социального партнерства

Критерий	Виды моделей			
	«Американская», «англосаксонская»	«Голландская»	«Немецкая»	«Скандинавская»
Цели социального партнерства	Содействие экономическому росту страны, предотвращение кризиса	Содействие экономическому росту страны	Взаимная ответственность государства и бизнеса за социальную стабильность	Обеспечение социальной стабильности и социальной защищенности
Уровень налогообложения	Низкий	Средний	Высокий	Высочайший
Источники финансирования	Дотации, субвенции	Дотации, субвенции	Страховые взносы	Налоговые доходы бюджета
Страны с наиболее характерным проявлением модели	США, Великобритания, Япония	Нидерланды, Дания	Австрия, Германия	Швейцария, Швеция, Норвегия

Выбор стран в качестве объектов исследования был обусловлен следующими обстоятельствами. Во-первых, нам хотелось сравнить модели взаимодействия института социального партнерства в разных типах экономик. Во-вторых, было интересно проследить функционирование института социального партнерства на разных рынках труда. Ну и наконец, было интересно проследить различия в участии социальных партнеров на рынке труда в условиях различных социальных политик.

Во всех рассмотренных странах рынок труда переживает непростое время: достаточно высокой продолжает оставаться безработица, наблюдается замедление экономического роста (таблица 1).

Таблица 2

Уровень безработицы в исследуемых странах

	2014	2015	2016 (прогноз)	2017 (прогноз)
Швеция	7,9	7,4	6,5	6,4
США	6,2	5,3	5,0	4,9
Германия	6,7	6,4	6,5	6,5
Франция	10,3	10,2	9,9	9,5
Китай	6,1	6,2	6,2	5,8

Источник: [2].

Таблица 3

Прогноз темпов роста ВВП, составленный Swedbank

	2014	2015	2016 (прогноз)	2017 (прогноз)
Швеция	2,4	3,5	3,1	3,1
США	2,4	2,4 (2,5)	2,7 (3,0)	2,6 (2,8)
Германия	1,6	1,5 (1,6)	1,8 (1,8)	1,5 (1,6)
Франция	0,2	1,1 (1,1)	1,5 (1,9)	1,7 (1,7)
Китай	7,4	6,8 (6,8)	6,5 (6,6)	6,3 (6,3)

Источник: IMF и Swedbank [3].

Несмотря на то, что имеются некоторые различия в практике влияния общественных организаций на национальном уровне, в европейских странах существуют единые подходы по участию социальных партнеров, прежде всего профсоюзов, в формировании и прогнозировании рынка.

Рассмотрим опыт Германии. Крупнейшим общественным объединением, оказывающим влияние на функционирование и развитие рынка труда в Германии, является конфедерация профсоюзов (German Federation of Trade Unions (DGB)), которая объединяет 16 немецких профсоюзов, в совокупности представляющих интересы 6,6 млн человек, что позволяет считать DGB на сегодняшний день одной из крупнейших конфедераций профсоюзов не только в Германии, но и одной из самых больших национальных конфедераций профсоюзов по всему миру [4,5].

Участие общественных организаций, и прежде всего Конфедерации профсоюзов Германии, проявляется в воздействии на профессионально-техническое образование, прежде всего на систему двойного образования (the dual education system), и участие через механизм социального партнерства в формировании направлений подготовки специалистов. В Германии все ответственные организации, в частности, министерства, торговые палаты и социальные партнеры, включены в развитие и совершенствование системы профессионального образования и переподготовки, причем они активно участвуют в развитии и модернизации стандартов обучения и учебных планов [6].

Немецкая «дуальная система образования» охватывает более 60 % выпускников школ. Система «дуального образования» опирается приблизительно на 340 учебных инструкций, каждая из которых непрерывно проверяется социальными партнерами и модернизируется при необходимости [6].

Данная система отличается тем, что обучение ведется как на рабочем месте, так и в профессионально-технических училищах. Студенты, таким образом, получают практическое обучение на рабочем месте и одновременно продолжают теоретическое обучение в профессионально-техническом училище. Обучающиеся официально освобождаются от выполнения производственных обязанностей на то время, в которое проходит обучение в учебном заведении.

Вторая уникальная особенность немецкой системы обучения заключается в том, что социальные партнеры (т. е. профсоюзы и объединения работодателей) имеют право голоса в определении того, по каким профессиям будет проводиться обучение и каким будет содержание подготовки. В Федеральном институте профессионального образования и подготовки (BIBB) создаются комитеты, состоящие из работодателей и профсоюзных представителей, цель которых заключается в разработке перечня направлений подготовки и содержания учебных программ (стандартов подготовки). Поэтому в Германии нет ни одной образовательной программы, в разработке которой не принимали бы участие профсоюзы [7].

В течение многих лет в Германии не был задействован такой механизм защиты на рынке труда, как минимальный размер оплаты труда. С 1 января 2015 года в Германии под давлением Конфедерации профсоюзов была введена минимальная заработная плата в размере 8,50 евро в час. До принятия закона о минимальном размере оплаты труда эти минимальные зарплаты согласовывались для конкретных отраслей в коллективных договорах между профсоюзами и ассоциациями работодателей [8].

В целом «немецкая» модель предусматривает заключение большого количества отраслевых соглашений, что практически нейтрализует переговоры на уровне предприятия. Одной из особенностей германских профсоюзов является то, что на предприятиях Германии нет первичной профсоюзной организации, а есть представитель профсоюза. Он состоит в производственном совете предприятия. Производственный совет предприятия налаживает контакты между администрацией и профсоюзами. В отношениях между работодателями и работниками эти советы не имеют права вставать на чью-либо сторону. Они не могут организовывать забастовки и призваны отстаивать интересы компании в целом. Такие производственные советы есть во всех отраслях экономики.

Во Франции в профсоюзах состоят менее 8 % трудящихся (в частном секторе менее 2 %). По данным FedEE Global, профсоюзные организации Франции объединены в три основные конфедерации: French Democratic Confederation of Labour (CFDT), объединяющую около 800

тыс. чел.; General Confederation of Labour (CGT), которая объединяет около 700 тыс. чел.; General Confederation of Labour — Force Ouvrière (FO), которая имеет 17 отделений и объединяет около 300 тыс. чел. Во Франции в соответствии с особенностями национального законодательства затруднено ведение социального диалога. С одной стороны, правительство обязано вести диалог с социальными партнерами на национальном уровне. С другой стороны, «иерархия норм» во французском законодательстве подразумевает, что закон превалирует по договорам социальных партнеров. Жесткость законодательства не стимулирует ведение социального диалога на уровне организаций [9].

Во Франции реализуется целенаправленная государственная политика занятости, одной из линий которой является создание частных или государственных субсидируемых рабочих мест. Данный инструмент активно использовался правительством Франции для ограничения масштабов безработицы среди наиболее уязвимых групп населения (молодежи, пожилых работников, неквалифицированных и долгосрочных безработных).

Общественные организации участвуют в реализации как активной политики (например, заключение ученических договоров (Contrat Emploi Jeunes)), так и в поддержке пассивных схем (например, помощь в поиске работы). В период с 1994 по 2000 год 1,5 миллиона рабочих участвовали в субсидируемых государством программах по трудоустройству, из которых около 640 000 (43 %) получили работы на субсидированных рабочих местах в государственном секторе. С начала 2000-х годов государственная политика Франции была резко изменена. Описанные выше стратегии перестали использоваться в силу их низкой интенсивности. До 2012 года сохранялась лишь одна программа, ориентированная на помощь в трудоустройстве пожилым безработным. 2016 год был ознаменован началом реформы, основным направлением которой является расширение возможностей по ведению коллективных переговоров на уровне кампании по изменению продолжительности рабочего времени и заработной платы с тем, чтобы облегчить адаптацию организаций к новым условиям рынка. Это позволяет при заключении коллективных договоров не учитывать трудовое законодательство и стандарты, установленные на отраслевом уровне, т. е. без изменений основных параметров французского трудового законодательства более гибко регулировать трудовые отношения [10]. Профсоюзы Франции активно участвуют в защите прав работников на рынке труда, особенно в таких сферах, как минимальный уровень оплаты труда, продолжительность рабочего времени, социальные гарантии. Следует отметить активную роль социальных партнеров в консультировании правительства и формировании дорожных карт (особенно в 2009 и 2014 годах) при разработке проекта непрерывного образования Франции (Lifelong learning), которое рассматривается как элемент социальной безопасности на рынке труда и активно финансируется как государством, так и социальными партнерами [9, С. 72].

Профсоюзы Швеции были созданы еще в XIX веке и представляли собой систему различных местных организаций. В настоящее время в Швеции существует несколько конфедераций профсоюзов: Центральная профсоюзная конфедерация (Swedish Trade Union Confederation (LO)), объединяющая рабочих (синих воротничков) [11]; и две отдельные конфедерации профсоюзов для белых воротничков TCO (Шведской конфедерации профессиональных служащих (Tjänstemännens centralorganisation)), насчитывающая 1,3 млн членов, и SACO (Шведская конфедерация профессиональных ассоциаций), которая объединяет 650 тыс. членов.

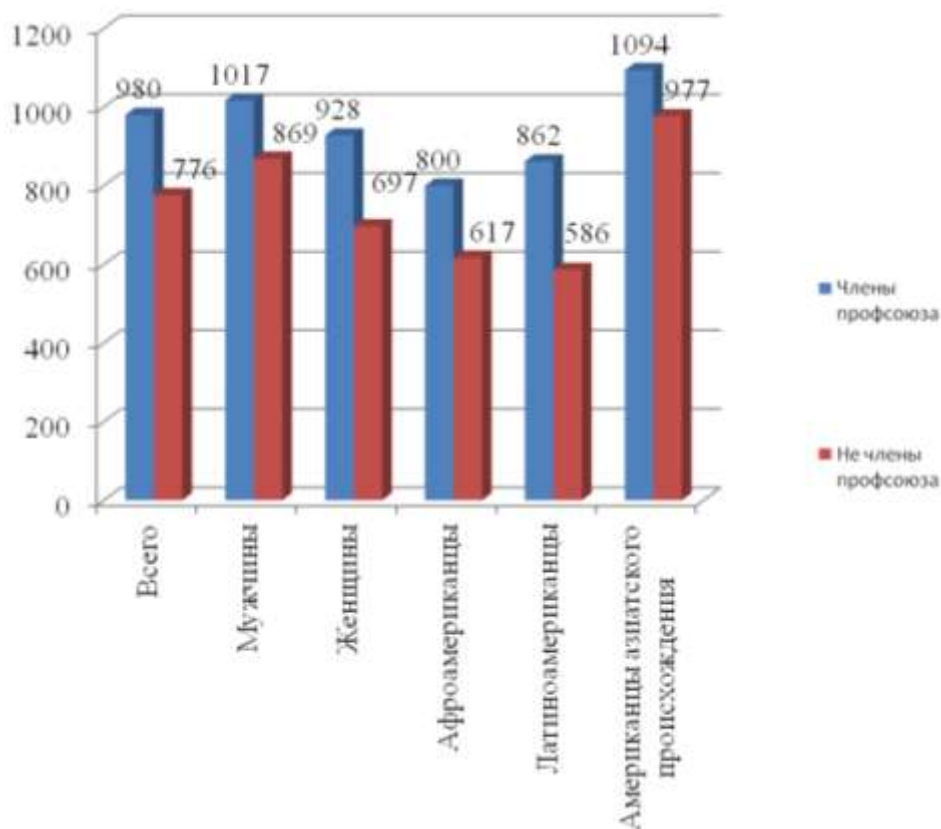
Самая крупная конфедерация профсоюзов LO объединяет 14 организаций, которые охватывают весь рынок труда. Численность членов профсоюзов составляет 1470 тыс. чел., из которых 47 % составляют женщины [11]. LO, TCO и SACO совместно работают во многих областях, таких как политика в области рынка труда и европейского сотрудничества.

Шведский рынок труда характеризуется относительно высоким уровнем членства в профсоюзах. Несмотря на то, что этот показатель существенно снизился по сравнению с уровнем 1990 года, различные профсоюзы Швеции объединяют 65 % рабочих и 74 % белых воротничков. У работодателей существуют три независимые организации.

Проблема высокой безработицы возникла в Швеции еще в 90-х годах. В настоящее время сложившаяся ситуация на рынке труда может быть определена уже даже как массовая безработица. Реализуемая экономическая политика не в состоянии обеспечить достижения полной занятости. Именно поэтому профсоюзы в 2012 году начали проект по реализации политики

полной занятости и справедливой оплаты труда, итоги реализации которого были подведены на конгрессе LO в 2016 году. По мнению профсоюзов, приоритетными направлениями в достижении данной цели должны стать изменение фискальной политики и концентрация на следующих областях [12]: благосостояние, политика на рынке труда, страхование по безработице, образование для взрослых, инфраструктура.

Американская федерация труда и Конгресс производственных профсоюзов (AFL-CIO) — крупнейшая в США ассоциация профсоюзов, объединяющая 56 профсоюзов, связывающих 12,5 млн работающих [13] (всего в профсоюзах состоит около 12 % работающих [14]). В США принципиально отличная от других промышленно развитых стран модель, характеризующаясь чрезвычайно низким количеством заключенных коллективных договоров. При этом члены профсоюза в США получают более высокую заработную плату и имеют больше льгот по сравнению с работниками, которые не являются членами профсоюза. В среднем заработная плата работника, являющегося членом профсоюза, на 27 % выше [15]. У членов профсоюзов на 60 % больше шансов получать пенсию от работодателя. Более 79 % членов профсоюза имеют рабочие места, которые обеспечивают пособия по медицинскому страхованию, при том, что на пособия по медицинскому страхованию могут претендовать менее 50 % работников, не являющихся членами профсоюзов, также члены профсоюзов имеют более высокие доходы (рисунок 1).

Рис. 1. Различия в доходах работников США, являющихся и не являющихся членами профсоюзов (долларов).

Источник: [15].

Одной из приоритетных задач профсоюзов США является реализация программы, которая позволяет работающим мужчинам и женщинам оставаться востребованными на рынке труда в условиях постоянно меняющихся условий спроса на квалифицированную рабочую силу в профессионально-квалификационном разрезе. Ежегодно программы повышения квалификации проходят около 450 000 рабочих [15]. С помощью программ ученичества, созданных профсоюзами, работники имеют возможность получить необходимые навыки, работу и стать частью среднего класса. Очень часто эти программы позволяют получить рабочее место в новых от-

раслях промышленности, использующих ультрасовременные зеленые технологии. Профсоюзы США содействуют более легкому доступу к программам переобучения в случае потери работы. Программы переобучения, с одной стороны, способствуют повышению удовлетворенности работой, с другой — содействуют росту производительности для работодателей и обеспечению квалифицированной рабочей силой, что является основой достижения необходимого уровня качества и инноваций как важнейших факторов конкуренции в глобальной экономике.

Торговая палата США в качестве главного приоритета на 2016 год определила содействие росту рабочих мест, создание которых должно помочь оживить американскую экономику, создать новые рабочие места, стимулировать рост и подъем доходов населения [16]. В сфере поддержки образования и развития трудовых ресурсов приоритетами являются расширение доступа населения к качественному образованию, участие в разработке государственных образовательных стандартов, сотрудничество с бизнес-сообществом, участие в сертификации и обучении учителей и преподавателей.

Рассмотрим теперь опыт Китайской Народной Республики. Всекитайская федерация профсоюзов (ВФП) является крупнейшей профсоюзной организацией КНР. По состоянию на конец июня 2013 года в Китае насчитывалось 2 млн 665 тыс. первичных профсоюзных организаций, охватывающих 6 млн 378 тыс. низовых организаций, 81,1 % рабочих и служащих страны являются членами профсоюзов. Общее количество членов профсоюзов на конец 2014 года достигло 274 млн человек [17]. По данным ILO, 68 % занятых являются членами профсоюзов (2012) [18]. ВПФ полностью подконтрольна властям. Несмотря на большое количество членов (практически треть занятых), профсоюз обладает низким уровнем репрезентативной власти в сфере трудовых отношений. Функция профсоюзов Китая по большей части не совпадает с западной концепцией профсоюзов [17].

Такая ситуация сложилась во многом благодаря тому, что ВФП финансируется не из членских взносов, как в большинстве стран мира, а из государственного бюджета, а профсоюзные работники получают зарплату, как и государственные служащие. При этом не имеет значения, является ли организация профсоюзом государственного предприятия. Участие малых и средних частных предприятий в этих профсоюзах составляет менее половины, что подтверждает номинальную функцию деятельности ВФП. Предприятия с иностранным капиталом не имеют права отказаться от создания ячейки ВФП. Независимые профсоюзы в Китае на данный момент отсутствуют. По состоянию на конец 2010 года Китай ратифицировал 25 конвенций международной организации труда [19, С. 15].

Профсоюзы Китая содействуют осуществлению активной политики занятости, расширяют каналы трудоустройства и поддерживают рабочих и служащих в осуществлении частного предпринимательства, принимают ряд коллективных договоренностей о зарплате на предприятиях, содействуя созданию механизма по нормализации роста зарплаты [20]. Уровень экономически активного населения в КНР — 71 % (2015), уровень занятости трудовых ресурсов — 68 % (2015) [18]. Коллективными соглашениями охвачено 39 % занятых.

Профсоюзы в основном осуществляют правовую помощь своим членам в случаях трудовых споров, осуществляют подготовку кадров в целях повышения осведомленности о новом трудовом законодательстве среди работников, а также участвуют на предприятиях в урегулировании трудовых споров. Учитывая активное участие профсоюзов в разрешении трудовых споров, профсоюзы долгое время находились под давлением, таким образом, не могли внести свой вклад в ослабление социальной напряженности Китая.

По мнению экспертов, профсоюзам Китая следует увеличивать свою роль на рынке труда [21, С. 139].

По результатам анализа зарубежного опыта участия социального партнерства в формировании и регулировании рынка труда сделаны следующие выводы.

1. Результаты анализа показывают, что в настоящее время социальные партнеры являются активными участниками формирования и реформирования национальных рамок квалификаций, хотя деятельность и участие социальных партнеров в регулировании и формировании рынка труда в разных странах весьма различается и во многом определяется спецификой государственного и экономического устройства.

2. Наиболее отчетливо влияние общественных организаций на формирование рынка труда

в профессионально-квалификационном разрезе проявляется в странах ЕС. В каждой из европейских стран ведется полномасштабный социальный диалог между социальными партнерами, причем данный диалог строится в том числе и на общеевропейском уровне. В соответствии с инициативами Европарламента перед всеми европейскими странами ставится задача повышения активности участия всех заинтересованных сторон, а именно государства, социальных партнеров, работодателей, образовательных организаций, провайдеров образовательных услуг в области профессионального обучения, в разработке, осуществлении и оценке программ профессиональной квалификации, которые обеспечивают эффективный переход от формального образования к работе на основе накопленного опыта [22].

3. Проведенный анализ показал, что институт социального партнерства способствует формированию рынка труда посредством участия работодателей в разработке и реализации образовательных программ у работодателей.

4. Наиболее активные практические действия социальными партнерами предпринимаются в рамках реализации программ непрерывного образования, среди которых можно выделить следующие направления [23]:

- участие в развитии системы непрерывного образования и содействие мобильности трудовых ресурсов;

- повышение качества и эффективности систем образования и подготовки профессиональных кадров;

- совершенствование профессиональных и образовательных стандартов, квалификаций и квалификационных рамок на основе информации о ситуации на рынке труда;

- проведение обучения в своих собственных учебных центрах или в форме ученичества и обучения по месту работы;

- сертификация обучения, легализация и признание неофициального и неформального обучения;

- услуги ориентации для членов, включая повышение уровня осведомленности (профессиональная ориентация и консультирование).

Литература

1. Конфедерация профсоюзов Германии (DGB) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://en.dgb.de/>, свободный. — Загл. с экрана (дата обращения: 01 сентября 2016 года).
2. Минтао Т. Профсоюзы — важный социальный оплот государственной власти [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://vocea.md/tun-mintao-profsoyuzu-vazhny-j-sotsial-ny-j-oplot-gosudarstvennoj-vlasti/>, свободный. — Загл. с экрана.
3. Рязанцева М. В., Смирнов В. М., Юрзинова И. Л. Анализ используемого инструментария трудоустройства и профориентации молодежи в развитых странах в связи с актуальным состоянием российского рынка труда // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. — № 5. — 2016. — С. 69–75.
4. AFL-CIO Unions [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.aflcio.org/About/AFL-CIO-Unions>, свободный. — Загл. с экрана (дата обращения: 05 сентября 2016 г.).
5. Coquet, Bruno. Labour market measures in France 2008–13: the crisis and beyond / Bruno Coquet; International Labour Office, Research Department. Geneva: ILO, 2015 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---inst/documents/publication/wcms_449923.pdf, свободный. — Загл. с экрана (дата обращения: 05 сентября 2016 г.).
6. Country Profiles. China [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.ilo.org/ilostat/faces/home/statisticaldata/ContryProfileId?_afLoop=506835765930333#!%40%40%3F_afLoop%3D506835765930333%26_adf.ctrl-state%3Dpnn1kx06w_154, свободный. — Загл. с экрана (дата обращения: 05 сентября 2016 г.).
7. EU Policy Environment [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.etf.europa.eu/web.nsf/pages/EU_policy_environment_EN, свободный. — Загл. с экрана (дата обращения: 15 октября 2016 г.).
8. EU Quality Assurance in vocational education and training [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.eqavet.eu/qa/gns/case-studies/all-case-studies/germany/11-01-31/Germany_the_chambers_of_commerce.aspx, свободный. — Загл. с экрана (дата обращения: 05.10.2016).
9. Full employment and a wage policy of solidarity, report to the 2016 LO Congress. Summary Swedish Trade Union Confederation (LO) 2015 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.lo.se/english/news>, свободный. — Загл. с экрана (дата обращения: 06 сентября 2016 г.).
10. Global Labor Market Update [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.kellyservices.ca/?hid=AD>, свободный. — Загл. с экрана (дата обращения: 15 октября 2016 г.).
11. Labor Market and Salary Report 2015/16 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://china.ahk.de/fileadmin/ahk_china/Marktinfo/2015_16_Labor_Market_and_Salary_Report_limited_report.pdf, свободный. — Загл. с экрана (дата обращения: 05 сентября 2016 г.).
12. Macro Research — Swedbank Economic Outlook, January 2016 [Электронный ресурс]. — Режим до-

- смысла: https://www.swedbank.lv/files/analitiskie_materiali/swedbank_ekonomikas_apskati/Swedbank_economic_outlook_2016_01_ENG.pdf, свободный. — Загл. с экрана.
13. *National Profile Report on Occupational Safety and Health in China* [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_protect/---protrav/---safework/documents/policy/wcms_186991.pdf, свободный. — Загл. с экрана (дата обращения: 05 сентября 2016 г.)
14. *Presentation: LO, The Swedish Trade Union Confederation*. 2016. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [http://www.lo.se/home/lo/res.nsf/vRes/lo_in_english_1366027842542_presentation_lo_2016_pdf/\\$File/Presentation_LO_2016.pdf](http://www.lo.se/home/lo/res.nsf/vRes/lo_in_english_1366027842542_presentation_lo_2016_pdf/$File/Presentation_LO_2016.pdf), свободный. — Загл. с экрана.
15. *Report European Parliament* <TitreType>. <NoDocSe>A8-0222/2015. 30.06.2015 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=REPORT&reference=A8-2015-0222&format=XML&language=EN#title2>, свободный. — Загл. с экрана (дата обращения: 05 октября 2016 г.). </TitreType>
16. *The Bruges Communiqué on enhanced European Cooperation in Vocational Education and Training for the period 2011-2020* [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.cedefop.europa.eu/en/publications-and-resources/key-documents>, свободный. — Загл. с экрана (дата обращения: 15 октября 2016 г.).
17. *The minimum wage in Germany* [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://en.dgb.de/fields-of-work/the-minimum-wage-in-germany>, свободный. — Загл. с экрана (дата обращения: 05 сентября 2016 г.).
18. *The Union Difference* [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.aflcio.org/Learn-About-Unions/What-Unions-Do/The-Union-Difference>, свободный. — Загл. с экрана (дата обращения: 05 сентября 2016 г.).
19. *Thillaye R. French Labour Market Reform: Good Intentions, Poor Delivery // Social Europe*. 4 April 2016/ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.socialeurope.eu/2016/04/french-labour-market-reform-good-intentions-poor-delivery/>, свободный. — Загл. с экрана (дата обращения – 21 сентября 2016 года года).
20. *Trade union organisations* [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.fedee.com/labour-relations/trade-union-organisations/>, свободный. — Загл. с экрана (дата обращения: 05 сентября 2016 г.).
21. *Trade Unions in Europe* [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.fedee.com/labour-relations/trade-union-organisations/>, свободный. — Загл. с экрана (дата обращения - 01 сентября 2016 г.).
22. *U.S. Chamber Policy Priorities for 2016* [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.uschamber.com/about-us/us-chamber-policy-priorities-2016>, свободный. — Загл. с экрана (дата обращения: 05.10.2016).
23. *Vocational training in Germany* [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://en.dgb.de/fields-of-work/vocational-training>, свободный. — Загл. с экрана (дата обращения: 05 сентября 2016 г.).
24. *Zhu Y., Warner M., Feng T. Employment relations «with Chinese characteristics»: The role of trade unions in China // International Labour Review, Vol. 150 (2011), No. 1–2.* [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.chinaanalysis.com/cat1_innovation/media/users/warner/ILO_article_on_trade_unions_in_China6.pdf, свободный. — Загл. с экрана (дата обращения: 05 сентября 2016 г.).

References:

1. *The Confederation of German trade unions (DGB)* [Electronic resource]. — Mode of access: <http://en.dgb.de/free>. The title. from the screen (date accessed: 01 September 2016).
2. *Mingtao So the Unions is an important social stronghold of state power* [Electronic resource]. — Mode of access: <http://vocea.md/tun-mintao-profsyozuzy-vazhny-j-sotsial-ny-j-oplot-gosudarstvennoj-vlastii/> free. The title. screen.
3. *Ryazantseva, M. V., Smirnov V. M., Yurzinov I. L. Analysis of the instruments of employment and vocational guidance of young people in developed countries due to the current condition of the Russian labour market // Business in law. Economic-legal journal.* — No. 5. — 2016. — P. 69-75.
4. *AFL-CIO Unions* [Electronic resource]. — Mode of access: <http://www.aflcio.org/About/AFL-CIO-Unions> free. The title. from the screen (date accessed: 05 September 2016).
5. *Coquet, Bruno. Labour market measures in France 2008-13: the crisis and beyond / Bruno Coquet; International Labour Office, Research Department.* Geneva: ILO, 2015 [Electronic resource]. — Mode of access: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---inst/documents/publication/wcms_449923.pdf free. The title. from the screen (date accessed: 05 September 2016).
6. *Country Profiles.China* [Electronic resource]. Mode dostupa:http://www.ilo.org/ilostat/faces/home/statisticaldata/ContryProfileId?_afzLoop=506835765930333#!%40%40%3F_afzLoop%3D506835765930333%26_adf.ctrl-state%3Dpnn1kx06w_154 free. The title. from the screen (date accessed: 05 September 2016).
7. *EU Environment Policy* [Electronic resource]. — Mode of access: http://www.etf.europa.eu/web.nsf/pages/EU_policy_environment_EN free. The title. from the screen (date accessed: 15 October 2016).
8. *EU Quality Assurance in vocational education and training* [Electronic resource]. — Mode of access: http://www.eqavet.eu/qa/gns/case-studies/all-case-studies/germany/11-01-31/Germany_-_the_chambers_of_commerce.aspx free. The title. from the screen (date accessed: 05.10.2016).
9. *Full employment and a wage policy of solidarity, report to the LO Congress in 2016. Summary Swedish Trade Union Confederation (LO) 2015* [Electronic resource]. — Mode of access: <http://www.lo.se/english/news> free. The title. from the screen (date accessed: 06 September 2016).

10. *Global Labor Market Update [Electronic resource]. — Mode of access: <http://www.kellyservices.ca/?hid=AD> free. The title. from the screen (date accessed: 15 October 2016).*
11. *Labor Market and Salary Report 2015/16 [Electronic resource]. — Mode of access: http://china.ahk.de/fileadmin/ahk_china/Marktinfo/2015_16_Labor_Market_and_Salary_Report_limited_report.pdf free. The title. from the screen (date accessed: 05 September 2016).*
12. *Macro Research — Swedbank Economic Outlook, January 2016 [Electronic resource]. — Mode of access: https://www.swedbank.lv/files/analitiskie_materiali/swedbank_ekonomikas_apskati/Swedbank_economic_outlook_2016_01_ENG.pdf free. The title. screen.*
13. *National Profile Report on Occupational Safety and Health in China [Electronic resource]. — Mode of access: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_protect/---protrav/---safework/documents/policy/wcms_186991.pdf free. The title. from the screen (date accessed: 05 September 2016)*
14. *Presentation: LO, The Swedish Trade Union Confederation. 2016. [Electronic resource]. — Mode of access: [http://www.lo.se/home/lo/res.nsf/vRes/lo_in_english_1366027842542_presentation_lo_2016_pdf/\\$File/Presentation_LO_2016.pdf](http://www.lo.se/home/lo/res.nsf/vRes/lo_in_english_1366027842542_presentation_lo_2016_pdf/$File/Presentation_LO_2016.pdf) free. The title. screen.*
15. *Report European Parliament. A8-0222/2015. 30.06.2015 [Electronic resource]. — Mode of access: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=REPORT&reference=A8-2015-0222&format=XML&language=EN#title2> free. The title. from the screen (date accessed: 05 October 2016).*
16. *The Bruges Communiqué on enhanced European Cooperation in Vocational Education and Training for the period 2011-2020 [Electronic resource]. — Mode of access: <http://www.cedefop.europa.eu/en/publications-and-resources/key-documents> free. The title. from the screen (date accessed: 15 October 2016).*
17. *The minimum wage in Germany [Electronic resource]. — Mode of access: <http://en.dgb.de/fields-of-work/the-minimum-wage-in-germany> free. The title. from the screen (date accessed: 05 September 2016).*
18. *The Union Difference [Electronic resource]. — Mode of access: <http://www.aflcio.org/Learn-About-Unions/What-Unions-Do/The-Union-Difference> free. The title. from the screen (date accessed: 05 September 2016).*
19. *Thillaye R. French Labour Market Reform: Good Intentions, Poor Delivery // Social Europe. 4 April 2016/ [Electronic resource]. — Mode of access: <https://www.socialeurope.eu/2016/04/french-labour-market-reform-good-intentions-poor-delivery/> free. The title. from the screen (date accessed 21 September 2016).*
20. *Trade union organisations [Electronic resource]. — Mode of access: <http://www.fedee.com/labour-relations/trade-union-organisations/> free. The title. from the screen (date accessed: 05 September 2016).*
21. *Trade Unions in Europe [Electronic resource]. — Mode of access: <http://www.fedee.com/labour-relations/trade-union-organisations/> free. The title. from the screen (reference date is 01 September 2016).*
22. *U.S. Chamber Policy Priorities for 2016 [Electronic resource]. — Mode of access: <https://www.uschamber.com/about-us/us-chamber-policy-priorities-2016> free. The title. from the screen (date accessed: 05.10.2016).*
23. *Vocational training in Germany [Electronic resource]. — Mode of access: <http://en.dgb.de/fields-of-work/vocational-training> free. The title. from the screen (date accessed: 05 September 2016).*
24. *Zhu Y., Warner, M., Feng T. Employment relations With Chinese characteristics." The role of trade unions in China // International Labour Review, Vol. 150 (2011), No. 1-2. [Electronic resource]. — Mode of access: http://www.chinaanalysis.com/cat1_innovation/media/users/warner/ILO_article_on_trade_unions_in_China6.pdf free. The title. from the screen (date accessed: 05 September 2016).*

БУДЗИНСКАЯ ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА

к.э.н., доцент кафедры «Управление трудом и персоналом» ФГБОУ ВО «Российский государственный университет нефти и газа (НИУ) имени им. И.М.Губкина», Москва, e-mail: budzinskaya@bk.ru

ДЕМИДОВА АЛЕКСАНДРА ВЯЧЕСЛАВОВНА

магистр ФГБОУ ВО «Российский государственный университет нефти и газа (НИУ) имени им. И.М.Губкина», Москва, e-mail: demidov808@yandex.ru

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ И ИНВЕСТИЦИИ В ОБРАЗОВАНИЕ

Цель работы. В статье рассматривается образование как ключевой фактор повышения человеческого капитала. **Метод или методология проведения работы.** Проведён статистический анализ зависимости трудовых доходов работников от уровня образования на примере российского и американского рынков труда. **Результаты.** Выделен капитал образования в качестве основополагающего элемента человеческого капитала, что объясняется его доминирующей ролью в социальной стабильности работника при воспроизводстве рабочей силы. Доля человеческого капитала в общей структуре национального богатства постоянно возрастает в большинстве развитых стран. Согласно Отчёту о человеческом капитале, оглашённому на Всемирном экономическом форуме, Россия занимает 26 место в рейтинге стран. Проведённый анализ показывает, что в период перехода к инновационной экономике приоритетным направлением государственной политики становится подготовка высококвалифицированных работников. Именно высококвалифицированный персонал позволят повысить конкурентоспособность российской экономики, отойдя от сырьевого уклада экономики. Высокий уровень образования, профессионализм является ключевым инструментом, обеспечивающим конкурентоспособность, инновационность и экономический рост в XXI в. Уровень образования является не только гарантией трудовых доходов, но и гарантией социальной мобильности, позволяя минимизировать риск безработицы. Для доказательства этого утверждения в работе обобщена теория человеческого капитала, проведен анализ статистических данных, который показал, что в современных российских условиях работники с более высоким уровнем образования получают более высокий доход и менее склонны к безработице. Однако на уровне государственной политики образования необходимо построить более тесную взаимосвязь между затратами на обучение и трудовыми доходами. **Область применения результатов.** Результаты проведённого исследования могут быть использованы при разработке социальной программы трудоспособного населения. **Выводы.** Делается вывод, что уровень образования работника является не только гарантией трудовых доходов, но и гарантией социальной мобильности, позволяя минимизировать риск безработицы. В современных условиях, когда высшее образование становится коммерческим в большей мере, чем раньше, необходимо повысить коэффициент окупаемости частных вложений в обучение, что позволит повысить мотивационную роль работников, а как следствие, уровень человеческого капитала в России.

Ключевые слова: образование, человеческий капитал, доходы работников, безработица.

BOODZINSKAYA OLGA VLADIMIROVNA

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of "Management of Labor and Staff" of FSBEI of HE "Russian State University of Oil and Gas (NRU) named after I.M.Gupkin", Moscow, e-mail: budzinskaya@bk.ru

DEMIDOVA ALEXANDRA VYACHESLAVOVNA

Master of FSBEI of HE "Russian State University of Oil and Gas (NRU) named after I.M. Gupkin", Moscow, e-mail: demidov808@yandex.ru

HUMAN CAPITAL AND INVESTMENTS INTO EDUCATION

The goal of the paper. The manuscript discusses education as the key factor of increasing human capital. *The method of work performed.* We have performed a statistical analysis of the dependence of work income of employees on the level of education based on the examples of the Russian and American labor markets. *The results.* We have distinguished the capital of education as the foundational element of human capital which is explained by its dominating role in the social stability of an employee when reproducing the workforce. The percentage of human capital in the general structure of the national wealth is constantly growing in the majority of developed countries. According to the Human Capital Report that was announced during the World Economic Forum, Russia is taking up the 26th position in the rating of countries. The analysis performed shows that during the period of transition towards the innovative economy, preparation of highly qualified workers becomes the priority area of focus of the state policy. Highly qualified staff specifically will allow to increase the competitive ability of the Russian economy, moving away from the resource mining type of economy. High level of education, professionalism are the key instruments ensuring competitive ability, innovative character and economic growth in the 21st century. The level of education is not only a guarantee of work income, but also a guarantee of social mobility allowing to minimize the risk of unemployment. In order to prove this statement the paper summarizes the theory of human capital, performs an analysis of statistical data that showed that in modern Russian conditions employees with a higher level of education receive higher income, and are less prone to stay unemployed. However, it is necessary to build up a close interconnection between expenditure for education and work income at the level of a state policy. *Area of application of the results.* The results of the study performed may be used when developing a social program for employable population. *Conclusions.* A conclusion is made that the level of education of an employee is not only a guarantee of work income but also a guarantee of social mobility allowing to minimize the risk of unemployment. In modern conditions when higher education is becoming more commercialized than in the past, it is necessary to increase the index of return of investment from private investments into education which will allow to increase the motivational role of employees, and, as a consequence, the level of human capital in Russia.

Keywords: education, human capital, employee income, unemployment.

Введение. На современном этапе развития общества ключевым индикатором инновационного развития является доля человеческого капитала в общей структуре национального богатства. В период перехода к инновационной экономике приоритетным направлением государственной политики становится подготовка высококвалифицированных работников. Именно высококвалифицированный персонал позволят повысить конкурентоспособность российской экономики, отойдя от сырьевого уклада экономики. Высокий уровень образования, профессионализм является ключевым инструментом, обеспечивающим конкурентоспособность, инновационность и экономический рост в XXI в. Уровень образования является не только гарантией трудовых доходов, но и гарантией социальной мобильности, позволяя минимизировать риск безработицы.

Методы исследования. В работе капитал образования выделен в качестве основополагающего элемента человеческого капитала, что объясняется его доминирующей ролью в социальной стабильности работника при воспроизводстве рабочей силы. Понятие человеческий капитал охватывает совокупность характеристик человека, которые включают в себя способность к обучению, умственные, физические, интеллектуальные способности, способность к труду, а также состояние здоровья и психопатические способности. В теории выделяются несколько элементов человеческого капитала: капитал образования, трудовой капитал, капитал здоровья и социально-культурный капитал. Основными составляющими человеческого капитала можно выделить капитал образования и трудовой капитал. Набор способностей человека, которые входят в трудовой капитал, оцениваются с точки зрения возможности приносить доход. По определению М. Колосницыной человеческий капитал — «воплощённая в человеке возможность приносить доход» [9], а по определению Б. Генкина человеческий капитал — это «совокупность качеств, которые определяют производительность и могут стать источником дохода для человека, семьи, предприятия и общества» [1].

Лауреат Нобелевской премии, американский экономист Т. Шульц дал своё определение по-

нения «человеческий капитал». Согласно его теории, образование является формой капитала, потому что оно влияет на производство и имеет значение для экономики. Кроме того, образование можно рассматривать как капитал по той причине, что оно позволяет получить в будущем удовлетворение или заработка [17, 571–583]. Продолжил разработку теории человеческого капитала Г. Беккер, он считается основоположником современной теории о человеческом капитале. Беккер выделяет в человеческом капитале знания, навыки и мотивацию. Он считает, что вложения в образование специалистов и квалифицированных работников могут приносить в будущем не меньшую прибыль, чем расходы на машинную технику [5].

На настоящий момент не существует единственно верного определения понятия «человеческий капитал», однако все определения можно разделить на две группы. Согласно первому подходу, человеческий капитал — это совокупность знаний и навыков человека, приобретенных им во время получения образования и участия в трудовом процессе, которые могут стать источником дохода. Например, П. Хейне под человеческим капиталом понимает «знания и умения, которые люди приобретают посредством образования, профессиональной подготовки или практического опыта и которые позволяют им представлять другим людям ценные производительные услуги» [15].

Для второго подхода к определению понятия «человеческий капитал» характерен более широкий взгляд на данный термин. В этом случае к составляющим человеческого капитала относят не только знания и умения человека, но и мотивацию, способности ценности и энергию, которые способствуют росту производительности труда и приносят доход. Например, такое определение человеческого капитала дают Р.М. Нуреев [13,219] и Ф. Фукуяма [15,129]. Наиболее спорной остается проблема способностей. У людей с более высокой мотивацией и способностями к обучению больше шансов поступить в вуз, следовательно, и их доход в будущем будет выше.

Аналитическая группа Всемирного экономического форума (ВЭФ) в сотрудничестве с Международной организацией труда (МОТ), Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и консалтинговой компанией Mercer Human Resource Consulting в 2015 г. опубликовала отчет о человеческом капитале (Human Capital Index), в котором Россия заняла 26 место [1]. В 2013 г. в данном отчете Россия занимала 51 место. Для подготовки данного отчета 124 страны оценивались с точки зрения развития человеческого капитала по 46 показателем, которые можно сгруппировать в 4 группы:

- 1) образование;
- 2) здоровье;
- 3) трудоустройство и занятость;
- 4) социальная защита, мобильность.

Сильные стороны России связаны с доступностью образования в любом возрасте, однако Россия отстает от многих стран с сопоставимым уровнем экономического развития по всем другим критериям, характеризующим реализацию человеческого потенциала, таким, как качество рабочих мест, возможности развития на рабочем месте, качество медицинского обслуживания, продолжительность здоровой жизни населения и социальная мобильность. В табл. 1 приведены некоторые позиции России в рейтинге стран по развитию человеческого капитала.

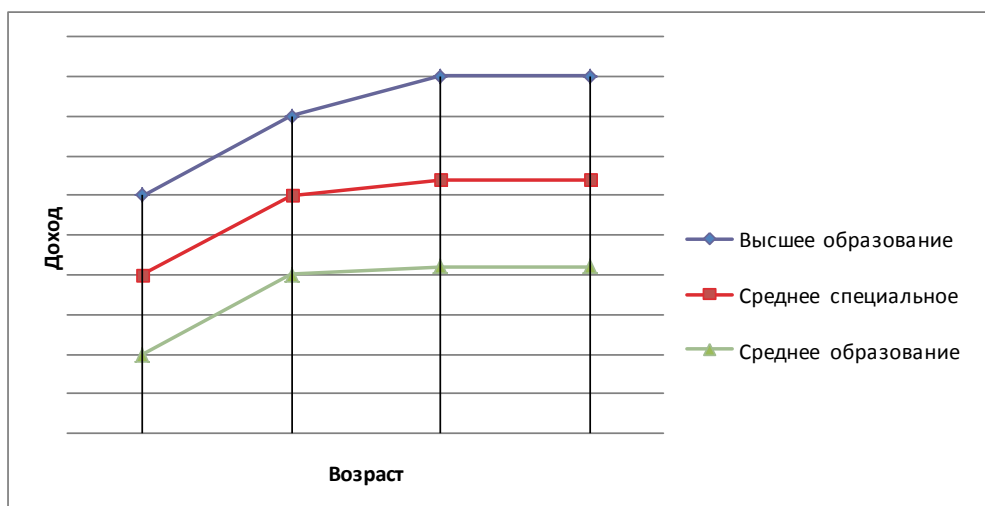
Таблица 1

Позиция России в рейтинге стран по развитию человеческого капитала*

Место России в рейтинге стран по развитию человеческого капитала	Составляющие элементы, определяющие рейтинг страны по развитию человеческого капитала
26	Россия в общем рейтинге
1	Доступность начального образования
52	Безработица
79	Возможность профессионального развития
81	Здоровье населения
82	Доля населения в трудоспособном возрасте
73	Качество системы образования

*Источник: «Отчет о человеческом капитале 2015» Всемирного экономического форума.

Образование является одним из ключевых составляющих человеческого капитала. Инвестиции в образования являются наиболее важными для повышения уровня и качества человеческого капитала. Инвестиции в образование являются основным, наиболее широко распространённым и глубоко исследованным направлением инвестиций в человеческий капитал. Согласно данным ЮНЕСКО, 60% разницы в доходах людей приходится на разный уровень образования, а 40% — на все остальные факторы (здоровье, природные способности, социальное происхождение) [10,215].

Рис. Зависимость доходов людей от их образования

В условиях рыночной экономики люди с более высоким уровнем образования имеют более высокий доход. По некоторым оценкам, каждый год обучения после начального приносит работнику как минимум 10% прироста годового дохода [2]. Данную тенденцию доказывает классический график зависимости доходов людей от их образования, публикуемый во многих зарубежных изданиях по экономике (рис.).

Эмпирические исследования зарубежных учёных показали, что:

- Люди с более высоким уровнем образования имеют более высокий доход.
- В начале трудовой жизни заработки растут наиболее быстро.
- С ростом трудового стажа увеличиваются различия в уровне дохода по уровню образования.

Устойчивую зависимость между уровнем образования и доходом, получаемым в течение всей жизни, доказывает и статистика. Данная тенденция сохраняется на протяжении долгих лет, как и за рубежом, так и в нашей стране. В табл. 2 приведено сравнение издержек на образование и доходов в будущей трудовой деятельности на примере США в 1960–1990 гг. На основе данных табл. 2 можно сделать вывод, что у людей с более высоким уровнем образования уровень заработной платы выше.

Принимая решения об инвестициях в образование, человек сравнивает издержки на получение образование с ожидаемыми доходами. При этом на решение человека продолжить образование могут повлиять и немонетарные факторы: жажда знаний, честолюбие, стремление к самоутверждению и т. п. [10,222] Однако в соответствии с базовыми моделями теории человеческого капитала инвестиции в образование целесообразны, если поток будущих доходов (R) не меньше совокупных затрат на образование (C) (или норма доходности инвестиций в образование не менее рыночной ставки процента) [14,13].

$$R = \sum_{t=1}^N \frac{W_1 - W_0}{(1 - i_t)^t} = \frac{W_1 - W_0}{i_t} \left[1 - \frac{1}{(1 + i_t)^t} \right] \xrightarrow{t \rightarrow \infty} \frac{W_1 - W_0}{i_t} \quad (1)$$

Средние издержки на обучение и доходы работников с различным уровнем образования в США (тыс. долл., текущие цены)*

Уровень образования	Издержки на образование			Зарботки в течение трудовой жизни		
	1960 г.	1983 г.	1990 г.	1960 г.	1983 г.	1990 г.
Начальное	3.2	19.8	30.0	168.8	384.0	756.0
Неполное среднее (9–11 лет)	4.8	29.9	45.0	193.1	384.0	836.0
Среднее (12 лет)	5.6	36.0	59.4	224.1	548.0	1084.0
Незаконченное высшее (13–15 лет)	9.6	55.2	81.8	273.0	618.0	1260.0
Высшее (16 лет и более)	15.1	74.3	107.0	360.0	805.0	1720.0
Разрыв в издержках и в доходах между крайними группами:						
абсолютный	11.9	54.5	77.0	191.8	421.0	964.0
относительный	4.7	3.7	3.6	2.1	2.1	2.3

*Источник: Марцинкевич В.И., Соболева И.В. Экономика человека. — М.: Аспект Пресс, 1995 [11, 191].

где $R \geq C$, где $W_1 > W_0$ — рост уровня доходов в результате повышения уровня образования; i_t — рыночная ставка в год.

Допустим, что затраты на получение каждого следующей степени образования (магистратура после бакалавриата, аспирантура после [магистратуры](#)) составляют, а затраты более низкого уровня (получение степени бакалавра) — . Тогда:

а) Условием невыгодности продолжения обучения по программам магистратуры и аспирантуры будет превышение затрат на обучение в течение T_1 лет над будущими доходами:

$$T_1 C_1 > \frac{W_1 - W_0}{i} ; \quad (2)$$

б) Условием выгодности получения образования более низкого уровня (получение степени бакалавра) будет превышение будущих доходов над затратами на обучение в течение T_0 лет:

$$T_0 C_0 < \frac{W_1 - W_0}{i}$$

и соответственно:

$$iT_1 C_1 > W_1 - W_0 > iT_0 C_0 \quad (3)$$

Это неравенство объясняет тенденцию более высокой оплаты труда работников с более высоким уровнем образования, сложившуюся в странах с развитой рыночной экономикой.

По данным Американского фонда исследований занятости, в первую десятку наиболее высокооплачиваемых профессий в США входят: терапевт/хирург — 147 тыс. долл. в год; пилот коммерческих авиакомпаний — 133, 5 тыс. долл.; топ-менеджер — 116 тыс. долл.; дантист — 90 тыс. долл. в год; фармацевт — 85 тыс. долл. в год; аналитик/менеджер в сфере финансов — 84 тыс. долл. в год. Все эти профессии требуют длительного обучения, иногда занимающего до 10 лет [10,222]. Коэффициент окупаемости частных вложений в обучение (частная норма отдачи образования) для получения степени бакалавра составляет от 11,9 до 13,4%, для одногодичного последипломного уровня — 8%, для магистра — 7,2% и для доктора философии — 6,6 % [4,254]. Приведённые данные доказывают, что затраты на обучение, т. е. инвестиции в рост собственного человеческого капитала позволяет рассчитывать на более высокий трудовой доход в будущем и меньший риск безработицы.

В табл. 3 приведены данные статистических исследований НИУ ВШЭ в России в 2005–2013 гг. В табл. сравнивается средняя заработная плата по уровню образования и полу. Согласно статистике, в нашей стране люди с более высоким уровнем образования также имеют более высокий уровень дохода.

Средняя заработная плата работников по уровню образования и полу, руб.*

Категория	Всего	Образование					
		Высшее	Среднее профессиональное по программам подготовки специалистов среднего звена	Среднее профессиональное по программам подготовки квалифицированных рабочих, служащих	Среднее общее	Основное общее	Не имеют основного общего образования
<i>2005 г.</i>							
Все работники	8694	11383	7722	8123	7726	6418	5772
<i>2011 г.</i>							
Все работники	22717	29927	18901	19746	18538	15970	14545
<i>2013 г.</i>							
Все работники	28702	38233	23869	23926	22886	21622	19850

**Источник: Индикаторы образования : 2016 : Стат. сборник. — М., 2016; Гохбер, Л.М., Забатурина, И.Ю., Ковалёва, Н.В. — М. : НИУ ВШЭ, 2016 [6].*

На государственном уровне последнее исследование о дифференциации заработной платы работников в зависимости от уровня образования проводилось последний раз в 2011 г. Федеральной службой статистики [19]. Приведённые статистические данные доказывают прямую зависимость трудового дохода от уровня образования. Однако следует отметить, что приоритетным является исследование зависимости заработной платы от категории персонала. Безусловно, принадлежность к категории персонала подразумевает профессионально-квалификационный уровень образования, но не является прямым доказательством уровня образования.

Существует и противоположные точки зрения. Проведённые исследования российскими исследователями позволяют привести основания того, что в России полученные доходы наемных работников не зависят от уровня образования [20].

Человеческий капитал создается с помощью инвестирования. Инвестиции в человеческий капитал имеют ряд особенностей, которые отличают их от других видов инвестиционных затрат [4].

1. Затраты на образования являются вложениями в человеческий капитал только в том случае, если накопленные знания и навыки смогут приносить доход в будущем.

2. Существует верхняя граница роста дохода от повышения уровня образования. Более высокая ступень образования, связанная с дальнейшим обучением человека (магистратура, аспирантура, докторантура), даёт всё меньшее приращение дохода: растут альтернативные и прямые затраты на обучение. При этом на решения человека о продолжении образования, несмотря на небольшой прирост дохода, могут влиять такие факторы, как интерес к учебе, возможность заниматься научной деятельностью, честолюбие и т. д.

3. Отдача от инвестиций в человеческий капитал зависит от продолжительности трудовой жизни.

4. Человеческий капитал способен не только накапливаться, но и подвержен физическому и моральному износу.

5. Человеческий капитал передается другому индивидууму без уменьшения (и даже с ростом) собственного человеческого капитала.

Помимо образования уровень развития человеческого капитала страны определяет и уровень безработицы в зависимости от уровня образования. Доля безработных среди людей с высшим образованием в 2014 г. была ниже по сравнению с долей безработных среди людей без образования и с основным общим образованием (табл. 4).

**Застойная безработица по уровню образования и полу, 2014 г.
(удельный вес безработных, ищущих работу 12 месяцев и более, в общей численности
безработных соответствующего уровня образования, %)***

Категория	Безработные в возрасте 15–72 лет			Безработные в возрасте 25–34 лет		
	Всего	Мужчины	Женщины	Всего	Мужчины	Женщины
Всего	28,1	27,8	28,4	28,3	28,0	28,6
Имеют образование:						
Высшее	23,0	24,2	22,0	25,5	25,9	25,2
Среднее профессиональное по программам подготовки специалистов среднего звена	28,1	26,6	29,4	27,2	26,1	28,2
Среднее профессиональное по программам подготовки квалифициро- ванных рабочих, служащих	29,6	28,8	30,9	26,7	26,0	27,8
Среднее общее	29,0	28,2	30,2	29,7	28,9	30,7
Основное общее	30,6	31,0	29,0	33,6	33,0	34,9
Не имеют основного общего образования	35,2	36,7	31,4	46,5		

**Источник: Индикаторы образования : 2016 : Стат. сборник. — М., 2016 ; Гохбер, Л.М., Забатурина, И.Ю., Ковалёва, Н.В.— М. : НИУ ВШЭ, 2016 [6].*

Официальные статистические данные США подтверждают закономерность зависимости уровня образования и безработицы. В 2015 г. в США уровень безработицы работников с неполным средним образованием был зафиксирован на уровне 8%, а работников с самым высоким уровнем образования в американской системе квалификаций, уровень доктора — 1,7% [18]. Российская и американская практика свидетельствует о том, что работники с более высоким образованием менее склонны потерять работу.

Как упоминалось выше, в теории выделяются несколько элементов человеческого капитала: капитал образования, трудовой капитал, капитал здоровья и социально-культурный капитал. В настоящее время Россия занимает 26 место в рейтинге стран по развитию ЧК. Сильной стороной российского человеческого капитала является доступность образования, при этом по показателям развития других составляющих человеческого капитала Россия сильно отстает от развитых стран. Социально значимыми болевыми точками человеческого капитала в России являются: уровень качества жизни, качество медицинского обслуживания, продолжительность жизни населения, уровень безработицы, качество системы образования, возможность профессионального развития. Эти данные показывают наличие социальных проблем в России.

Для сохранения нынешнего уровня человеческого капитала и приумножения его в будущем, а также для решения социальных проблем в России необходима разработка государственной программы, направленной на укрепление составляющих человеческого капитала. Разработка подобной программы может основываться на международной практике. Например, в ряде зарубежных стран, а именно: Норвегии, Великобритании, Сингапуре, Австрии государства отказались от частного сектора в сфере медицинских услуг. Норвегия в 2001 г. выкупила последнюю частную клинику и на всю страну объявила: наконец-то покончено с частной медициной, государство берет на себя ответственность за здоровье нации [9].

Вышеизложенные взаимосвязи доказывают, что образование является одним из инструментов построения системы наращивания человеческого капитала в обществе. Именно уровень человеческого капитала, его доля в общей структуре национального богатства являются индикаторами развития общества. Именно ценность образования и уверенность населения в его влиянии на уровень доходов в будущем позволяют создать основу инвестированию в образование. Но для функционирования данного механизма необходимо обеспечить на практике высокую отдачу от инвестиций в образование в России.

Вывод. Уровень образования работника является не только гарантией трудовых доходов, но и гарантией социальной мобильности, позволяя минимизировать риск безработицы. В современных условиях, когда высшее образование становится коммерческим в большей мере, чем раньше, необходимо повысить коэффициент окупаемости частных вложений в обучение, что позволит повысить мотивационную роль работников, а, как следствие, уровень человеческого капитала в России.

Литература

1. Генкин, Б. М. Организация, нормирование и оплата труда на промышленных предприятиях : учебник для вузов. — М. : Норма – ИНФРА-М, 1998.
2. Григорьева, Т. О. Бизнес-образование как фактор развития управленческого потенциала промышленного предприятия : автореферат дис. ... канд. экон. наук. — М., 2001.
3. Добрынин, А. И., Дятлов, С. А., Цыренова, Е. Д. Человеческий капитал в транзитивной экономике : формирование, оценка, эффективность использования. — СПб. : Наука, 1999.
4. Добрынин, А. И., Дятлов, С. А., Цыренова, Е. Д. Человеческий капитал в транзитивной экономике : формирование, оценка, эффективность использования. — СПб. : Наука, 1999. С. 254.
5. Драгончук, Л. С. Образование и развитие человеческого капитала в России // Проблемы современной экономики. 2011. № 1.
6. Индикаторы образования : 2016 : стат. сборник.— М., 2016 /Л.М. Гохбер, И.Ю. Забатурина, Н.В. Ковалева ; НИУ «Высшая школа экономики». — М. : НИУ ВШЭ, 2016.
7. Отчет о человеческом капитале 2015 Всемирного экономического форума.
8. Колосницина, М. Г. Экономика труда. — М. : Магистр, 1998.
9. Литературная газета. 2007. 18–24 июля.
10. Мазин, А. Л. Экономика труда. — М. : «Юнити», 2016.
11. Марцинкевич, В. И. Соболева, И. В. Экономика человека. — М. : Аспект Пресс, 1995. С. 191.
12. Новая постиндустриальная волна на Западе : антология ; под. ред. В.Л. Иноземцева. — М. : Academia, 1999. С.129.
13. Нуреев, Р. М. Экономика развития : модели становления рыночной экономики : учебник. — М. : Норма, 2008. С. 219.
14. Шуляковский, Б. О. Социально-экономическая эффективность послевузовского профессионального образования высшей школы : автореферат дис. ... канд. экон. наук. — СПб., 2002. С. 13.
15. Хейне, П. Экономический образ мышления ; пер. с англ. — М. : «Дело», 1992.
16. Human Capital Report, 2015. — URL : <http://reports.weforum.org/human-capital-report-2015/the-human-capital-index/>.
17. Shultz, T. Capital Formation by Education // Journal of Political Economy. 1960. Vol. 68. No. 6. P. 571–583.
18. Bureau of Labor Statistic. Earnings and unemployment rates by educational attainment, 2015. — URL : www.bls.gov.
19. Статистический бюллетень. 2012. № 06 (187). — URL : www.gks.ru.
20. Чистяков, Ю. Р., Гартман, И. А., Забродоцкая, О. А. Связь уровней образования и дохода : причины и последствия несоответствия // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. № 1(09). — URL : www.sisp.nkras.ru.

References:

1. Genkin, B. M. the Organization, regulation and wages in industrial enterprises : the Textbook for high schools. — M. : Norma – INFRA-M, 1998.
2. Grigorieva, T. O. Business education as a factor in the development of management potential of industrial enterprises : author's abstract on competition Phd of Economics. — Moscow, 2001.
3. Dobrynin, A. I., Dyatlov, S. A., Tsyrenova, E. D. Human capital in transitive economy: formation, assessment, efficiency. — SPb. : Science, 1999.
4. Dobrynin, A. I., Dyatlov, S. A., Tsyrenova, E. D. Human capital in transitive economy: formation, assessment, efficiency. — SPb. : Science, 1999. P. 254.
5. Dragonchuk, L. C. Education and human capital development in Russia // Problems of modern economics. 2011. No.1.
6. Indicators of education : 2016 : Statistical Yearbook. — Moscow, 2016 / L. M. Gohberg, I. Yu. Zabaturina, N. In. Kovalev ; Higher school of Economics. — M. : HSE, 2016.
7. Report on human capital 2015 at the world economic forum.
8. Kolosnitsyna, M. G. labor Economics. — M. : Magistr, 1998.
9. Literaturnaya Gazeta. 2007. from 18-24 July.
10. Mazin, A. L. labor Economics. — M. : Unity, 2016.
11. Martsinkevich, V., Soboleva, I. V. I. Economy of the person. — M. : Aspect Press, 1995. P. 191.
12. The new Postindustrial wave in the West : the Anthology ; under. ed. by V. L. Inozemtsev. — M. : Academia, 1999. P. 129.
13. Nureev, R. M. Development Economics : models of establishing market economy : textbook. — M. : Norma, 2008. P. 219.
14. Shulyakovsky, B. O. Social-economic efficiency of postgraduate professional education of higher school : author's abstract on competition Phd. of Economics. — St. Petersburg, 2002. P. 13.

15. Heine, P. *Economic way of thinking ; per. from English.* — М. : «Business», 1992.
16. *Human Capital Report, 2015.* — URL : <http://reports.weforum.org/human-capital-report-2015/the-human-capital-index/>.
17. Shultz, T. *Capital Formation by Education // Journal of Political Economy.* 1960. Vol. 68. No. 6. P. 571–583.
18. Bureau of Labor Statistic. *Earnings and unemployment rates by educational attainment, 2015.* — URL : www.bls.gov.
19. *Statistical Bulletin.* 2012. No. 06 (187). — URL : www.gks.ru.
20. Chistyakov, Y. R., Hartmann, I. A., Zabrodina, O. A. *the Relationship of levels of education and income : causes and consequences of non-compliance // Modern researches of social problems (electronic scientific journal).* 2012. No. 1(09). — URL : www.sisp.nkras.ru.

АБДУЛМАНАПОВ ПИРМАГОМЕД ГАБИБУЛАЕВИЧ

к.э.н., научный сотрудник ФГБУН «Институт социально-экономических исследований»
ДНЦ РАН, e-mail: raha77@mail.ru

МОНИТОРИНГ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ ДАГЕСТАН

Целью исследования является выявление особенностей воспроизводства населения в Республике Дагестан, в т. ч. в территориальном разрезе, и определение современных тенденций демографического развития региона. **Методология исследования.** Поставленные в исследовании задачи определили необходимость использования соответствующего инструментария, в т. ч. методов научного познания, включающих методы анализа, синтеза, агрегирования, наблюдения, сравнения, а также широкое применение нашли специальные методы статистического и демографического анализа, которые обеспечили обоснованность научных результатов. **Результаты.** Определено, что с началом реализации дополнительных мер помощи семьям с детьми в регионе возобновился рост рождаемости. Сравнительный анализ показателей смертности населения регионов и страны в целом выявил, что ситуация с продолжительностью жизни в Республике Дагестан выглядит существенно лучше по сравнению с СКФО и с Российской Федерацией в целом. Миграционные процессы в республике в последние годы усилились, а в миграционных потоках начали преобладать векторы, направленные за пределы региона. Однако в среднесрочной перспективе прогнозируется прекращение роста численности населения, обусловленное падением значения показателя естественного прироста и усилением миграционного оттока. **Выводы.** Чтобы перейти от достигнутой стабилизации демографических процессов, обеспечивающих простое воспроизводство населения, к расширенному воспроизводству, демографическая политика должна вестись по направлению усиления стимулирования рождения вторых и третьих детей, снижению возраста вступления в брак и рождения первого ребенка. Также демографическая политика вместе с политикой в социальной сфере должна быть направлена на достижение оптимальных значений показателей воспроизводства населения за счёт улучшений в сфере здравоохранения и экологической безопасности, развития профессиональных качеств рабочей силы через совершенствование системы профессионального образования, переподготовки и повышения квалификации.

Ключевые слова: демографический прогноз, воспроизводство населения, естественный прирост, миграция, рождаемость, смертность, продолжительность жизни.

ABDULMANAPOV PIRMAGOMED GAGIBOOLAEVICH

Candidate of Economic Sciences, Research Associate of FSBIS "Institute of Social-Economic Studies" of DSC of the RAS, e-mail: raha77@mail.ru

MONITORING OF THE DEMOGRAPHIC SITUATION IN THE REPUBLIC OF DAGESTAN

The goal of the study is finding typical characteristics of population reproduction in the Republic of Dagestan including those in the territorial meaning of it, and determining the modern tendencies of the demographic development of the region. *The methodology of the study.* The goals that have been established in the study determined the need of using the appropriate tools including methods of scientific cognition including methods of analysis, synthesis, aggregation, observation, comparison. Special methods of statistical and demographic analysis that have provided for the substantiation of scientific results have been widely used. *Results.* It has been determined that with the beginning of implementation of additional measures of assistance to families with children, birth rate increase has restarted in the region. A comparative analysis of indicators of population death rate in different regions of the country, and the country on the whole uncovered that the situation with the lifespan in the Republic of Dagestan looks significantly better in comparison with the NCFD and with the Russian Federation on the whole. Migration processes in

the Republic have intensified in the recent years, and vectors directed outside of the region started to become prevalent in the migratory streams. However, in the mid-range perspective, we are forecasting a termination of growth of the population due to a drop in the value of the indicator of the natural accretion, and an intensification of the migration outflow. *Conclusions.* In order to transition from the achieved stabilization of demographic processes providing for a simple reproduction of population to an expanded reproduction, the demographic policy should follow the direction towards intensification of stimulating the birth of second and third children, reduction of the age of marriage and birth of the first child. Also, the demographic policy, together with the policy in the social sphere, have to be directed towards achievement of the optimal values of indicators of reproduction of the population due to improvements in the sphere of healthcare and environmental security, development of professional qualities of workforce through the improvement of the system of professional education, re-training and advanced training.

Keywords: a demographic forecast, reproduction of the population, a natural increase, migration, birth rate, death rate, lifespan.

Введение. Необходимость мониторинга демографической ситуации в регионе и все более глубокого осмысления причин, обуславливающих те или иные процессы, а также их последствий диктуется угрозами демографической безопасности в регионе. Несмотря на существенные положительные подвижки в развитии демографических процессов в Дагестане, в задачу исследователей входит отслеживание этих перемен и информирование общества и государственных институтов о новейших изменениях, как положительных, так и отрицательных. В то же время сам по себе мониторинг демографической ситуации не позволяет активно воздействовать на процессы, а лишь указывает на главные вызовы и угрозы. Поэтому настоящее исследование ориентировано также на понимание глубинных движущих сил сложных социально-демографических процессов.

Целью исследования является выявление особенностей воспроизводства населения в Республике Дагестан, в т. ч. в территориальном разрезе, и определение современных тенденций демографического развития региона.

Теоретико-методической основой исследования послужили достижения научной мысли отечественных и зарубежных учёных в области устойчивого развития территорий и воспроизводства населения, а также работы отечественных экономистов, демографов, географов. Поставленные в исследовании задачи определили необходимость использования соответствующего инструментария, в т. ч. методов научного познания, включающих методы анализа, синтеза, агрегирования, наблюдения, сравнения. Одновременно широкое применение нашли специальные методы статистического и демографического анализа (непосредственной оценки, простого ранжирования и моделирования), которые обеспечили обоснованность научных результатов, подтверждённых объективностью первичного материала и предпосылок, логикой проведённого исследования.

Результаты. Прежде чем перейти к оценке перспектив, проведём ретроспективный анализ демографического развития Республики Дагестан за последнее десятилетие. Численность населения Дагестана за всю новейшую историю России увеличивается, в то время как во многих регионах явления депопуляции стали носить долговременный характер, и даже в 1990-х гг., когда в стране наблюдался глубокий демографический кризис, численность населения региона продолжала расти (рис. 1). Кроме того, в Республике Дагестан большая часть населения по настоящее время проживает в сельской местности. Среди субъектов СКФО России Дагестан занимает лидирующее положение по численности населения, и на него приходится 30% от общей численности населения округа.

Являясь самым крупным по численности населения регионом Северного Кавказа, Дагестан оказывает большое влияние на демографические показатели в целом по федеральному округу. Здесь рост численности населения обеспечивается исключительно за счёт высокого уровня естественного прироста, который частично «съедается» отрицательным миграционным приростом, имеющим тенденцию дальнейшего роста высокими темпами (рис. 2). Начиная с 2007 г. уровень естественного прироста понемногу начал расти, что связано с началом реализации

дополнительных мер помощи семьям с детьми, введением «Материнского капитала». Примерно с этого же времени начинает расти миграционный отток, что, скорее всего, было спровоцировано мировым финансовым кризисом и ухудшением экономического положения домохозяйств в республике. Динамика общего прироста с 2007 г. имела тенденцию к снижению до настоящего времени.

Рис. 1. Численность населения Республики Дагестан на 1 января, тыс. чел.

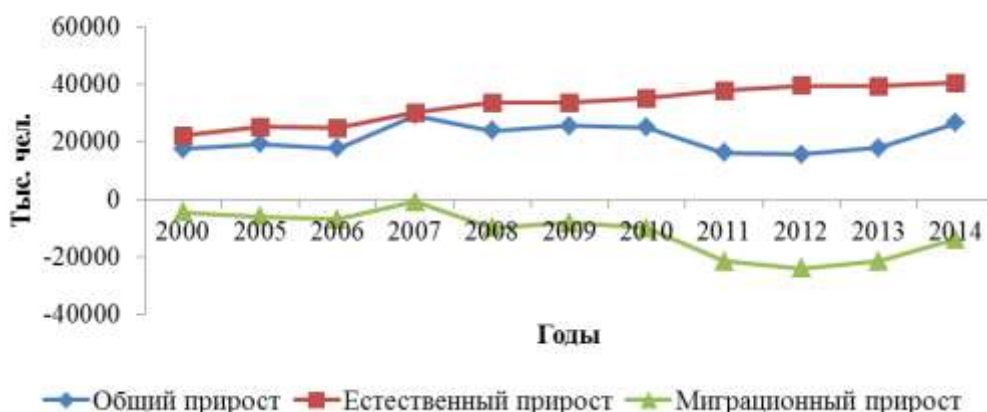

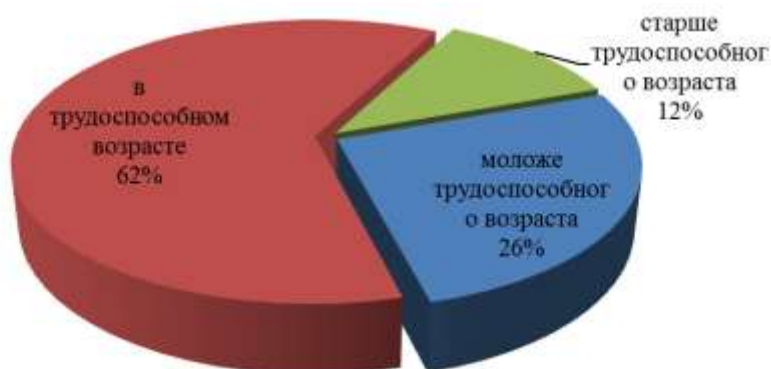
Рис. 2. Компоненты изменения численности населения в Республике Дагестан

Доля населения в трудоспособном возрасте в общей численности населения в 2014 г. составляет 62% при численности населения данного возраста в 1830 тыс. человек (рис. 3). Вторая по численности возрастная категория в регионе — это группа населения моложе трудоспособного возраста — дети и подростки. Их в республике 786 тыс. человек, что составляет 26% от общей численности населения. И третья группа — население старше трудоспособного возраста, численность которого составляет около 350 тыс. человек.

Республика Дагестан отличается от большинства национальных республик Северного Кавказа более выраженными количественными характеристиками рождаемости, позволяющими компенсировать миграционные потери и обеспечивать положительный общий прирост численности населения. Так, самое высокое значение коэффициента рождаемости в регионе имело место в 1960 г. — 40 родившихся в расчёте на 1000 населения. В последующем данный показатель устойчиво снижался до 2006 г., в котором коэффициент рождаемости составил 15,0 промилле.

Рост рождаемости возобновился в 2007 г., обусловленный началом реализации дополнительных мер государственной помощи семьям с детьми в стране [2]. Ощутимый прирост коэффициента рождаемости наблюдался в первые два года после введения материнского (семейного) капитала. В дальнейшем его рост оказался незначительным — всего на 0,3 пункта

в среднем за четыре года. По данным Росстата, начиная с 2009 г. число новорождённых в республике превысило 50 тыс. человек. На 2014 г. численность родившихся составила около 57 тыс. человек, а коэффициент рождаемости достиг 19,1 промилле.

Рис. 3. Возрастная структура населения Республики Дагестан, 2014 г.

По уровню рождаемости территорию Республики Дагестан можно разделить на три зоны: с низким, средним и высоким значением коэффициента рождаемости. Территориальная зона с низким уровнем рождаемости в настоящее время в основном состоит из горных районов, расположенных в центральном и южном Дагестане и объединённых общими границами. Дополняется эта зона отдельно расположенным районом горной местности — Гумбетовским. Наихудшее положение в Гумбетовском районе (коэффициент рождаемости — 13,6), в Ахтынском (15,1), в Кулинском (15,3) [4].

Наиболее крупной является зона, состоящая из территорий со средним уровнем рождаемости. В настоящее время сюда относятся все северные районы Республики Дагестан, образующих отдельную группировку территорий, большинство из которых — горные и ещё два равнинные — Каякентский и Дербентский. Почти все районы из этой зоны ранее (до начала реализации программы помощи семьям с детьми) относились к группе с низкой величиной коэффициента рождаемости.

Большинство территорий из группы со средними значениями показателя уровня рождаемости, имевшем место до 2007 г., к 2012 г. перешло в разряд районов с высоким уровнем рождаемости. В настоящее время зона с высокой рождаемостью состоит из двух высокогорных (Цунтинский, Тлярятинский — выше 30 промилле), одного южного (Табасаранский) и шести равнинных районов из Центрального Дагестана (Кизилюртовский, Кумторкалинский, Карабудахкентский, Хасавюртовский, Казбековский и Новолакский — от 20 до 30 промилле).

Вопросы уменьшения человеческого потенциала из-за преждевременной смертности по настоящее время остаются наиболее актуальными для России. В стране наблюдаются явные позитивные сдвиги в деле роста продолжительности жизни населения с 2008 г. Тем не менее ситуация в регионе выглядит значительно лучше, как при сравнении с общероссийскими показателями, так и по сравнению с СКФО. По данным Росстата, в 2014 г. разрыв в продолжительности жизни для мужчин составляет при сравнении Республики Дагестан и России в целом — 7,3 года, Республики Дагестан и Северо-Кавказского федерального округа — 2,7 года, а для женщин, соответственно — 2,5 и 0,9 года.

В 2014 г. продолжительность жизни всего населения региона составила около 75,83 года. До сих пор сохранился, наблюдавшийся до периода начала реализации дополнительных мер демографической политики, существенный разрыв в показателях по мужскому и женскому населению. Подобная ситуация детерминирована высокой смертностью мужского населения из-за смертности от внешних причин — отравлений, травм, убийств, самоубийств, от террористических актов.

Действительно, коэффициенты смертности, рассчитанные на 1000 населения соответствующего возраста, у мужского населения превышают над показателями по женскому населению республики. Причём, у населения в трудоспособных возрастах он на 2 и более раза выше, а в

возрастной группе 30–34 года превышает на 4,7 раза. Поэтому в целях дальнейшего увеличения продолжительности жизни необходимо, в первую очередь, добиваться снижения смертности мужского населения [3].

Что касается женского населения, то коэффициент смертности за последние годы существенных изменений не претерпел, в некоторых возрастных группах наблюдается незначительный рост показателя, а у большинства сложилась тенденция снижения. Наибольшее снижение смертности на 1000 населения соответствующего возраста у женщин старших возрастных групп: 75–79 лет и 80–84 года. У самой старшей группы наблюдается рост коэффициента смертности.

Уровень смертности населения в Республике Дагестан имеет долгосрочную тенденцию к снижению. Однако в программах по улучшению ситуации со смертностью необходимо уделять особое внимание вопросам ускоренного снижения мужской смертности, проблемам территориальной дифференциации уровня смертности, а также динамике младенческой смертности [3].

Территории республики разнообразны по показателям смертности, и коэффициент смертности варьирует от 4,3 умерших на 1000 населения в Тлярятинском районе до 9,6 в Чародинском. Высокий уровень смертности отмечается также в Курахском, Тарумовском, и Кулинском районах. Низкий уровень смертности населения сложился в Ахвахском, Ботлихском, Гумбетовском, Унцукульском, Цунтинском районах.

В начальный период социально-экономических реформ 1990-х гг. больше всего смертей среди населения трудоспособных возрастов приходилось на болезни сердечно-сосудистой системы и чуть меньше на несчастные случаи, отравления и травмы. Но смертность от болезней системы кровообращения имела тенденцию к снижению, а от внешних причин — к увеличению. В результате таких разнонаправленных трендов в начале второй половины 1990-х гг. на самый верх среди причин смертности вышла причина смерти от несчастных случаев, отравлений и травм, и по настоящее время она является самой значимой причиной смертности населения республики в трудоспособном возрасте (рис. 4). Рост показателя смертности от внешних причин продолжался до 2010 г., достигнув отметки 1300 человек умерших, и лишь за последние годы наметилась обратная тенденция.

Что касается показателя смертности от болезней системы кровообращения, то он до настоящего времени продолжает снижаться. В 2009–2010 гг. он сравнялся с показателем смертности от новообразований, а с 2011 г. опустился ниже уровня последней, заняв третье место среди причин смерти в регионе по значимости с величиной 655 человека. Новообразования как причина смерти трудоспособного населения занимает второе место, а её уровень за последнее время держится в районе 750–800 случаев смерти в год.

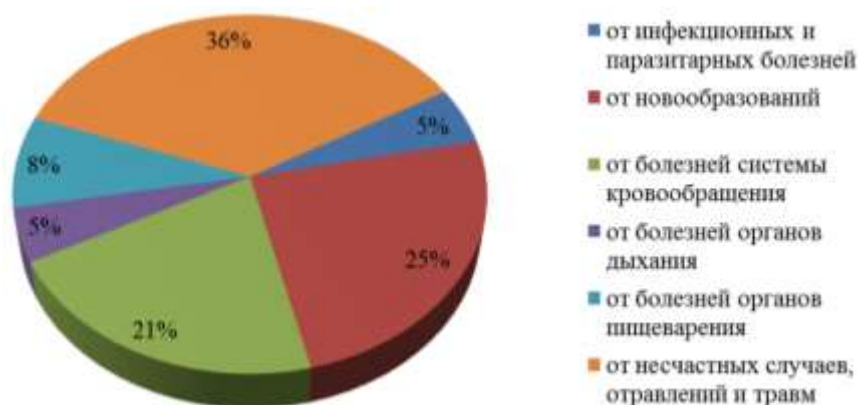

Рис. 4. Умершие по основным классам причин смерти в трудоспособном возрасте, Республика Дагестан, 2014 г., все население (чел.) [9]

Начиная с 2010 г. миграционная активность населения региона резко усилилась (рис. 5). Так, в 2010 г. число выбывших за пределы республики увеличилось по сравнению с предыдущим периодом на 8,5%, в следующем году — на 23,5%, и в 2012 г. — на 12,7%. В целом за три

года поток уезжающих увеличился на 50%, в то время как прибывающих — всего на 16%. В результате такой динамики миграционная убыль населения за три года увеличилась почти в 3 раза. Однако за последние два года тенденции меняются — число возвращающихся в регион продолжает расти с ежегодным приростом в 5–6%, а число выезжающих снижается до 10% в год.

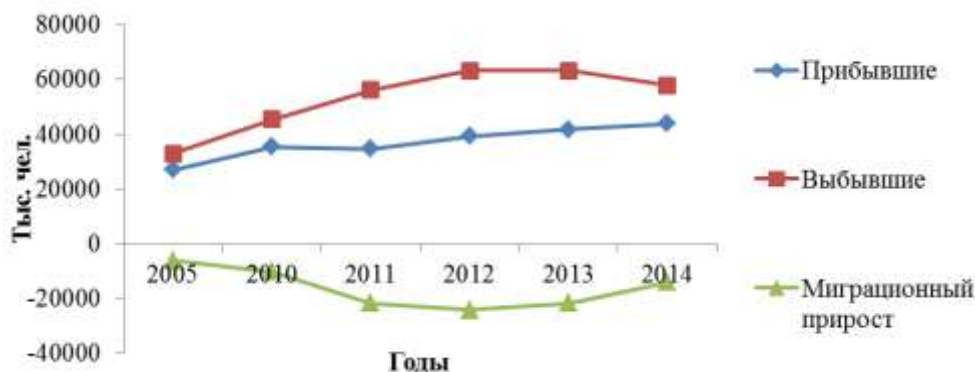

Рис. 5. Общие итоги миграции населения Республики Дагестан (чел.)

Территорию Республики Дагестан можно разбить на две зоны по миграции на постоянное место жительства в зависимости от характера превалирования потоков [7]. Благополучная обстановка в миграционном плане по данным за 2014 г. сложилась в пяти муниципальных районах — Ахвахском, Чародинском, Гунибском, Гербебильском и Новолакском. Но и здесь положительный миграционный прирост носит временный или незначительный характер. Лишь Новолакский район демонстрирует устойчивую динамику положительного миграционного прироста, сохраняющуюся достаточно долгий период.

Большие миграционные потери в настоящее время несут районы: Ногайский, Хивский, Табасаранский, Агульский. Высокая миграционная убыль наблюдается также в Рутульском, Каякентском, Дахадаевском, Цунтинском, Тляратинском и Акушинском муниципальных районах.

Следует отметить, что в 2014 г. зона миграционного благополучия в регионе расширилась по сравнению с 2012 г. из-за перехода ряда территорий в разряд благополучных в миграционной сфере. Трансформации в миграционных процессах, скорее всего, обусловлены современным экономическим кризисом в стране, что способствовало усилению обратной миграции в республику при одновременном снижении числа выезжающих.

Достижения последних лет в демографическом развитии указывают на определённые возможности воздействия на демографическую ситуацию мерами государственной политики и подсказывают направления её дальнейшего развития и совершенствования. Тенденции демографического развития региона определяются, прежде всего, прогнозами численности населения. Такие прогнозы готовит Федеральная служба государственной статистики, по которым в Республике Дагестан ожидается устойчивый рост численности населения до 2031 г. Однако сложившийся в настоящее время темп роста в 0,7% в год снизится к концу периода до 0,2%. Ожидается увеличение общей численности населения к 2031 г. до 3175,3 тыс. человек, что составит 106% от значения данного показателя за 2015 г.

Расчёты предположительной динамики естественного прироста демонстрируют негативные последствия снижения рождаемости в Республике Дагестан. В самые ближайшие годы ожидается падение естественного прироста (рис. 6). Если в 2012–2013 гг. данный показатель достигал значения 40 тыс. человек, то в 2021 г. он может составить около 30 тыс., а к 2031 г., вообще, скатится до значения 25 тыс. человек. Вместе с тем сохранится и высокая миграционная убыль населения. Оба процесса, вместе взятые, обуславливают низкие темпы воспроизводства населения республики.

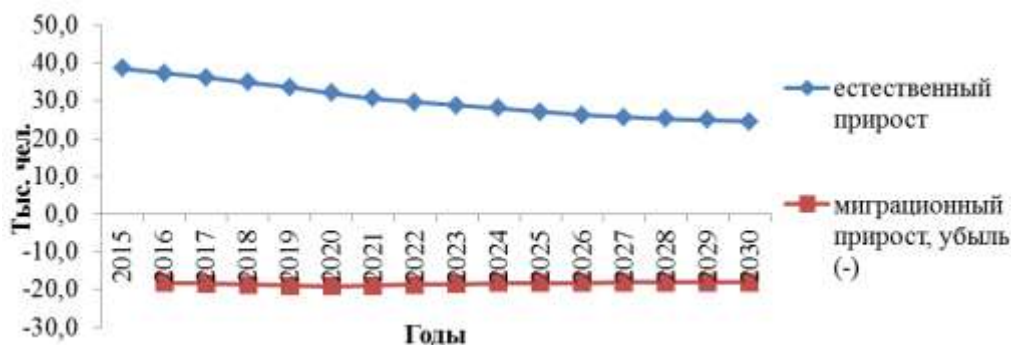

Рис. 6. Прогноз основных компонентов демографического роста Республики Дагестан, тыс. чел.

Важнейшим интегральным демографическим показателем, характеризующим уровень смертности населения, является ожидаемая продолжительность жизни [6]. В настоящее время в Дагестане значение данного показателя одно из высочайших в стране и доходит до уровня европейских стран. Расчёт показывает, что и в будущем рост продолжится и уже к 2018 г. достигнет значения 77 лет для всего населения, а к концу анализируемого периода ожидаемая продолжительность жизни в республике составит 77,9 лет.

Другой составляющей естественного движения населения выступает рождаемость. Прогноз показывает, что в динамике суммарного коэффициента рождаемости существенных изменений не ожидается. В Республике Дагестан возможен устойчивый незначительный рост до 2025 г. В таком случае можно утверждать, что и уровень рождаемости не является детерминантом сокращения естественного прироста. Значит, замедление естественного движения населения связано с уменьшением абсолютных показателей рождаемости из-за уменьшения доли населения репродуктивного возраста в демографической структуре в силу увеличения доли старших возрастов. Вместе с тем должна вырасти и демографическая нагрузка на трудоспособное население, что также выражает негативные явления в социальной сфере.

Определённые социально-демографические проблемы связаны с прогнозными оценками трудоспособного населения и уровня безработицы в регионах [16]. Дагестан относится к регионам, в которых отмечается тенденция к снижению численности трудоспособного населения. В республике численность трудоспособного населения в 2014 г. составляла 1,83 млн чел., в то время как в 2031 г. по предположительным данным составит 1,75 млн, то есть спад произойдёт на уровне 77,7 тыс. человек. Доля трудоспособного населения в общей численности населения в 2014 г. составляет 61,7%, а по средним прогнозным оценкам в 2031 г. — 55,1%.

Выводы. Таким образом, с началом реализации дополнительных мер помощи семьям с детьми возобновился рост рождаемости. Ситуация с продолжительностью жизни в Республике Дагестан выглядит существенно лучше по сравнению с Российской Федерацией и с СКФО. Миграционные процессы в регионе в последние годы усилились, в миграционных потоках начали преобладать векторы, направленные за пределы региона.

Вместе с тем достигнутые в 2006–2014 гг. демографические успехи — это уже прошлое, в то время как ближайшее будущее не столь оптимистично. Угроза депопуляции может стать реальной проблемой для региона, когда демографический фактор будет выступать решающим в экономическом росте и увеличении показателя валового регионального продукта, когда несбалансированное демографическое развитие и неадекватное интересам общественного развития миграция, приводящая к опустошению горных территорий, обусловит развал ранее эффективно действовавшего хозяйства отдельных территорий республики.

Чтобы перейти от достигнутой в последние годы стабилизации демографических процессов, обеспечивающих простое воспроизводство населения, к следующей задаче — к расширенному воспроизводству, нужны новые меры. Разработка новых мер демографической политики должна вестись по ряду направлений, среди которых — усиление стимулирования рождения вторых и третьих детей, снижения возраста вступления в брак и более ранних сроков рождения первого ребёнка.

Вместе с разработкой и реализацией федеральных мер в данной сфере должны активизироваться и республиканские органы власти. Направлениями активизации региональной деятельности в демографической сфере могут быть введение специальных пособий при рождении третьего и последующих детей в размере прожиточного минимума ребёнка в семьях, введение регионального материнского капитала.

Демографическая политика вместе с политикой в социальной сфере должна быть направлена на достижение оптимальных значений показателей воспроизводства населения за счёт улучшения качества жизни, обеспечиваемого в частности в сфере здравоохранения и экологической безопасности, проведения продуманной политики в области народонаселения, а также развития профессиональных качеств рабочей силы через совершенствование системы профессионального образования, переподготовки и повышения квалификации.

Литература

1. Абдулаева, З. З., Хаджалова, Х. М. Проблемы и направления развития малого предпринимательства в Республике Дагестан // Экономика и предпринимательство. 2014. № 10. С. 924–927.
2. Абдулманапов, П. Г. Динамика и тенденции рождаемости в Республике Дагестан // Фундаментальные исследования. 2015. № 5–3. С. 577–582.
3. Абдулманапов, П. Г. Причины смерти и приоритеты политики снижения смертности в регионе // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2. С. 298–307.
4. Абдулманапов, П. Г. Дифференциация показателей рождаемости по городам и районам Республики Дагестан // Фундаментальные исследования. 2015. № 6–2. С. 320–325.
5. Абдулманапов, П. Г., Абасова, Х. У. Особенности демографической политики в Республике Дагестан // Вопросы структуризации экономики. 2009. № 4. С. 20–22.
6. Абдулманапов, П. Г. Влияние миграции на демографическую структуру в регионах СКФО // Успехи современного естествознания. 2016. № 3–0. С. 108–112.
7. Абидов, М. Х., Абдулманапов, П. Г. Современная миграционная картина Республики Дагестан // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2. С. 259–268.
8. Багомедов, М.А. К вопросу об особенностях специализации сел на региональном рынке Дагестана // Региональные проблемы преобразования экономики. 2008. № 3. С. 152–157.
9. Гичиев, Н. С. Стратегические направления внешнеэкономической интеграции приграничного региона в условиях глобализации мировой экономики // Региональные проблемы преобразования экономики. 2010. № 4. С. 89–95.
10. Демографический ежегодник Дагестана. — Махачкала : Дагестанстат РД, 2015.
11. Демографический ежегодник России. 2015 : стат. сб. / Росстат. — М, 2015.
12. Кутаев, Ш. К. Фактор занятости в развитии экономики депрессивного региона. — Махачкала : Наука плюс. 2005.
13. Римашевская, Н. М. Гендерные стереотипы в меняющемся обществе : опыт комплексного социального исследования ; ред.-сост. Н. М. Римашевская ; науч. ред. Л.Г. Луныкова // Ин-т соц.-экон. проблем народонаселения РАН; Науч. совет по проблемам гендерных отношений РАН. — М. : Наука, 2009.
14. Сагидов, А. К. Институциональные меры совершенствования системы здравоохранения регионов СКФО // Апробация. 2014. № 7. С. 89–91.
15. Хаджалова, Х. М. Институциональные основы регулирования качества жизни в регионах // Региональные проблемы преобразования экономики. 2013. № 4(38). С. 290–299.
16. Хаджалова, Х. М. Социально-экономическая безопасность и угрозы социальной стабильности в регионе // Национальные интересы : приоритеты и безопасность. 2010. № 2. С. 58–62.
17. Ченнелл, Дж. Корпус-анализ оценочной лексики: авторская позиция и строительство дискурса. — Oxford : Oxford University Press, 2000. P. 38–55.
18. Гичиев, Р. С. Внешняя торговля и экономический рост : региональный прогноз // 2-я международная конференция по евразийскому научному развитию. 2014. С. 357–368.
19. Мэсси М. Д. И др. Теории международной миграции : обзор и оценка // Население и обзор развития. 1993. Вып. 19(3).
20. Рэйнис, Г., Фей, Дж. С. Х. Теория экономического развития // Американское экономическое обозрение. Вып. 51.
21. Рязанцев, С. Миграция из России в Австралию и организация русского сообщества // Справочник ANU-центра европейских исследований. 2013. Вып. 4. № 5. — URL : <http://ces.anu.edu.au/research/publications>.
22. Шамилоглу, У. Мусульмане в России : рост влияния ислама в странах Азии и Центральной Азии. — Филадельфия : Mason Crest Publishers, 2006.

References:

1. Abdulaeva, Z. Z., Khadzhalova, Kh. M. Economy and entrepreneurship. 2014. No.10. P. 924–927.
2. Abdulmanapov, P. G. Fundamental research. 2015. No. 5–3. P. 577–582. — URL : www.rae.ru/fs/?section=content&op=show_article&article_id=10007571 (дата обращения: 16.07.2015).
3. Abdulmanapov, P. G. Modern problems of science and education. 2015. No. 2. — URL : <http://www.science-education.ru/122-20574> (дата обращения: 15.07.2015).
4. Abdulmanapov, P. G. Fundamental research. 2015. No. 6–2. P. 320–325.

5. Abdulmanapov, P. G., Abasova, Kh. U. *Questions of structurization of economy*, 2009. No. 4. P. 20–22.
6. Abdulmanapov, P. G. *Advances in current natural sciences*. 2016. No. 3–0. P. 108–112.
7. Abidov, M. Kh., Abdulmanapov, P. G. *Modern problems of science and education*. 2015. No. 2. P. 259–268.
8. Bagomedov, M. A. *Regional problems of transforming the economy*. 2008. No. 3. P. 152–157.
9. Gichiev, N. S. *Regional problems of transforming the economy*. 2010. No. 4. P. 89–95.
10. *The Demographic Yearbook of Dagestan*. — Makhachkala : Dagestanstat RD, 2015.
11. *The Demographic Yearbook of Russia. 2014 Statistical Handbook*. — Moscow : Rosstat, 2015.
12. Kutaev, Sh. K. *Factor of employment in development of economy of a depressed region*. — Makhachkala : Publishing house «Nauka plyus», 2005.
13. Rimashevskaya, N. M., Ballaeva, E. A., Zdravomyslova, O. M., Arutyunyan, M. Yu., Baskakova, M. E., Khotkina, Z. A., Khadzhalova, Kh. M., Mezentseva, E. B., Malysheva, M. M., Nazarova, I. B., Dobrokhleb, V. G., Lunyakova, L. G. *Gender stereotypes in the changing society: experience of the complex social research*. — Moscow : Nauka, 2009.
14. Sagidov, A. K. *Approbation*. 2014. No. 7. P. 89–91.
15. Khadzhalova, Kh. M. *Regional problems of transforming the economy*. 2013. No. 4. P. 290–299.
16. Khadzhalova, Kh. M. *National interests : priorities and security*. 2010. No 2. P. 58–62.
17. Channell, J., *Corpus-Based Analysis of Evaluative Lexis. Authorial Stance and the Construction of Discourse*. — Oxford : Oxford University Press, 2000. P. 38–55.
18. Gichiev, N. S. *Foreign trade and economic growth : regional projection // The Second International Conference on Eurasian scientific development Proceedings of the Conference*. 2014. P. 357–368.
19. Massey, M. D. et al. *Theories of International Migration : A Review and Appraisal // Population and development review*. 1993. Vol. 19(3).
20. Ranis, G., Fei, J.C.H. *A Theory of Economic Development // American Economic Review*. Vol. 51.
21. Ryazantsev, S. *Migration from Russia to Australia and formation of a Russian Community // ANU Centre for European Studies Briefing Paper Series*. Vol. 4. No 5. — URL : <http://ces.anu.edu.au/research/publications>.
22. Schamiloglu, U. *Muslims in Russia, the Growth and Influence of Islam in the Nations of Asia and Central Asia*. — Philadelphia : Mason Crest Publishers, 2006.

МАТЕМАТИЧЕСКИЕ И ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЕ МЕТОДЫ ЭКОНОМИКИ

УДК: 330.43

ПРОКОПЬЕВ МИХАИЛ ГРИГОРЬЕВИЧ

д.э.н., главный научный сотрудник ФГБУН «Институт проблем рынка» РАН,
e-mail: mgprokopyev@yandex.ru

КАЛИБРОВКА ЭЛАСТИЧНОСТЕЙ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И ПРАКТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ¹

Цель работы. В исследовании рассматриваются различные аспекты задач проверки, корректировки и восстановления необходимой информации, в частности эластичностей спроса и предложения, исходя из базовых предпосылок экономической теории. **Метод.** В этих целях, исходя из условий Слуцкого (аддитивности, гомогенности и симметрии полных систем спроса и предложения), используется метод калибровки эластичностей. Метод калибровки представлен как процесс адаптации имеющихся предварительных (экспертных) оценок эластичностей теоретическим требованиям. Новая система эластичностей рассчитывается путем сведения к минимуму взвешенного квадратичного отклонения двух систем эластичностей (исходной и новой) при соблюдении ряда ограничений, в качестве которых рассматриваются условия Слуцкого. **Результаты работы.** Изложены подходы, возможности и недостатки использования метода калибровки эластичностей в прикладных экономических исследованиях. **Область применения результатов.** Особую роль калибровка эластичностей играет при разработке информационной базы в многорегиональных и многопродуктовых моделях как частичного, так и общего равновесия. Исходные наборы эластичностей по каждой стране, как правило, являются неполными и разного уровня агрегирования. Нередко их оценка проводилась исходя из различных теоретических предпосылок на базе информации за несопоставимые годы. На практике данные эластичности должны быть проверены и скорректированы, а иногда и восстановлены, исходя из основных теоретических требований, которые предъявляются к модели. Проблема калибровки эластичностей также возникает при необходимости агрегирования (деагрегирования) номенклатуры товарных групп, принятой в модели. **Выводы.** Метод калибровки не может заменить необходимость эконометрической оценки эластичностей. Тем не менее он во многих приложениях является необходимым, а иногда и единственно возможным инструментом оценки эластичностей. Особенно если речь о моделях внешней торговли, которые включают модули по отдельным странам. Исследование позволяет на конкретных примерах ознакомиться с техникой калибровки эластичностей спроса и предложения.

Ключевые слова: калибровка эластичностей, полные системы спроса.

PROKOPIEV MIKHAIL GRIGORIEVICH
Doctor of Economic Sciences, Head Research Associate of FSBIS "Institute of Market Problems"
of the RAS, e-mail: mgprokopyev@yandex.ru

CALIBRATION OF ELASTICITIES: THEORETICAL PREDISPOSITIONS AND PRACTICAL IMPLEMENTATION

The goal of the paper. The study discusses different aspects of tasks of testing, correcting and restoring the necessary information, in particular, of elasticities of supply and demand, based on the basic prerequisites of the economic theory. *The methods of performing work.* In order to achieve this, based on the conditions of Slutsky (addition, homogeneity and symmetry of full systems of supply and demand) we are using the method of calibrating elasticities. The method of calibrating is manifested as a process of adaptation of the existing preliminary (expert) evalua-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 14-02-00205а «Количественные методы анализа влияния экономической политики на продовольственный рынок России».

tions of elasticities to the theoretical requirements. A new system of elasticities is calculated through minimizing the weighted squared deviation of two systems of elasticities (the initial and *the new ones*) when following a number of limitations that Slutsky's conditions are based on. *The results of work.* We have described the approaches, possibilities and drawbacks of using the method of calibrating elasticities in applied economic studies. *The area of application of the results.* There is a special role that calibration of elasticities plays in developing the information foundation in multi-regional and multi-product models of both partial, and general balance. The initial sets of elasticities in each country are usually not complete, and have different levels of aggregation. Their evaluation has often been performed based on different theoretical prerequisites based on the information for non-comparable years. In practice, these elasticities had to have been checked and corrected, and sometimes also restored based on the main theoretical requirements that are set forward for the model. The problem of calibration of elasticities also appears when it is necessary to aggregate (disaggregate) the classification of product groups that has been accepted in the model. *Conclusions.* The method of calibration cannot substitute the need for an econometric evaluation of elasticities. Still, in many applications, it is necessary, and sometimes it is the only possible available tool of evaluation of elasticities. Especially when we are discussing the models of foreign trade that include modules for different countries. The study allows to learn about the technique of calibration of elasticities of supply and demand using specific examples. *Keywords:* calibration of elasticities, complete systems of demand.

Введение. Эконометрическое оценивание систем спроса и предложения предполагает наличие соответствующих стационарных рядов за достаточно продолжительный период времени либо репрезентативных данных бюджетных обследований домашних хозяйств. При этом чем больше система эластичностей удовлетворяет теоретическим требованиям, тем большее количество параметров подлежит оценке. Отечественная статистика в полной мере такой информацией не обладает. Последнее приводит к необходимости использовать при разработке многопродуктовых, многорегиональных моделей имеющиеся отдельные, часто агрегированные, оценки эластичностей как отечественных, так и зарубежных авторов. Во многих случаях такие «разрозненные» показатели могут быть адаптированы для конкретных приложений. Соответствующий метод «подгонки» эластичностей получил название «калибровка».

Калибровка эластичностей является вынужденной мерой и не может служить альтернативой их непосредственной эконометрической оценке. Данный подход применим в условиях недостатка информации, если нашей целью является адаптация и восстановление эластичностей исходя из данных, полученных из разных источников. Особую роль калибровка эластичностей играет в многострановых, многопродуктовых моделях как частичного, так и общего равновесия. Исходные наборы эластичностей по каждой стране, как правило, являются не полными и разного уровня агрегирования. Нередко их оценка проводилась исходя из различных теоретических предпосылок на базе информации за несопоставимые годы. На практике данные эластичности должны быть проверены и скорректированы, а иногда и восстановлены исходя из основных теоретических требований, которые предъявляются к модели.

В широком смысле под калибровкой понимают не только процесс адаптации эластичностей, но и настройки параметров модели для последующих экспериментов исходя их условий исходного равновесия.

Методы исследования. Можно выделить три основных подхода к определению функций спроса и эконометрическому оцениванию их параметров. Первый из них основан на непосредственной спецификации явно заданных функций безотносительно к проблеме максимизации полезности репрезентативного потребителя. Во втором — функции спроса являются производными от конкретно определенных функций предпочтения, то есть прямых или косвенных функций полезности или функции издержек. И, наконец, третий подход предполагает, что уравнения спроса задаются эластичными (гибкими) функциональными формами, которые аппроксимируют неизвестные функции предпочтений. Примером функции спроса, которые формулируется безотносительно к функции предпочтений, может служить дважды логарифмическая ($\ln\text{--}\ln$) спецификация:

$$\ln Q_i = \alpha_i + \eta_i \ln I + \sum_{j=1}^n \varepsilon_{ij} \ln p_j, \quad (i=1,2,\dots,n), \quad (1)$$

где Q_i — объем спроса на товар i -го вида, η_i — эластичность спроса по доходу на i товар, ε_{ij} — эластичность спроса на товар i относительно изменений цены товара j , p_j — цена j -

го товара, I — доход (совокупные расходы), α_i — параметр уравнения. На базе данной функции построены различные модификации одной из старейших — так называемой Роттердамской системы спроса.

Второй подход к эмпирическому анализу спроса сводится к спецификации уравнений спроса на базе конкретно определенных функций предпочтения. Одной из наиболее популярных форм систем спроса, которая используется для оценки эластичностей, является Система линейных расходов (*LES*)² [17]. Соответствующие функции спроса *LES* приводятся в (2):

$$Q_i = b_i + \frac{\alpha_i}{p_i} (I - \sum_{j=1}^n b_j p_j), \quad 0 < \alpha_i < 1, \quad (Q_i - b_i) > 0, \quad \sum_{i=1}^n \alpha_i = 1, \quad (i=1,2,\dots,n), \quad (2)$$

где α_i — предельная бюджетная доля³, b_i — обычно трактуют как первое приближение уровня расходов на товар i (объем потребления i -го товара, необходимый для «существования»).

Классическим примером третьего подхода является *AIDS*⁴. Данная система спроса [5], [14], [15] вследствие своей эластичной формы и желательных теоретических свойств получила широкое распространение в эмпирических исследованиях. Соответствующие функции спроса *AIDS* в терминах бюджетных долей приводятся в (4):

$$w_i = \alpha_i + \sum_j \gamma_{ij} \ln p_j + \beta_i \ln(I/P), \quad \sum_{i=1}^n \alpha_i = 1, \quad \sum_{i=1}^n \gamma_{ij} = 0, \quad \sum_{i=1}^n \beta_i = 0, \quad \gamma_{ij} = \gamma_{ji}, \quad \sum_{j=1}^n \gamma_{ij} = 0, \quad (4)$$

где α_i , γ_{ij} и β_{ij} — параметры *AIDS*, подлежащие эконометрической оценке, w_i — средняя бюджетная доля (доля i -го товара в совокупных расходах), P — индекс цен, который в эмпирических исследованиях, как правило, задается индексом Стоуна⁵:

Оценка эластичностей — это практически самостоятельное исследование, сравнимое по сложности с созданием конкретных прикладных моделей [1], [2], [3]. При этом их значимость во многом зависит от того, насколько система эластичностей удовлетворяет теоретическим предпосылкам, которые следуют из теории спроса и рассматриваются ниже. В эмпирических приложениях функции спроса различного уровня агрегирования оцениваются как для полных, так и частичных (неполных) бюджетов. Полная система спроса состоит из набора функций

² В основе *LES* лежит функция полезности Stone-Gearly:

$$U(Q) = \sum_{i=1}^n \alpha_i \log(Q_i - b_i), \quad \alpha_i > 0, \quad (Q_i - b_i) > 0, \quad \sum_{i=1}^n \alpha_i = 1. \quad (3)$$

³ В *LES* предельные бюджетные доли являются постоянными, а именно:

$$\alpha_i = p_i \frac{\partial Q_i}{\partial I} = const. \quad (5)$$

⁴ *AIDS* (Almost Ideal Demand System) — «Практически Совершенная Система Спроса». Наряду с *AIDS* следует отметить и другие системы спроса, производные от эластичных (гибких) функциональных форм, аппроксимирующих неизвестные прямые или косвенные функции полезности либо функции издержек. В частности, Indirect Translog System и Direct Translog System [4], Normalized Quadratic Demand System [7] и другие.

⁵ Применение (4) индекса Стоуна приводит к линейной аппроксимации *AIDS* — LA/*AIDS*.

спроса для товаров или товарных групп, описывающих распределение полного бюджета в целом между ними. Полные системы спроса, согласующиеся с экономической теорией, должны удовлетворять теоретическим требованиям, включая свойства: аддитивности, гомогенности и симметрии, а также следовать закону спроса. Последние два свойства (симметрия и закон спроса) могут быть обобщены и получили название «условие неотрицательности». Данные свойства являются критериями теоретической пригодности конкретной функции спроса для моделирования потребительских предпочтений. Эти системные необходимые условия непосредственно связаны с теоретическими предпосылками, положенными в основу функции полезности. Формально они вытекают из основных свойств частных производных функций полезности по ценам и доходу.

Аддитивность (суммируемость). Аддитивность является результатом предположения, что рациональный потребитель, осуществляя свой выбор среди n товаров и максимизируя свою полезность, полностью расходует свой бюджет (или сумма расходов потребителя на все товары равняется его доходу):

$$\sum_{i=1}^n p_i h_i(p, v) = \sum_{i=1}^n p_i Q_i(p, I) = I, \quad (6)$$

где $h_i(p, v)$ — функция спроса по Хиксу, $Q_i(p, I)$ — функция спроса по Маршаллу, p — вектор цен. Из данного выражения следует, что сумма объемов спроса на соответствующие товары, обусловленные уровнем их относительных цен, равняется имеющемуся в распоряжении потребителя бюджету, т. е. полным расходам.

Условие аддитивности можно переписать в форме, получившей название агрегации Энгеля, дифференцируя обе части (6) относительно расходов I и используя определение эластичности спроса по доходу — η_i :

$$\sum_{i=1}^n w_i \eta_i = 1 \quad (7)$$

Или словами: сумма взвешенных в соответствии со средней бюджетной долей эластичностей по доходу равняется 1.

Гомогенность (однородность). Функции спроса по Хиксу гомогенны в степени ноль относительно цен⁶. В свою очередь функции спроса по Маршаллу гомогенны в степени ноль относительно цен и дохода. Другими словами, пропорциональное изменение всех цен и дохода не приводят к изменению объемов спроса или уровню полезности. Формально это значит, что для заданного $\lambda = const$, справедливо (8):

$$h(\lambda \cdot p, v) = h(p, v) \text{ и } Q(\lambda \cdot p, \lambda \cdot I) = Q(p, I). \quad (8)$$

Данное свойство часто трактуют как «отсутствие денежных иллюзий (absence of money illusion)⁷». Формально полученный результат является следствием линейной спецификации бюджетного ограничения. Для функций спроса по Маршаллу условие гомогенности, используя

⁶ Функция $y = f(x_1, x_2, \dots, x_n)$ является гомогенной в степени k , если для произвольного $\lambda = const (\lambda > 0)$ справедливо:

$f(\lambda x_1, \lambda x_2, \dots, \lambda x_n) = \lambda^k f(x_1, x_2, \dots, x_n)$. Функция $y = f(x_1, x_2, \dots, x_n)$ называется линейно гомогенной, если $k=1$. Заметим, что первая производная линейно гомогенной функции $y = f(x_1, x_2, \dots, x_n)$ является гомогенной в степени ноль, или:

$f(\lambda x_1, \lambda x_2, \dots, \lambda x_n) = f(x_1, x_2, \dots, x_n)$

⁷ В широком смысле: потребитель «свободен от денежной иллюзии», если его функция избыточного спроса не меняется при равно пропорциональном изменении всех денежных цен, его реального дохода, а также и первоначального запаса денег. Хорошей иллюстрацией данного свойства служит деноминация денег в 90-х годах в РФ.

теорему Эйлера, может быть представлено в форме соответствующих эластичностей:

$$\sum_{j=1}^n \varepsilon_{ij} + \eta_i = 0 \quad (9)$$

Или сумма некомпенсированных эластичностей по цене и эластичности по доходу равняется нулю.

Закон спроса. Коэффициенты реакции спроса на изменение собственной цены (геометрически — тангенсы угла наклона кривых компенсированного спроса) и компенсированная эластичность по собственной цене ($\varepsilon_{ii}^{\bullet}$) неположительны:

$$\frac{\partial h_i}{\partial p_i} \Big|_{\bar{u}} \leq 0 \quad \text{и} \quad \varepsilon_{ii}^{\bullet} \leq 0 \quad (10)$$

Симметрия. Компенсированные перекрестные коэффициенты влияния цен являются симметричными⁸:

$$\frac{\partial h_i}{\partial p_j} \Big|_{\bar{u}} = \frac{\partial h_j}{\partial p_i} \Big|_{\bar{u}} \quad \text{или} \quad w_i \varepsilon_{ij}^{\bullet} = w_j \varepsilon_{ji}^{\bullet} \quad (11)$$

Следует отметить, что условия (6)–(11) сформулированы независимо от конкретного вида функции полезности. Теоретически они должны выполняться для всех непротиворечивых полных систем спроса. В этом смысле данные свойства являются общими и часто называются условиями Слуцкого. На практике они далеко не всегда поддерживаются реальными данными и должны тестироваться в эмпирических исследованиях.

Можно ввести понятие локально полной системы спроса, если бюджет, выделяемый на товары определенной товарной группы, фиксирован и полностью расходуется потребителем⁹. Фактически предположение о локально полных системах спроса лежит в основе моделей частичного равновесия продовольственного рынка. В этих моделях расходы на продовольствие фиксированы, а также неявно присутствует предположение о сепарабельности предпочтений потребителя между продовольствием и другими товарными группами. В ряде известных многопродуктовых моделей, в которых функции спроса оцениваются эконометрическими методами для неполных бюджетов, в отношении отдельных товарных групп допускаются теоретические предпосылки, свойственные полным системам спроса. В частности, для мяса и мясопродуктов, а также молока и молокопродуктов и некоторых других.

Результаты. Вышеперечисленные необходимые теоретические предпосылки могут быть использованы в целях калибровки соответствующих эластичностей¹⁰. Так, принимая во внимание условия Слуцкого, такие как аддитивность, гомогенность и симметрия, и используя метод наименьших квадратов, из исходной системы эластичностей, включающей имеющиеся

данные и экспертные оценки специалистов — (ε_{ij}^0 , η_i^0), формируется новая система — (ε_{ij} , η_i).

Новая система эластичностей рассчитывается путем сведения к минимуму взвешенного квадратичного отклонения двух систем эластичностей (исходной и новой) при соблюдении ряда ограничений, в качестве которых рассматриваются условия Слуцкого¹¹. Такую процедуру можно представить как процесс адаптации имеющихся предварительных (экспертных) оценок эластичностей теоретическим требованиям. К указанным ограничениям, которые накладываются на эластичности, следует также добавить ряд естественных предпосылок, ко-

⁸ Следует отметить, что сами по себе перекрестные компенсированные эластичности не являются симметричными.
⁹ Практически это значит, что совокупность товаров данной группы должна в том числе включать «прочие» товары.
¹⁰ Метод калибровки применим как для полных, так и локально полных систем спроса.
¹¹ Данный подход реализован в рамках системы моделей RATICIM [8] и ее последующих версий EPACIS [9].

торые непосредственно не вытекают из самой теории потребительского спроса. Например, целесообразно предусмотреть, чтобы товары, у которых есть близкие заменители, имели бы и сравнительно высокие эластичности по ценам, тогда как другие, не имеющие близких заместителей, обладали бы более низкими эластичностями. Такого рода допущения можно учесть в рамках количественных ограничений на искомые эластичности. Формальная запись данной задачи приводится ниже:

$$\text{Min } F(\varepsilon_{ij}, \eta_i) \tag{12}$$

где
$$F(\varepsilon_{ij}, \eta_i) = \sum_{i,j} \gamma_{ij}^p (\varepsilon_{ij} - \varepsilon_{ij}^0)^2 + \sum_i \gamma_i^l (\eta_i - \eta_i^0)^2 \tag{13}$$

или
$$F(\varepsilon_{ij}, \eta_i) = \sum_{i,j} \gamma_{ij}^p \frac{(\varepsilon_{ij} - \varepsilon_{ij}^0)^2}{(\varepsilon_{ij}^0)^2} + \sum_i \gamma_i^l \frac{(\eta_i - \eta_i^0)^2}{(\eta_i^0)^2} \tag{14}$$

при следующих условиях:

(а) аддитивности (суммируемости):

$$\sum_i \eta_i \cdot \frac{p_i^0 \cdot Q_i^0}{\sum_i p_i^0 \cdot Q_i^0} = 1 \tag{15}$$

(b) гомогенности (однородности):

$$\sum_j \varepsilon_{ij} + \eta_i = 0 \tag{16}$$

(с) симметрии¹³:

$$\varepsilon_{ij} = \varepsilon_{ji} \cdot \frac{Q_j^0}{p_i^0} \cdot \frac{p_j^0}{Q_i^0} + (\eta_j - \eta_i) \frac{p_j^0 Q_j^0}{\sum_i p_i^0 Q_i^0} \tag{17}$$

(d) предельных значений для ценовых эластичностей:

$$\varepsilon_{ij}^0 (1 - \beta_{ij}^p) \leq \varepsilon_{ij} \leq \varepsilon_{ij}^0 (1 + \beta_{ij}^p) \tag{18}$$

(e) предельных значений для эластичностей по доходу:

$$\eta_i^0 (1 - \beta_i^l) \leq \eta_i \leq \eta_i^0 (1 + \beta_i^l) \tag{19}$$

где $p_i^0(p_j^0)$ — цена потребителя на $i(j)$ товар в базовом году, $Q_i^0(Q_j^0)$ — объем потребления $i(j)$ товара в базовом году, параметры $\beta_i^l, \beta_{ij}^p, \gamma_i^l, \gamma_{ij}^p$ — непосредственно не следуют из самой теории спроса, а служат целям увеличения правдоподобности калиброванной си-

¹³Настоящая формулировка условий симметрии непосредственно следует из (11) и уравнения Слуцкого (20):

$$\varepsilon_{ij} = \varepsilon_{ij}^* - w_j \cdot \eta_i \tag{20}$$

системы спроса и задаются экзогенно, ε_{ij}^0 и η_i^0 — исходные (первоначальные) ценовые эластичности спроса и эластичности по доходу, ε_{ij} и η_i — искомые ценовые эластичности спроса и эластичности по доходу.

Данный подход может быть реализован, когда исходная функция полезности остается неизвестной или функции спроса формулируется безотносительно к функциям предпочтений, а в качестве значений ряда эластичностей рассматриваются их экспертные оценки. Основная задача калибровки такого рода эклектической системы спроса сводится к приданию ей правдоподобности.

В том случае если изначально известна конкретная система спроса, положенная в основу оценки эластичностей, основной задачей является их проверка на соответствие основным необходимым предпосылкам экономической теории спроса и, если необходимо, соответствующая корректировка. Такая проблема, как уже отмечалось выше, часто возникает при разработке многорегиональных моделей, когда информация поступает из различных источников (стран), оценки получены на основе информационных массивов за разные годы, необходима агрегация (деагрегация) исходных данных в рамках единой классификации.

Рассмотрим проблему на примере уже упомянутой LES. Ограничения, которые накладываются на параметры в (2), обеспечивают выполнение свойств, необходимых для непротиворечивой и полной системы спроса. Тогда процедуру калибровки можно сформулировать как решение оптимизационной задачи:

$$\begin{aligned} & \min F(\varepsilon_{ij}, \eta_i) \\ & \text{при следующем условии}^{14}: \\ & p_i Q_i^0 = p_i b_i + \alpha_i \left(I - \sum_{j=1}^n b_j p_j^0 \right), \quad i = (1, 2, \dots, n-1) \end{aligned} \quad (21)$$

А также ограничениях, которые в неявном виде отражают свойство аддитивности и гарантируют выполнение закона спроса, а именно:

свойство аддитивности:

$$\sum_{i=1}^n \alpha_i = 1; \quad (22)$$

закон спроса¹⁵:

$$0 < \alpha_i < 1. \quad (23)$$

Условие (21) в том числе гарантирует выполнение свойства гомогенности в степени ноль, так как исходная функция полезности (3) является гомогенной в степени один. Условие симметрии также следует из (21). Как и в предыдущем примере, формулировка задачи включает дополнительные ограничения: (18) и (19). Переменными задачами являются искомые параметры LES:

α_i — предельная бюджетная доля, b_i — «объемы потребления, необходимые "для

¹⁴ Условие (21) отражает характерную черту данной системы, давшей ей название — LES (Система линейных расходов): расходы на потребление i -го товара являются линейной функцией цен и дохода.

¹⁵ Компенсированная эластичность спроса по собственной цене:

$$\varepsilon_{ii}^* \equiv \frac{\partial x_i}{\partial p_i} \cdot \frac{p_i}{x_i} \Big|_{u=const} = - \frac{\alpha_i (1 - \alpha_i) \left(I - \sum_{j=1}^n p_j b_j \right)}{p_i \cdot x_i} \leq 0. \quad (27)$$

существования"». С помощью (24)–(26) приходим к искомым ценовым эластичностям и эластичностям по доходу: соответственно ε_{ij} и η_i .

По аналогии, если исходной системой спроса является *AIDS* (4), ограничения, которые накладываются на параметры данной системы, позволяют сформировать задачу калибровки эластичностей и могут служить целям их проверки, восстановления и корректировки¹⁶. В частности, группа условий (28) в неявном виде отвечает требованию аддитивности:

$$\sum_{i=1}^n \alpha_i = 1, \quad \sum_i \gamma_{ij} = 0, \quad \sum_{i=1}^n \beta_i = 0. \quad (28)$$

Соответственно (29) — условию симметрии:

$$\gamma_{ij} = \gamma_{ji}. \quad (29)$$

$$\sum_{j=1}^n \gamma_{ij} = 0. \quad (30)$$

Условие гомогенности выполняется, если

Если в (4) бюджетные доли являются экзогенными, *AIDS* может быть использован для определения неизвестных параметров. Рассмотрим технику калибровки параметров *AIDS* и соответствующих эластичностей на следующем примере. Допустим, предложение некоего товара на внутреннем рынке определяется двумя источниками поступления: отечественное производство и импорт. Также предположим, что репрезентативный потребитель имеет возможность принятия решений относительно выбора между отечественной и импортной про-

дукциями¹⁷. Из литературных источников известна эластичность по доходу на импорт — η_2 . Необходимо восстановить функции спроса *AIDS* в терминах бюджетных долей и соответствующие эластичности спроса по цене, а также эластичность по доходу на отечественную продукцию.

Пусть w_1 и w_2 — бюджетные доли (доли отечественной и импортной составляющих в совокупных расходах на данный товар)¹⁸. Тогда условия (28, 29, 30) можно переписать в следующем виде:

$$w_1 = \alpha_1 + \gamma_{11} \ln p_1 + \gamma_{12} \ln p_2 + \beta_1 \ln(I/P),$$

$$w_2 = \alpha_2 + \gamma_{21} \ln p_1 + \gamma_{22} \ln p_2 + \beta_2 \ln(I/P),$$

$$\alpha_1 + \alpha_2 = 1,$$

¹⁶ Эластичности в *AIDS* определяются исходя из следующих выражений:

эластичность по доходу:

$$\eta_i = 1 + (\beta_i / w_i), \quad (31)$$

некомпенсированная эластичность спроса по собственной цене:

$$\varepsilon_{ii} = -1 + (\gamma_{ii} / w_i) - \beta_i, \quad (32)$$

некомпенсированная перекрестная эластичность спроса:

$$\varepsilon_{ij} = \gamma_{ij} / w_i - \beta_i w_j / w_i \quad i \neq j. \quad (33)$$

¹⁷ Данные предпосылки отвечают условиям так называемой модели несовершенного замещения.

¹⁸ Сумма бюджетных долей равна 1.

$$\beta_1 + \beta_2 = 0, \tag{34}$$

$$\gamma_{12} = \gamma_{21},$$

$$\gamma_{11} + \gamma_{12} = 0,$$

$$\gamma_{21} + \gamma_{22} = 0,$$

где α_i , γ_{ij} и β_i — параметры *AIDS*, подлежащие калибровке ($i = 1, 2; j = 1, 2$). Совокупные расходы — I , индекс цен Стоуна — P , w_1 и w_2 , а также уровни соответствующих цен — P_1 и P_2 задаются условиями базисного года.

Таким образом, восемью переменным — искомым параметрам *AIDS* противопоставляются 7 независимых уравнений. Если известен (задан экзогенно) один из параметров *AIDS*, остальные неизвестные могут быть восстановлены из решения данной системы. Например, таким параметром может быть β_2 , который определяется из (31) и условий задачи. Решив систему уравнений (34), можно определить (восстановить) все параметры *AIDS*, а затем исходя из (31–33) и соответствующие эластичности. Число параметров, которые должны быть заданы экзогенно, значительно возрастает, если импортная продукция на отечественном рынке дифференцируется в зависимости от страны происхождения. В этом случае для калибровки параметров *AIDS* можно использовать оптимизационную процедуру, аналогичную приведенной выше.

Задача калибровки эластичностей со стороны предложения формально подобна процедуре, рассмотренной для систем спроса. Предпосылки, которые могут быть положены в основу калибровки, вытекают из теоретических свойств функции прибыли. В частности, так как в экономической теории функция прибыли производителя принимается гомогенной в степени один, следует, что соответствующие функции предложения на продукцию и спроса на используемые ресурсы гомогенны в степени ноль. Или умножение цен на продукцию и все используемые ресурсы на постоянный фактор не меняет уровни предложения и спроса на ресурсы до тех пор, пока их относительные цены остаются неизменными. В терминах эластичностей это значит, что сумма эластичностей предложения по цене на продукцию и спроса на ресурсы по цене на ресурсы равна нулю (38).

Второй предпосылкой, которая ниже используется в процедуре калибровки, является условие симметрии. Свойство симметрии следует из симметричности матрицы перекрестных производных второго порядка функции прибыли и в терминах эластичностей приводится в (38) и (39). Тогда задача калибровки эластичностей предложения и спроса на ресурсы формально может быть сформулирована по аналогии с задачей калибровки системы эластичностей спроса, а именно:

$$\text{Min } F(\varepsilon_{ij}), \tag{35}$$

$$\text{где } F(\varepsilon_{ij}) = \sum_{i,j} \gamma_{ij}^p (\varepsilon_{ij} - \varepsilon_{ij}^0)^2 \quad \text{или} \quad F(\varepsilon_{ij}) = \sum_{i,j} \gamma_{ij}^p \frac{(\varepsilon_{ij} - \varepsilon_{ij}^0)^2}{(\varepsilon_{ij}^0)^2} \tag{36}$$

при следующих условиях:

- (а) гомогенности (однородности):

$$\sum_j \varepsilon_{ij} = 0 \tag{37}$$

(b) симметрии:

$$\varepsilon_{ij} = \varepsilon_{ji} \cdot \frac{Q_j^0}{P_i^0} \cdot \frac{P_j^0}{Q_i^0} \tag{38}$$

если как i , так и j — индексы видов продукции либо как i , так и j — индексы видов ресурсов.

Или

$$\varepsilon_{ij} = -\varepsilon_{ji} \cdot \frac{Q_j^0}{P_i^0} \cdot \frac{P_j^0}{Q_i^0} \tag{39}$$

если один из индексов i и j — индекс видов продукции, а другой — индекс видов ресурсов.

(c) предельных значений для ценовых эластичностей:

$$\varepsilon_{ij}^0 (1 - \beta_{ij}^p) \leq \varepsilon_{ij} \leq \varepsilon_{ij}^0 (1 + \beta_{ij}^p) \tag{40}$$

где $P_i^0 (P_j^0)$ — цена на соответствующую продукцию (ресурс) в базовом году, $Q_i^0 (Q_j^0)$ — объем предложения $i(j)$ продукции либо спроса на $i(j)$ ресурс в базовом году, параметры $\beta_{ij}^p, \gamma_{ij}^p$ служат целям увеличения правдоподобности калиброванной системы эластичностей со стороны предложения и задаются экзогенно, ε_{ij}^0 — исходные эластичности предложения и спроса на ресурсы, ε_{ij} — искомые эластичности предложения и спроса на ресурсы.

Если данная задача не имеет решения, то говорят, что системные условия микроэкономической теории не могут быть выполнены при заданных на основе экспертных оценок первоначальных эластичностях со стороны предложения и допустимых границах их колебаний. То же относится и к проблеме калибровки эластичностей спроса (12–20)¹⁹.

Выводы. Сам по себе метод калибровки, конечно, не может заменить необходимость эконометрической оценки эластичностей. Тем не менее во многих приложениях является необходимым, а иногда и единственно возможным инструментом исследования. Особенно если речь идет о моделях внешней торговли, которые включают модули по отдельным странам. Очевидно, что информация, которая поступает из разных источников (стран), должна проверяться на соответствие единым теоретическим предпосылкам и затем соответствующим образом корректироваться. При этом нередко существует необходимость восстановления недостающих данных. Проблема калибровки эластичностей также возникает при необходимости агрегирования (деагрегирования) номенклатуры товарных групп, принятой в модели.

¹⁹ Решение задачи достигается путем корректировки параметров $\beta_{ij}^p, \gamma_{ij}^p$ и/или некоторых значений из множества первоначальных эластичностей и последующего повторения процедуры калибровки.

Литература

1. Зюидов К. Х. Некоторые задачи идентификации эконометрических зависимостей. — М.: ВЦ АН СССР, 1999.
2. Петросянц В. З., Дохолян С. В., Калаева А. С. Эконометрическая модель прогнозирования и сценарные варианты модернизации региональной экономики // Региональные проблемы преобразования экономики. — 2008. — № 1. — С. 4–17.
3. Прокопьев М. Г. Оценка эластичностей замещения между импортной и отечественной продукцией // Региональные проблемы преобразования экономики. — 2007. — № 4. — С. 480–486.
4. Christensen L. R., Jorgenson D. W., Lau L. J. Transcendental Logarithmic Utility Functions // *American Economic Review*. 1975. No. 3(65). P. 367–383.
5. Deaton A., Muelibauer J. An Almost Ideal Demand System // *The American Economic Review*. 1980. No. 3(70). P. 312–326.
6. De Melo, Robinson S. Product Differentiation and Treatment of Foreign Trade in Computable General Equilibrium Models of Small Economies // *Journal of International Economics*. August 1990. 27:1/2. P. 489–497.
7. Diewert W. E., Wales T. J. (1988). Normalized Quadratic Systems of Consumer Demand Functions // *Journal of Business and Economics Statistics*. 1988. Vol. 6. P. 302–312.
8. Fock A., Weingarten P., Wahl O. and Prokopiev: First Results of Partial Equilibrium Analysis // In Russian's Agro-food Sector. Towards Truly Functioning Markets. Boston: Kluwer Academic Publishers, 2000.
9. Froberg K. и другие. Отчеты ТАСИС по проекту «Поддержка создания ОАР СНГ» и последующие проекты за 1997–2000 годы. ВИАПИ РАСХН. Неопубликованные материалы.
10. Haley S. Joint Products in the SWOPSIM Modeling Framework // Staff Report No. AGES881024. Washington DC: ERS USDA, 1988.
11. Handbook of mathematical economics. Volume II // Ed. by Arrow and Intriligator. Amsterdam-New York-Oxford: North-Holland Publishing Company. P. 452.
12. Hotelling H. Engeworth's taxation paradox and the nature of demand and supply functions // *Journal of Political Economy*. 1932. No. 40. P. 517–616.
13. King B. «What is SAM?» In G. Pyatt and J. I. Round, eds., *Social Accounting Matrices: A Basis for Planning* // Washington, DC: World Bank, 1985.
14. Pashardes A. Bias in the estimation of the Almost Ideal Demand System with the Stone index approximation // *Economic Journal*. 1993. No. 103. P. 908–915.
15. Pogany P. The Almost Ideal Demand System and its application in general equilibrium calculations // Working paper. No. 96-05-A. Office of Economics U.S. International Trade Commission. Washington, DC. 1996.
16. Roningen V. A Static World Policy Simulation (SWOPSIM) Modeling Framework // Staff Report No. AGES860625. Washington, DC. ERS USDA. 1986.
17. Richard S. Linear Expenditure Systems and Demand Analysis: An application to the Pattern of British Demand // *The Economic Journal*. Sep. 1954. Vol. 64. No. 255. P. 511–527.
18. Theil H. The information approach to demand analysis // *Econometrica*. 1965. No. 33. P. 67–87.
19. Theil H. Theory and measurement of consumer demand. Vol. 1. Amsterdam: North-Holland. 1975.
20. Theil H. Theory and measurement of consumer demand. Vol. 2. Amsterdam: North-Holland. 1975.

References:

1. Christensen L. R., Jorgenson, D. W., Lau, L. J. Transcendental Logarithmic Utility Functions // *American Economic Review*. 1975. No. 3(65). P. 367–383.
2. Deaton A., Muelibauer J. An Almost Ideal Demand System // *The American Economic Review*. 1980. No. 3(70). P. 312–326.
3. De Melo, Robinson S. Product Differentiation and Treatment of Foreign Trade in Computable General Equilibrium Models of Small Economies // *Journal of International Economics*. August 1990. 27:1/2. P. 489–497.
4. Diewert W. E., Wales T. J. (1988). Normalized Quadratic Systems of Consumer Demand Functions // *Journal of Business and Economics Statistics*. 1988. Vol. 6. P. 302–312.
5. Fock A., Weingarten P., Wahl O. and Prokopiev: First Results of Partial Equilibrium Analysis // In Russian's Agro-food Sector. Towards Truly Functioning Markets. Boston: Kluwer Academic Publishers, 2000.
6. Froberg K. и другие. Отчеты ТАСИС по проекту «Поддержка создания ОАР СНГ» и последующие проекты за 1997–2000 годы. ВИАПИ РАСХН. Неопубликованные материалы.
7. Haley S. Joint Products in the SWOPSIM Modeling Framework // Staff Report No. AGES881024. Washington DC: ERS USDA, 1988.
8. Handbook of mathematical economics. Volume II // Ed. by Arrow and Intriligator. Amsterdam-New York-Oxford: North-Holland Publishing Company. P. 452.
9. Hotelling H. Engeworth's taxation paradox and the nature of demand and supply functions // *Journal of Political Economy*. 1932. No. 40. P. 517–616.
10. King B. «What is SAM?» In G. Pyatt and J. I. Round eds. *Social Accounting Matrices: A Basis for Planning* // Washington, DC: World Bank, 1985.
11. Pashardes A. Bias in the estimation of the Almost Ideal Demand System with the Stone index approximation // *Economic Journal*. 1993. No. 103. P. 908–915.
12. Petrosyanis V. Z., Dokholyan S. V., Kalaev, A. S. Econometric model forecasting and scenarios of modernization of regional economy // *Regional problems of transformation of the economy*. 2008. No. 1. S. 4–17.

13. *Pogany P. The Almost Ideal Demand System and its application in general equilibrium calculations // Working paper No. 96-05-A. Office of Economics U.S. International Trade Commission. Washington, DC. 1996.*
14. *Prokopyev M. G. Estimation of elasticities of substitution between imported and domestic products // Regional problems of transformation of the economy. 2007. No. 4. P. 480–486.*
15. *Roningen V. A Static World Policy Simulation (SWOPSIM) Modeling Framework // Staff Report No. AGES860625. Washington, DC. ERS USDA. 1986.*
16. *Richard S. Linear Expenditure Systems and Demand Analysis: An application to the Pattern of British Demand // The Economic Journal. Sep. 1954. Vol. 64. No. 255. P. 511–527.*
17. *Theil H. The information approach to demand analysis. // Econometrica. 1965. No. 33. P. 67–87.*
18. *Theil H. Theory and measurement of consumer demand. Vol. 1. Amsterdam: North-Holland. 1975.*
19. *Theil H. Theory and measurement of consumer demand. Vol. 2. Amsterdam: North-Holland. 1975.*
20. *Zoidov K. H. Some of the tasks of identification of econometric dependencies. M.: Computing center of the USSR Academy of Sciences, 1999.*

ТОЛОРАЯ ГЕОРГИЙ ДАВИДОВИЧ

дд.э.н., профессор ФГБУН «Институт экономики» РАН,
руководитель Центра российской стратегии в Азии,
e-mail: rusmirasaf@yandex.ru

ТРИГУБЕНКО МАРИНА ЕВГЕНЬЕВНА

к.э.н., доцент, ведущий научный сотрудник ФГБУН «Институт экономики»
РАН, e-mail: trigubenkom@mail.ru

ЯКОВЛЕВА ЛЮБОВЬ НИКОЛАЕВНА

младший научный сотрудник ФГБУН «Институт экономики»
РАН, e-mail: miyo2008@yandex.ru

ПЕРСПЕКТИВЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ СЕВЕРОКОРЕЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация. В статье проанализированы изменения в экономической жизни КНДР при Ким Чен Ыне, унаследовавшим власть после смерти отца в декабре 2011 года. Целью статьи является оценка первых результатов во многом стихийных процессов и прогноз дальнейших шагов северокорейского руководства в качестве ответа на существующие вызовы. Для достижения этой цели были поставлены следующие задачи: проанализировать предпосылки происходящих сегодня изменений, определить характер и глубину влияния нововведений на социально-экономическую систему страны, нащупать перспективные тенденции в реформировании северокорейской экономики. Результаты исследования свидетельствуют о смещении акцента с развития преимущественно военной сферы на поиски источников экономического роста и повышение благосостояния населения путем расширения сферы применения рыночных механизмов. Для высвобождения необходимых ресурсов и одновременного повышения обороноспособности страны северокорейское руководство сделало выбор в пользу параллельного развития экономики и ядерных сил. Несмотря на ужесточение санкций в 2016 году стране удалось сохранить экономическую стабильность в основном за счет продолжения активной торговли с Китаем, который также служит основным источником необходимого местным производителям оборудования.

Ключевые слова: КНДР, ядерная проблема, санкции, экономика, управление, реформы, внешняя торговля.

TOLORAYA GEORGIY DAVIDOVICH

*Doctor of Economic Sciences, Professor of FSBIS "Institute of Economics" of the RAS,
Head of the Center of Russian Strategy in Asia,
e-mail: rusmirasaf@yandex.ru*

TRIGOOBENKO MARINA EVGENIEVNA

*Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Chief Research Associate of FSBIS
"Institute of Economics" of the RAS, e-mail: trigubenkom@mail.ru*

YAKOVLEVA LYUBOV NIKOLAEVNA

*Junior Research Associate of FSBIS "Institute of Economics" of the RAS,
e-mail: miyo2008@yandex.ru*

PROSPECTS OF REFORMING NORTH KOREAN ECONOMY

Abstract. The manuscript analyzes the changes in the economic life in the Democratic People's Republic of Korea under the leadership of Kim Jong-Un who has inherited power after his father's death in December 2011. The goal of the manuscript is an evaluation of the first results in many ways spontaneous processes and a forecast of further steps of the North Korean leadership

as a response to the existing challenges. In order to achieve this goal, the following tasks have been set forward: to analyze the prerequisites of the changes that are happening today; determine the character and depth of impacts of innovations for the social-economic system of the country; discover the promising tendencies in reforming the North Korean economy. The results of the study evidence the transition of the stress from development of primarily military field to looking for sources of economic growth and improving the welfare of population through expanding the area of application of market mechanisms. In order to release the necessary resources and, at the same time, improve the defensive ability of the country, the North Korean leadership made a choice towards a parallel development of the economy and the nuclear powers. Despite the toughening of the sanctions in 2016, the country managed to preserve the economic stability mostly due to continuing having active trade with China that is also the main source for the necessary equipment for local producers.

Keywords: the Democratic People's Republic of Korea, the nuclear problem, sanctions, the economy, management, reforms, foreign trade.

Первые попытки преобразований в КНДР совпали со временем распада СССР и усилением изоляции страны на международной арене. Эти факторы вместе с беспрецедентными стихийными бедствиями привели к стремительному ухудшению экономической ситуации вплоть до массового голода. В этих условиях северокорейское руководство было вынуждено закрыть глаза на зачатки рыночных отношений на низовом уровне и активнее искать новые источники дохода парализованной экономики. Однако при Ким Чен Ире новая концепция развития так и не была выработана.

После его смерти в декабре 2011 года власть перешла к его младшему сыну Ким Чен Ыну. Новый лидер продемонстрировал понимание необходимости перемен, в том числе нового баланса между военным и гражданским секторами экономики. В марте 2013 года был провозглашен новый курс на параллельное развитие ядерных сил и экономического строительства. Он предполагает укрепление оборонных возможностей страны, прежде всего за счет ядерных сил сдерживания. Их развитие на современном этапе требует меньше средств по сравнению с традиционными вооружениями и оценивается в 2–3 % ВВП. Это позволит направить больше ресурсов на развитие экономики и социальной сферы. Новый курс значительно отличается от политики приоритета армии, проводимой при Ким Чен Ире, и продолжает начатую еще при деде нынешнего руководителя линию на параллельное экономическое и оборонное строительство.

Несмотря на короткий период пребывания у власти Ким Чен Ын инициировал изменения во многих сферах.

1.1. «Меры 28 июня» (2012 год) в сельском хозяйстве

Они ознаменовали начало постепенного демонтажа изжившей себя системы госхозов, основанных на принудительном труде и личной незаинтересованности. Преобразования начались с поисков решения основной проблемы в стране — продовольственного дефицита, для преодоления которого требуется повышение эффективности сельского хозяйства. Со второй половины 2012 года ряд сельхозкооперативов получили право после сдачи урожая оставшиеся сельхозпродукты реализовывать на рынках по свободным ценам и самостоятельно закупать недополученные по каналам централизованного снабжения удобрения, химикаты и топливо.

Внедряются новые формы землевладения, т. н. бригадный подряд, при котором семья (одно производственное звено) получала 40 % урожая, выращенного с одной сотки сельхозземли. Некрупные земельные участки величиной 3 сотки переданы в пользование сельхозбригадам. Установлен минимальный размер производственного звена — 4–5 человек, фактически это одна семья. Уточнено соотношение сдаваемой государству и реализуемой самостоятельно сельхозпродукции в эквиваленте 6:4. Ким Чен Ын впервые призвал к самообеспечению продовольствием в своем послании участникам общереспубликанской конференции сельских бригад в 2012 году. Сельское хозяйство было объявлено им приоритетным направлением развития экономики [1].

Новую систему участия крестьян в получении части урожая для своих нужд он поддержал,

выступив перед участниками Всереспубликанского слета бригадиров сельхозкооперативов в феврале 2014 года, заявив, что «руководители бригад должны стать не только проводниками политики партии, но и проявлять большую самостоятельность в принятии решений. Семьи, в пользовании которых в течение длительного времени находится земельный участок, несут за него ответственность».

Но пока нововведения в землепользовании не могут заменить иностранную продовольственную помощь. По данным Всемирной продовольственной программы ООН (ВПП ООН), в 2014 году КНДР получила 20 % от заявленных ранее дотаций доноров, что не может обеспечить минимальную продовольственную норму (600 граммов в день по международным стандартам). Реально население по карточкам получало 420 граммов зерна на человека¹, несмотря на солидный список стран-доноров продовольствия по линии ВПП, в число которых входят Австралия, Китай, Южная Корея, Кувейт, Лихтенштейн, Люксембург.

В последние годы несколько изменился подход международных организаций к гуманитарной помощи КНДР: акцент был перенесен с продовольственной на технологическую помощь.

Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН (ФАО) реализует в КНДР девять инвестпроектов по программе развития и восстановления аграрной экономики Северной Кореи на 10,2 млн долл. США. В этой программе участвуют Академия сельскохозяйственных наук КНДР, а также западноевропейские страны: Италия, Швеция, Норвегия, Голландия [2].

ФАО осуществляет строительство крупного животноводческого комплекса на площади 50 тыс. га и теплиц для овощей и фруктов.

Технологическую помощь в сельском хозяйстве для развития энергетики оказывает ПРООН — Программа развития по проекту Устойчивой энергетики в сельских районах КНДР с объявленным объемом инвестиций 5 млн долл. США. ПРООН внедряет в некоторых районах биогазовые установки двойного назначения для производства биоудобрений, используя отходы продукции животноводства (компост), земледелия и пищевой промышленности, и пищевых добавок.

ПРООН снабжает КНДР не крупными солнечными обогревателями, ветроустановками для производства электроэнергии мощностью 300 ватт, солнечными насосными станциями. В программе ПРООН принимают также участие Академия наук КНДР, Комитет по науке и технике, Комитет по изучению ветроэнергетики [3]. Деятельность ФАО и ПРООН стимулирует научные коллективы КНДР на овладение мировыми научно-техническими достижениями и их практическое внедрение, что не менее важно, чем зарубежная продовольственная помощь.

Западные эксперты ФАО отметили результативность мер по стимулированию сельского хозяйства и применению технологических инноваций. В 2013 и 2014 годах в сельском хозяйстве Северной Кореи наблюдалось увеличение урожая риса, несмотря на стихийные бедствия (жару и засуху), особенно разрушительные в 2014 году.

Нехватка продовольствия оценивалась в 2014 году в 818 тыс. т зерна. Чтобы сохранить динамику развития сельского хозяйства, по оценке ФАО, необходимо вложить в эту отрасль 10 млн долл. инвестиций, что в условиях южнокорейских санкций и собственных экономических трудностей в странах ЕС сейчас маловероятно [4]. Поэтому аграрные инновации при Ким Чен Ыне могут дать зримый эффект только в комплексе реформ по преодолению экономического кризиса и перехода к рыночным отношениям.

1.2. Инновации в управлении госпредприятиями в промышленности

Еще Ким Чен Ир в последние годы жизни обратил внимание на неэффективность так называемой Тэанской системы управления промышленностью, которая создавалась Ким Ир Сенем под влиянием китайских экспериментов периода культурной революции. Суть Тэанской системы состояла в том, что все функции руководства предприятием были переданы от директора и его корпуса управленцев к парткому. Действовала система изъятия всей прибыли. Социальные нужды работников обеспечивала карточная система. Нельзя не вспомнить опыт СССР периода Второй мировой войны с жестокой эксплуатацией труда и карточной системой распределения продовольствия в городах. Но это были военные годы, и работа строилась на энту-

¹ По заявлению исполняющего директора ВПП ООН госпожи Эртгарин Казин.

зиазме и патриотизме советского народа на фронте и в тылу. Безусловно, на воспроизводство советских методов в КНДР повлияла экономическая блокада КНДР со стороны Запада, ее собственный экономический кризис, начавшийся с середины 1960-х годов XX века.

В 2014 году было объявлено о т. н. «мерах 30 мая». Они расширили круг предприятий, руководители которых получили право самостоятельно организовывать работу: по своему усмотрению приобретать комплектующие и материалы, заключать договоры с проектными организациями, решать кадровые вопросы, в том числе определять заработную плату, и подбирать покупателей продукции как внутри страны, так и за рубежом. Система коллективной ответственности парткомов была заменена на индивидуальную ответственность директора.

1.3. Планы развития и модернизации отраслей промышленности

Модернизировать планируется прежде всего гидроэнергетику, машиностроение и металлургию. Созданные в советский период предприятия машиностроения сейчас работают в основном на военную экономику, другие предприятия отрасли находятся в кризисе или уже обанкротились.

Для реконструкции намечен Завод общего машиностроения 18 января. Технологическая модернизация завода будет состоять в установке оборудования с числовым программным управлением для его перевода на автоматический режим работы. Одновременно будет введена западноевропейская система соцобеспечения занятых на производстве, включая общежитие, спорткомплекс, ясли и детский сад [5].

Ядро черной металлургии КНДР ранее составляли шесть предприятий. В первую очередь, это Металлургический комбинат им. Ким Чака в городе Чондин, имевший полный производственный цикл и выпускавший чугун, сталь, кокс и стальной прокат, завод Хванхэ, Сонджинский сталелитейный завод, Кансонское сталелитейное объединение, Пуренский завод ферросплавов и Завод 13 апреля.

Власти КНДР неоднократно обращались к России с просьбой принять участие в восстановлении и модернизации этих и других предприятий промышленности. Россия не возражала против возобновления технического содействия, но уже на условиях оплаты услуг северокорейской стороной. Об этом говорилось на заседаниях совместной комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству. Россия не в состоянии обеспечить поставки запчастей на корейские предприятия, построенные задолго до распада СССР, так как советские заводы закрыты, перепрофилированы или выпускают более современное оборудование. Кроме того, например, станки поступали в КНДР не только из России, но и из других республик, ранее входивших в состав СССР, включая Украину и Белоруссию. В связи с этим нужны поиски новых форм для осуществления модернизации северокорейских предприятий, но проблема касается платежеспособности КНДР [6].

В условиях острой нехватки собственных инвестиций и отсутствия внешних спонсоров, желающих принять участие в модернизации отечественной металлургии и машиностроения, руководство КНДР усилило внимание к добывающей промышленности — основному экспортному ресурсу страны. Геологической разведкой выявлено, что в недрах КНДР содержится около 20 млн т запасов редких металлов и минералов, их экспорт может приносить стране стабильный доход в иностранной валюте.

Месторождения редкоземельных минералов, которые считаются ценным стратегическим сырьем, обнаружены в провинции Северная Пхенан и в других южных и северных регионах страны. К особо значимым относятся церий и неодим. Их используют в производстве полупроводников, компьютеров, автомобилей. Некоторые виды редкоземельных элементов находят применение в ракетостроении.

Для освоения представляют интерес 300 видов редкоземельных минералов. По данным РК, запасы редкоземельных минералов могут быть оценены в 6,3 трлн долл. Эксперты США дают более высокую оценку в 10,4 трлн долл [7].

1.4. Инновации в научно-исследовательской деятельности

В последнее время северокорейское руководство все чаще делает акцент на научно-технологическом развитии как основе экономического роста и повышения уровня жизни насе-

ления. Приоритет отдается технологиям, которые необходимы для решения наиболее острых вопросов (продовольствие, энергетика), и тем секторам, которые требуют меньше вложений, но могут иметь больший экономический эффект, например, ИКТ. Сегодня в КНДР рассматривается возможность отказа от дальнейших попыток модернизации устаревших промышленных предприятий и концентрации усилий на создании научно-технологической базы для перехода к экономике знаний.

В аграрной экономике повышенное внимание уделяется «зеленым» технологиям, возобновляемым источникам энергии, производству органически чистых продуктов. В 2014 году был создан Фонд по исследованию экологически чистых технологий [5]. Его капитал планируется пополнять за счет государственных средств, денежных переводов от соотечественников, проживающих за рубежом, и иностранцев, проявляющих научный интерес к развитию «зеленых» технологий в Северной Корее. Руководство фонда планирует публиковать ежегодные отчеты, наладить кооперационные связи с неправительственными организациями и частными лицами, проживающими в других странах и регионах.

В КНДР уже накоплен некоторый опыт в области возобновляемых источников энергии. Исследования по ветроэнергетике начались еще в 1970-х годах. В 2006 году был образован госкомитет по ветроэнергетике, налажено производство ветрогенераторов. Госкомитет контактирует с мировыми исследовательскими центрами, в т. ч. в Германии, Испании, Франции, Дании. Сотрудничество в этой области идет по линии ПРООН.

Эксперты технологического университета имени Ким Чака в Пхеньяне завершили разработку десяти видов генераторов для ветроэнергетических установок мощностью до 2,5 кВт. Они будут установлены в ряде районов на западном побережье страны, а также в долине Сепхо в юго-восточной провинции Канвондо.

В 2013 году Президиум Верховного народного собрания одобрил закон о возобновляемых источниках энергии, состоящий из 46 статей. В документе подчеркивается, что северокорейское правительство будет «последовательно принимать меры для развития экономики и охраны окружающей среды», в связи с чем большое внимание сейчас уделяется изучению других альтернативных источников энергии.

Из возобновляемых источников энергии приоритет отдан, кроме ветроэнергетики, солнечной и геотермальной энергетике. В 2014 году на базе Академии наук начал работать Институт природной энергетике.

1.5. Реформирование социальной сферы

В результате нехватки средств у государства наметился переход к платному медобслуживанию и лекарствам (исключая сложные операции в больницах, которые по-прежнему будут проводиться бесплатно), а также образованию (?).

Инновации в экономическом управлении не коснулись государственной системы контроля со стороны правоохранительных органов. Об этом свидетельствуют опубликованные в печати директивы «О защите секретов» и «О более эффективном виртуальном наблюдении», что объяснялось якобы борьбой со взятками и коррупцией [8].

1.6. Организация специальных экономических зон

К наиболее значимым инициативам в экономической политике нового северокорейского лидера относятся проекты по организации специальных экономических зон.

В целях преодоления экономических трудностей власти КНДР уделяют растущее внимание привлечению иностранных инвестиций. Начальным шагом на этом пути стало создание совместных предприятий (СП) (первые законы на этот счет были приняты еще в 1984 году). Сегодня предприниматели из других стран могут вести бизнес в Северной Корее, создавая корпоративные организации, зарегистрированные в качестве юридических лиц на территории КНДР. Местные законы позволяют иностранцам открывать совместные предприятия, где одна из сторон — государственное учреждение, предприятие или организация КНДР, или предприятия, полностью принадлежащие иностранному капиталу. Иностранным компаниям разрешено открывать представительства в КНДР. В роли инвесторов могут выступать и физические лица.

В последнее время особое внимание уделяется созданию СП в специальных экономических зонах (СЭЗ), которые и должны в основном привлекать иностранные инвестиции в страну. В связи с этим на их территории предусматриваются более выгодные условия для инвесторов: разрешено валютное денежное обращение, отменены пошлины на вывоз капитала, ввоз и вывоз необходимых для производства и производимых в зоне товаров, установлены преференциальные налоговые тарифы. Постепенно совершенствуется регулирующее данную сферу законодательство. Так, 29 мая 2013 года принят закон о СЭЗ, предполагающий создание зон промышленного, сельскохозяйственного, туристического, экспортного и высокотехнологического развития, а также возможность организации других типов зон экономического развития. Инвестиции могут осуществляться юридическими и физическими лицами, в том числе проживающими за рубежом соотечественниками, или экономическими организациями других стран. Особенно поощряются инвестиции в инфраструктуру, внедрение передовых технологий и производство конкурентоспособных на мировом рынке товаров.

По северокорейским оценкам, ожидаемый рост доходов от СЭЗ в 2015 году должен был составить 3,6 % против 5,1 % в 2014 году [9].

В КНДР декларировано создание 24 СЭЗ. Первыми появились торгово-экономическая зона «Расон» (1991 год), Кэсонская промышленная зона (2002 год) и экономическая зона на островах Хвангымпхен и Вихва (2010 год) 21 ноября 2013 года. Президиум ВНС КНДР издал указ о создании 13 зон экономического развития в семи провинциях и городе центрального подчинения Нампхо, а также специальной экономической зоны «Синийджу». Затем, 23 июля 2014 года, было объявлено о создании еще шести зон экономического развития в Пхеньяне, Нампхо и провинциях Южная Хванхэ, Южная и Северная Пхенан. Специальная экономическая зона «Синийджу» была переименована в международную экономическую зону.

Наиболее успешными оказались СЭЗ «Расон» и Кэсонская промышленная зона, долгое время остававшаяся единственным примером результативного экономического сотрудничества между КНДР и Южной Кореей (в ней работали 124 южнокорейских предприятия, выпускавшие текстильные изделия, одежду, металлическую продукцию, электромеханические, электронные и химические товары и обеспечивавшие рабочие места для 54 тыс. северокорейцев). Однако в феврале 2016 года, после северокорейского ракетного запуска, власти Южной Кореи приняли решение прекратить работу промпарка в Кэсоне.

Определенные надежды возлагались на развитие экономической зоны в городе Синийджу, учитывая, что на соседний с ней г. Даньдун (Китай) приходится более 70 % китайско-северокорейской торговли. Синийджу предполагалось сделать экономической зоной с 2002 года. Тогда он был выделен в специальный экономический район, но после ареста назначенного Пхеньяном его главой китайского бизнесмена Ян Биня, обвиненного властями КНР в финансовых махинациях, развитие приостановилось на несколько лет. СЭЗ была создана лишь в ноябре 2013 года и позже получила статус международной экономической зоны [10].

Новые СЭЗ требуют большой работы и крупных вложений, прежде чем можно будет говорить об их полноценном и стабильном функционировании.

Достаточно успешными могли бы быть (если бы не санкции) туристические зоны в связи с ростом в последние годы количества туристов в КНДР. По информации Korea International Travel Company, одной из специализированных северокорейских организаций, занимающихся привлечением иностранных туристов в КНДР и их обслуживанием, ежегодно страну посещают порядка 10–80 тыс. туристов только из Китая, при этом растет количество туристов и из других стран². В частности, синергетического эффекта способен достигнуть Вонсанский туристический кластер (г. Вонсан с международным детским лагерем Сондовон и горнолыжным курортом Масиннен; уезд Тхончхон, на побережье Японского моря; горы Кымгансан).

Многие иностранные специалисты высказывают опасения, что СЭЗ не могут функционировать в нерыночной экономике. Однако по сути специальные зоны представляют собой одни из первых шагов на пути преобразований. Без современных экономических институтов в КНДР быстрый переход к рыночной экономике затруднителен и может иметь опасные социальные и политические последствия. Вместе с тем, вероятно, не стоит расплывать ресурсы, а следует

² По данным Государственного главного управления туризма КНДР, из России в Пхеньян ежегодно прибывает около 300 туристов, а на пляжный отдых — до 1 тыс. человек.

сконцентрировать усилия на реализации одного или нескольких успешных проектов.

Развитие «открытого сектора» осложняется неразвитостью инфраструктуры и законодательства, международными санкциями и высокими политическими рисками. Пока при постепенном законодательном закреплении прав иностранных инвесторов реальные гарантии им отсутствуют. КНДР не имеет соглашений о защите инвестиций со многими странами. С Россией соответствующее соглашение было подписано в ноябре 1996 года и ратифицировано в декабре 2005 года. В КНДР существуют перспективные для иностранного бизнеса сферы, есть примеры успешного функционирования СП. Северокорейские СЭЗ, расположенные на восточном побережье, представляют особый интерес и для потенциальных российских инвесторов.

1.7. Планы развития международного туризма

В КНДР традиционные туристические маршруты проходят по местам «революционной славы». В основном они связаны с деятельностью Ким Ир Сена и Ким Чен Ира. По случаю дня рождения «великого вождя» Ким Ир Сена 15 апреля и «великого полководца» Ким Чен Ира 16 февраля устраиваются походы на гору Пэктусан, где начал партизанскую борьбу Ким Ир Сен, и к домику в партизанском лагере, расположенном на той же горе, где, согласно северокорейской историографии, родился Ким Чен Ир. Демилитаризованная зона между Севером и Югом объявлена туристическим объектом. Однако все перемещения туристов по столице и всей стране возможны только в сопровождении гидов.

В целях привлечения зарубежных туристов в мае 2013 года в Сингапуре было арендовано судно «Royale Star» для перевозки пассажиров из порта Раджин в торгово-экономической зоне «Расон» на курорты в горах Кымгансан.

Большинство туристов по-прежнему прибывают из Китая (более 10 тыс. человек ежегодно). В 2014 году был открыт велосипедный маршрут из Яньбань — Корейского автономного округа (приграничной китайской провинции Цзилинь) — и запущен туристический поезд из Китая в Пхеньян и Кэсон.

В последние годы участились поездки жителей российского Дальнего Востока в Северную Корею. Но пока рост количества туристов сдерживают плохая транспортная инфраструктура и закрытость части северокорейских районов для посещения иностранцами.

По данным СМИ КНДР, страну в 2014 году посетили туристы из 50 стран и регионов [11].

В 2014 году правительство КНДР объявило о превращении горного курорта Кымгансан в особую международную курортную зону, разрешило иностранным фирмам арендовать здесь участки земли и предоставило им налоговые льготы. Позже в том же году вышел указ Верховного народного собрания о создании туристического кластера Вонсан-Кымгансан, который объединяет горнолыжный комплекс Масиннен, международный детский оздоровительный лагерь Сондовон, курорты порта Вонсан на восточном побережье с курортной зоной Кымгансан [12].

В программы развития туризма был включен альпинизм в горах Мехянсан и Кымгансан. Этот вид туризма привлекателен для западноевропейцев, включая жителей Швейцарии, Германии, Норвегии, Бельгии, Англии.

Иностранных туристов также привлекают традиционные фестивали и спортивные соревнования, например, уже несколько лет проводятся международные соревнования по гольфу.

Планы развития туризма сопровождаются созданием необходимых объектов инфраструктуры. В стране реконструируются старые гостиницы и строятся новые комфортабельные отели. Среди них — отели «Маджон», «Коре», «Янтакто» и «Хянган». Расплачиваться в них можно американскими долларами, евро, китайскими юанями. В отеле «Янтакто», расположенном на берегу реки Тэдонган в Пхеньяне, работает казино. Улучшается уровень обслуживания, расширяется штат гидов-переводчиков. Большое внимание уделяется переоборудованию пляжей на курортах Желтого и Японского морей.

1.8. VII съезд Трудовой партии Кореи (ТПК)

На состоявшемся 6 мая 2016 года VII съезде ТПК, первым за последние 36 лет, руководство КНДР не объявило о смене генеральной линии на завершение «дела строительства социа-

лизма» и не признало сформировавшуюся за последние 20 лет новую экономическую реальность. Тем не менее анализ сделанных на партийном съезде заявлений Ким Чен Ына позволяет предположить, что северокорейские власти намерены продолжать осторожные преобразования.

В своем докладе [13] Ким Чен Ын признал наличие экономических проблем и представил основные контуры экономического развития на 2016–2020 годы. Было объявлено о принятии (в переводе) «пятилетнего экономического плана» без уточнения основных макроэкономических показателей. На деле речь идет о «стратегии» развития, составленной на основе ранее опробованных годовых стратегий развития отдельных отраслей (энергетика, сельское и лесное хозяйство, инновации). Она касается ключевых направлений госсектора и основана на индикативных показателях.

В декларированном курсе можно выделить три основных направления. Первое затрагивает расширение сферы применения «нашего метода управления экономикой», то есть метода, при котором рыночные механизмы используются в качестве дополнительных в рамках плановой экономики. Речь идет о нововведениях, предпринимаемых руководством страны в сельском хозяйстве и промышленности с 2012 года.

Выступая на съезде, Ким Чен Ын подтвердил намерение дальнейшего внедрения введенной при нем системы «ответственности социалистических предприятий» (аналог хозрасчета в СССР). Он призвал «обеспечить все необходимые условия для того, чтобы предприятия могли беспрепятственно использовать предоставленные им права в сфере управления» [13].

Очевидно, эти права могут быть достаточно широкими, в том числе в финансовой деятельности, возможно, даже с привлечением «теневого» частного капитала. Эти меры, вероятно, призваны заставить сформировавшийся класс обеспеченных северокорейцев вкладывать имеющиеся средства в работу предприятий, переводимых на самофинансирование.

Вторым основным направлением стратегии является развитие ключевых отраслей промышленности, прежде всего энергетики, сельского хозяйства и легкой промышленности.

В последние годы значительные усилия были предприняты для строительства новых электростанций и модернизации генераторных установок. Несмотря на это, проблема обеспечения электроэнергией, особенно за пределами Пхеньяна, сохраняется, в связи с чем ее решение было названо обязательным условием для выполнения пятилетней стратегии, а также определены конкретные задачи в этом направлении: модернизация имеющихся мощностей по выработке электроэнергии, повышение эффективности работы оборудования, восстановление сети электропередач, сокращение потерь при передаче электричества, а также развитие мощностей, использующих альтернативные источники энергии — энергию воды, солнца, приливов-отливов, ветра [14]. Особенно популярны в КНДР стали солнечные батареи.

В сельском хозяйстве и легкой промышленности (особенно пищевой и текстильной) в последние годы также были реализованы некоторые меры по развитию производственных мощностей. В частности, обращает на себя внимание появление в розничной сети КНДР массы полуфабрикатов и готовых продуктов местного производства (взамен ранее доминировавших китайских), что свидетельствует о достаточно успешном развитии пищевой промышленности на основе импортозамещения. Выступая на съезде, лидер КНДР отметил необходимость автоматизации фабрик и механизации сельского хозяйства (поставлена задача достичь 60–70 % уровня).

В ходе съезда Ким Чен Ын назвал цели и задачи для горнодобывающей и металлургической промышленности, развития сети железнодорожных перевозок, строительства. Следует отметить, что строительный комплекс КНДР является весьма мощным. Он основан на мобилизационном привлечении дешевых (часто бесплатных) трудовых ресурсов и в последние годы обеспечил значительный объем прироста ВВП — только в Пхеньяне сооружено несколько жилых микрорайонов на несколько десятков (если не сотен) тысяч квартир, объекты монументального и общественного характера, электростанции, дороги и другие инфраструктурные объекты. Фактически строительный комплекс выступает мотором формирования спроса на промышленную продукцию других отраслей тяжелой промышленности.

Третье направление стратегии касается укрепления управления хозяйственной деятельностью на местах в сельскохозяйственных районах — Ким Чен Ын призвал «организовать веде-

ние хозяйственной деятельности своими силами» [13], учитывать местные особенности при ее осуществлении, а также использовать произведенную продукцию для обеспечения самодостаточности.

По мнению некоторых экспертов [15], на попытки перехода к региональному планированию указывает и создание 23 специальных зон экономического развития, призванных способствовать привлечению иностранных инвестиций и повышению экономического благосостояния тех районов, в которых они находятся.

Специальные зоны экономического развития не остались без внимания в ходе выступления Ким Чен Ына. Он призвал продолжать прилагать усилия для создания благоприятных инвестиционных условий, использовать практику совместных предприятий, а также увеличить объем внешней торговли [16], резко сократившейся в начале этого года в результате введенных против КНДР санкций и прекращения работы Кэсонского промышленного комплекса [17].

Значительная часть доклада Ким Чен Ына была посвящена важности научно-технологического развития, объявленного «первостепенной задачей». В частности, вновь было заявлено о необходимости развития информационных, нано- и биотехнологий, а также космической отрасли, производства и запуска новых спутников. Особое внимание уделено ИКТ — возможно, они мыслятся в качестве международной специализации КНДР. Отдельно была упомянута задача развития человеческого потенциала, подготовки научно-технических кадров.

Несмотря на то, что представленная стратегия ставит цели и задачи для всех основных секторов экономики, она не предусматривает способов их достижения и выполнения.

В реализации поставленных задач экономического развития центральная роль отводится Кабинету министров, который назван «экономическим командным центром государства». Ким Чен Ын подчеркнул, что экономическое развитие должно осуществляться «на основе концентрации полномочий у правительства» и под его общим руководством. В этом заключается главное отличие новой стратегии социально-экономического развития от прошлой практики, когда управление экономикой осуществляли соперничающие бюрократические кланы с центральной ролью военных.

Выводы

За время пребывания у власти Ким Чен Ына зародившиеся в 90-е годы прошлого века процессы «маркетизации» значительно углубились. Сегодня руководство страны не просто мирится с их существованием, но постепенно расширяет сферу их применения и видит в них главный источник экономического роста, хотя и не признает официально.

Ужесточение антисеворокорейских санкций СБ ООН и рядом стран в 2016 году вызвало опасение резкого ухудшения экономической ситуации в КНДР и, как следствие, замедления процессов «маркетизации» и усиления государственного контроля над хозяйственной деятельностью в условиях ограниченности ресурсов. Однако на сегодняшний день эти опасения не подтвердились. Ситуация в стране свидетельствует о сохранении экономической стабильности: курс северокорейской воны не изменился, активно идет торговля на внутреннем рынке, растет количество продуктов питания и товаров широкого потребления северокорейского производства и сектор услуг. Нет оснований ожидать репрессивных мер со стороны северокорейского руководства по отношению к негосударственному и «серому» (де-факто частному) сектору.

Вероятно, КНДР продолжит идти по пути создания государственно регулируемой рыночной экономики, и этот процесс будет сопровождаться возникновением все более влиятельных полугосударственных и даже негосударственных хозяйствующих субъектов.

Литература

1. Беседа представителя ПРООН в КНДР Зарас Такенова с корр. ИТАР-ТАСС // ИТАР-ТАСС. Пульс Планеты. АТР. 2014.20.02.
2. Доклад о госбюджете на 2015 г., представленный на 3-й сессии ВНС 13-го созыва 9 апреля 2015 г.
3. Интервью корр. ИТАР-ТАСС заместителя руководителя представительства ФАО в КНДР Билай Дерза Гага // ИТАР-ТАСС. Пульс Планеты. АТР. 2013.15.05.
4. Нодон Синмун, 2014.05.07

5. Нодон Синмун, 2014.07.02.
6. О состоянии металлургической промышленности КНДР // ИТАР-ТАСС. Пульс Планеты. АТР. 2014.04.02.
7. Оценка главы представительства ФАО в КНДР Билай Дерза Гага // ИТАР-ТАСС. 2015.05.03.
8. Пак Хеен Чжун. Новая система экономического управления. Основные особенности и проблемы // Korea Focus. 2013.30.12.
9. Сообщение ИТАР-ТАСС. Пульс Планеты. АТР. 2012.12.06.
10. Сообщение ЦТАК КНДР. 2014.14.05.
11. Указ Верховного народного собрания КНДР «О создании зоны международного туризма» // Нодон Синмун. 2014.19.06.
12. DPRK — China Trade in 2016 // North Korean Economy Watch, 25.05.2016. An electronic resource]. Access mode: <http://www.nkeconwatch.com/category/statistics/trade-statistics/>, free. Heading from the screen.
13. Government Statement regarding the Complete Shutdown of the Gaeseong Industrial Complex // Cheong Wa Dae, 11.02.2016 An electronic resource]. Access mode: [http://english1.president.go.kr/activity/briefing.php?srh\[board_no\]=21&srh\[view_mode\]=detail&srh\[seq\]=14173&srh\[detail_no\]=455](http://english1.president.go.kr/activity/briefing.php?srh[board_no]=21&srh[view_mode]=detail&srh[seq]=14173&srh[detail_no]=455), free. Heading from the screen.
14. An electronic resource]. Access mode: <http://www.nknews.org/2015/12/north-korea-more-economic=zone-plans/>, free. Heading from the screen.
15. Kim Jong Un Makes Report on Work of WPK Central Committee at Its 7th Congress // KCNA, 07. 05.2016. An electronic resource]. Access mode: <http://www.kcna.kp/kcna.user.special.getArticlePage.kcmsf> (коп), free. Heading from the screen.
16. Progress in North Korea's renewable energy production // NK Economy Watch, 15.02.2016. An electronic resource]. Access mode: <http://www.nkeconwatch.com/category/energy/electricity/>, free. Heading from the screen.
17. The Seventh Congress and the prospects for North Korea's economy// NK News, 13.05.2016 An electronic resource]. Access mode: <https://www.nknews.org/2016/05/the-seventh-congress-and-the-prospects-for-north-koreas-economy/>, free. Heading from the screen.

References:

1. Conversation of the representative of the UNDP in the DPRK, Saras Takenawa with the offset. ITAR-TASS/ITAR-TASS. Pulse Of The Planet. The Asia Pacific region. 2014.20.02.
2. A report on the budget for 2015, presented at the 3rd session of the ANS of the 13th convocation, April 9, 2015
3. Offset Interview. ITAR-TASS Deputy head of the representative office of the FAO in the DPRK bili Derza Gaga // ITAR-TASS. Pulse Of The Planet. The Asia Pacific region. 2013.15.05.
4. Rodong Sinmun, 2014.05.07
5. Rodong Sinmun, 2014.07.02.
6. On the state of the steel industry of Korea // ITAR-TASS. Pulse Of The Planet. The Asia Pacific region. 2014.04.02.
7. The head of the mission of FAO in the DPRK bili Derza Gaga // ITAR-TASS. 2015.05.03.
8. Hein Park Jun. A new system of economic governance. The main features and problems // Korea focus. 2013.30.12.
9. ITAR-TASS reported. Pulse Of The Planet. The Asia Pacific region. 2012.12.06.
10. Republican party of North Korea. 2014.14.05.
11. The decree of the Supreme people's Assembly of the DPRK On the establishment of a zone of international tourism," Rodong Sinmun. 2014.19.06.
12. The DPRK — China in 2016 // North Korean economy watch 25.05.2016. Electronic resource]. Mode of access: <http://www.nkeconwatch.com/category/statistics/trade-statistics/> free. The title of the screen.
13. The announcement by the government to close the Kaesong industrial complex // the Cheong WA Dae, 11.02.2016 Electronic resource]. Mode of access: [http://english1.president.go.kr/activity/briefing.php?srh\[board_no\]=21&srh\[view_mode\]=detail&srh\[seq\]=14173&srh\[detail_no\]=455](http://english1.president.go.kr/activity/briefing.php?srh[board_no]=21&srh[view_mode]=detail&srh[seq]=14173&srh[detail_no]=455) free. The title of the screen.
14. Electronic resource]. Mode of access: <http://www.nknews.org/2015/12/north-korea-more-economic=zone-plans/> free. The title of the screen.
15. Kim Jong-UN makes a report on the work of the Central Committee of the WPK at its 7th Congress // KCNA 07. 05.2016. Electronic resource]. Mode of access: <http://www.kcna.kp/kcna.user.special.getArticlePage.kcmsf> (KOR), free. The title of the screen.
16. Progress in North Korea for the production of renewable energy sources // NK economy watch 15.02.2016. Electronic resource]. Mode of access: <http://www.nkeconwatch.com/category/energy/electricity/> free. The title of the screen.
17. The seventh Congress and the Outlook for the economy of North Korea// NK news 13.05.2016 Electronic resource]. Mode of access: <https://www.nknews.org/2016/05/the-seventh-congress-and-the-prospects-for-north-koreas-economy/> free. The title of the screen.

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОБ АВТОРАХ

Абдулманапов Пирмагомед Габибулаевич	к.э.н., научный сотрудник ФГБУН «Институт социально-экономических исследований» ДНЦ РАН, e-mail: raha77@mail.ru
Ашурбекова Фируза Алимирзаевна	старший преподаватель кафедры «Экономическая теория и менеджмент» ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный аграрный университет им. М.М. Джембулатова», e-mail: fira-an2002@mail.ru
Боттаев Жамал Хизырович	к.э.н., глава крестьянско-фермерского хозяйства «Ай-Раян», e-mail: zemmaqo@mail.ru
Будзинская Ольга Владимировна	к.э.н., доцент кафедры «Управление трудом и персоналом» ФГБОУ ВО «Российский государственный университет нефти и газа (НИУ) имени им. И.М.Губкина», Москва, e-mail: budzinskaya@bk.ru
Буржалиева Зарема Надировна	соискатель ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный аграрный университет им. М.М. Джембулатова», e-mail: zarema_z86@mail.ru
Вартанова Марина Львовна	к.э.н., доцент, начальник отдела аспирантуры Московского психолого-социального университета, доцент кафедры «Экономика и финансовое право» ФГБОУ ВПО «Российский государственный социальный университет», г. Москва, e-mail: 11marina11@mail.ru
Далгатова Изахат Далгатовна	аспирант кафедры «Экономика и управление в АПК» ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный аграрный университет им. М.М. Джембулатова», e-mail: dalgatova2012@mail.ru
Демидова Александра Вячеславовна	магистр ФГБОУ ВО «Российский государственный университет нефти и газа (НИУ) имени им. И.М.Губкина», Москва, e-mail: demidov808@yandex.ru
Джабраилов Роман Алескеревич	к.э.н., заведующий кафедрой «Гуманитарные дисциплины» Дербентского филиала ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный педагогический университет», e-mail: romana994@mail.ru
Дохолян Сергей Владимирович	д.э.н., профессор, директор ФГБУН «Институт социально-экономических исследований ДНЦ РАН», e-mail: serqsvd@mail.ru
Кадиев Расул Ахмедович	адвокат, Дагестанская специализированная коллегия адвокатов, e-mail: kadievra@mail.ru
Кардашова Маяхалун Абу-Ганиповна	к.э.н. доцент кафедры «Экономика и управление в АПК» ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный аграрный университет им. М.М. Джембулатова», e-mail: mayakhalun.kardashova@mail.ru
Кияницына Лилия Николаевна	аспирант кафедры «Экономика» ФГБОУ ВО «Югорский государственный университет», e-mail: kiyanitsyna@yandex.ru
Курбанов Казбек Керимович	к.э.н., заведующий отделом ФГБУН «Институт социально-экономических исследований» ДНЦ РАН, e-mail: kkurbanov@mail.ru
Махмудов Мурад Керимович	старший преподаватель Дербентского филиала ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», e-mail: romana994@mail.ru
Прокопьев Михаил Григорьевич	д.э.н., главный научный сотрудник ФГБУН «Институт проблем рынка» РАН, e-mail: mgprokopyev@yandex.ru
Рошупкина Виолетта Викторовна	д.э.н., доцент, профессор кафедры «Финансы и кредит» ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь, e-mail: kluvil@rambler.ru
Рязанцева Маргарита Васильевна	доцент кафедры «Психологии и управления персоналом» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, e-mail: mriaz@yandex.ru
Сагидов Юрий Нурмагомедович	д.э.н., профессор, главный научный сотрудник ФГБУН «Институт социально-экономических исследований ДНЦ РАН», e-mail: sagidov39@mail.ru
Смирнов Владимир Михайлович	заместитель директора Института сокращенных программ, профессор департамента «Экономическая теория» Финансового университета При Правительстве Российской Федерации, e-mail: VMSmirnov@fa.ru
Толорая Георгий Давидович	д.э.н., профессор ФГБУН «Институт экономики» РАН, руководитель Центра российской стратегии в Азии, e-mail: russmirasaf@yandex.ru

Тригубенко Марина Евгеньевна	к.э.н., доцент, ведущий научный сотрудник ФГБУН «Институт экономики» РАН, e-mail: trigubekom@mail.ru
Умавов Юсуп Джанбекович	к.э.н., заведующий кафедрой «Коммерция и маркетинг» ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», e-mail: dagtop@mail.ru
Хубиева Жанна Кемаловна	к.э.н., заведующий кафедрой «Экономические и финансовые дисциплины» ФГБОУ ВО «Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева», e-mail: zhan-nakhubieva@rambler.ru
Чернышов Михаил Михайлович	к.э.н., старший научный сотрудник ФГБУН «Институт проблем рынка» РАН, e-mail: mcherny@bk.ru
Шейхова Патимат Магомедовна	к.э.н., доцент кафедры «Экономическая теория и менеджмент» ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный аграрный университет им. М.М. Джамбулатова», e-mail: sheykhova.patya@mail.ru
Яковлева Любовь Николаевна	младший научный сотрудник ФГБУН «Институт экономики» РАН, e-mail: miyo2008@yandex.ru

---

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Abdulmanapov Pirmagomed Gagiboolaeovich	Candidate of Economic Sciences, Research Associate of FSBIS "Institute of Social-Economic Studies" of DSC of the RAS, e-mail: raha77@mail.ru
Ashurbekova Firooza Alimirzaevna	Senior Lecturer of the Department of "Economic Theory and Management" of FSBEI of HE "Dagestan State Agrarian University named after M.M. Jambulatov", e-mail: fran2002@mail.ru
Bottaev Jamal Khizyirovich	Candidate of Economic Sciences, Head of "Ay-Rayan" Homestead Farm, e-mail: zemma-go@mail.ru
Boodzinskaya Olga Vladimirovna	Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of "Management of Labor and Staff" of FSBEI of HE "Russian State University of Oil and Gas (NRU) named after I.M.Gupkin", Moscow, e-mail: budzinskaya@bk.ru
Boorjalieva Zarema Nadirovna	External Doctorate Student of FSBEI of HE "Dagestan State Agrarian University named after M.M. Jambulatov", e-mail: zarema_z86@mail.ru
Vartanova Marina Lvovna	Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Postgraduate Training Program of Moscow Psychological-Social University, Associate Professor of the Department of "Economics and Finance Law" of FSBEI of HPE "Russian State Social University", Moscow, e-mail: 11marina11@mail.ru
Dalgatova Izakhat Dalgatovna	Doctoral Student of the Department of "Economics and Management of the AIC" of FSBEI of HE "Dagestan State Agrarian University named after M.M. Jambulatov", e-mail: dalgatova2012@mail.ru
Demidova Alexandra Vyacheslavovna	Master of FSBEI of HE "Russian State University of Oil and Gas (NRU) named after I.M. Gupkin", Moscow, e-mail: demidov808@yandex.ru
Jabrailov Roman Aleskerovich	Candidate of Economic Sciences, Head of the Department of "Humanitarian Disciplines" of Derbent Branch of FSBEI of HE "Dagestan State Pedagogical University", e-mail: romana994@mail.ru
Dokholyan Sergey Vladimirovich	Doctor of Economic Sciences, Professor, Director of FSBIS "Institute of Social-Economic Studies of DSC of the RAS", e-mail: sergsvd@mail.ru
Kadiev Rasool Akhmedovich	Attorney, Dagestan Specialized Bar Association, e-mail: kadievra@mail.ru
Kardashova Mayakhaloon Abu-Ganipovna	Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of "Economics and Management of the AIC" of FSBEI of HE "Dagestan State Agrarian University named after M.M. Jambulatov", e-mail: mayakhalun.kardashova@mail.ru
Kiyaniytina Liliya Nikolaevna	Doctoral Student of the Department of "Economics" of FSBEI of HE "Ugra State University", e-mail: kiyanitysna@yandex.ru
Kurbanov Kazbek Kerimovich	Candidate of Economic Sciences, Head of Division of FSBIS "Institute of Social-Economic Studies" of DSC of the RAS, e-mail: kkurbanov@mail.ru
Makhmoodov Moorad Kerimovich	Senior Lecturer of Derbent Branch of FSBEI of HE "Dagestan State University", e-mail: romana994@mail.ru
Prokopiev Mikhail Grigorievich	Doctor of Economic Sciences, Head Research Associate of FSBIS "Institute of Market Problems" of the RAS, e-mail: mgprokopyev@yandex.ru
Roschupkina Violetta Victorovna	Doctor of Economic Sciences, Professor of the Department of "Finances and Credit" of FSAEI of HE "North Caucasian Federal University", Stavropol, e-mail: kluvil@rambler.ru
Ryazantseva Margarita Vasilievna	Associate Professor of the Department of "Psychology and Staff Management" of the Finance University affiliated with the Government of the Russian Federation, e-mail: mriaz@yandex.ru
Sagidov Yuriy Nurmagomedovich	Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Research Associate of FSBIS "Institute of Social-Economic Studies of DSC of the RAS", e-mail: sagidov39@mail.ru
Smirnov Vladimir Mikhailovich	Assistant of Director of the Institute of Accelerated Programs, Professor of the Department of "Economic Theory" of the Finance University affiliated with the Government of the Russian Federation, e-mail: VMSmirnov@fa.ru
Toloraya Georgiy Davidovich	Doctor of Economic Sciences, Professor of FSBIS "Institute of Economics" of the RAS, Head of the Center of Russian Strategy in Asia, e-mail: rumirasaf@yandex.ru

<p>Trigoobenko Marina Evgenievna</p>	<p>Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Chief Research Associate of FSBIS "Institute of Economics" of the RAS, e-mail: trigubenkom@mail.ru</p>
<p>Umavov Yusup Janibekovich</p>	<p>Candidate of Economic Sciences, Head of the Department of "Commerce and Marketing" of FSBEI of HE "Dagestan State University", e-mail: dagtop@mail.ru</p>
<p>Khoobieva Janna Kemalovna</p>	<p>Candidate of Economic Sciences, Head of the Department of "Economic and Financial Disciplines" of FSBEI of HE "Karachay-Cherkessian State University named after U.D. Aliev", e-mail: zhannakhubieva@rambler.ru</p>
<p>Chernyshov Mikhail Mikhailovich</p>	<p>Candidate of Economic Sciences, Senior Research Associate of FSBIS "Institute of Market Problems" of the RAS, e-mail: mcherny@bk.ru</p>
<p>Sheikhova Patimat Magomedovna</p>	<p>Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of "Economic Theory and Management" FSBEI of HE "Dagestan State Agrarian University named after M.M. Jambulatov", e-mail: sheykhova.patya@mail.ru</p>
<p>Yakovleva Lyubov Nikolaevna</p>	<p>Junior Research Associate of FSBIS "Institute of Economics" of the RAS, e-mail: miyo2008@yandex.ru</p>

Научное издание

Ежемесячный научный журнал

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ

Главный редактор: Дохолян С.В.
Компьютерный дизайн-верстка: Джамилев А.М.
Корректур: Брезман А., Мирохватова М.

Подписано в печать 27.10.2016 г. Сдано в печать 29.10.2016г.
Формат 60*84 /8. Гарнитура «Times». Бумага офсетная
Тираж 1000. Усл. п.л. 22,5. Заказ № 343.

© НП «Редакция журнала «Региональные
проблемы преобразования экономики»
Тел.: 8-8722-62-45-16, 8-928-800-222-0
e-mail: rpre@mail.ru

Отпечатано на типографской базе
ООО «Апробация»
367008, РД, г. Махачкала, ул. Дзержинского, 17^б
Тел.: 8 (989)-669 –15 –15

